

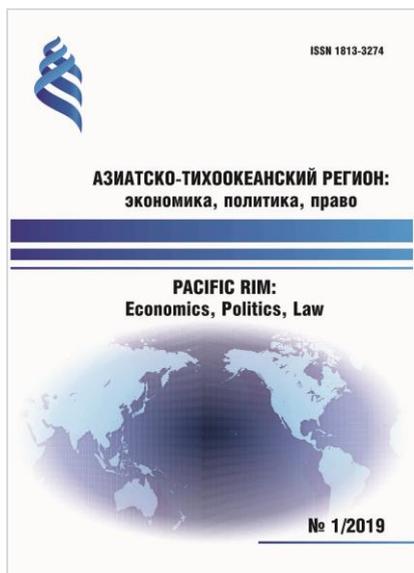
АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Научный
журнал

Основан в 1999 году

2019
№ 1

Учредитель

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

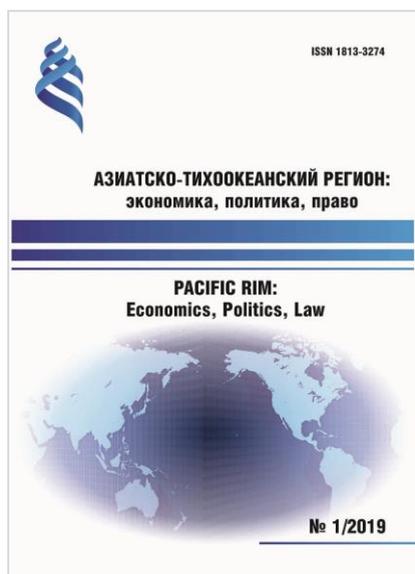
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2019
No.1

Founder

- Registration certificate
ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016.
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results, of Candidate and Doctoral Dissertations.
- Materials of the Journal are included into the Russian Science Citation Index.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus
Building A (24), office A920–923
Far Eastern Federal University
Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия

ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ Пётр Яковлевич** академик Российской академии наук, директор Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН Виктор Григорьевич** советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ Дэвид** директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН Анатолий Яковлевич** научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич** проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ Владимир Иванович** член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ Сеун** председатель Совета Образовательного фонда ShinIL Seoul Cyber University, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Дальневосточного федерального университета
- ПАК Ноенг** профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- РОГОВ Игорь Иванович** заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СНАЙДЕР Даниель	заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, Соединённые Штаты Америки
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Дмитриевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Chair of Department of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia

Evgeny P. Zharikov Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, Director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

- David VanderZwaag** Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada
- Anatoly Ya. Kapustin** Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
- Alexey S. Koshel** Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Lee Se Ung** Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of Far Eastern Federal University
- Park Nohyoung** Professor of Law, School of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
- Daniel C. Sneider** Associate Director for Research, Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, United States of America
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey D. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
--------------------------------------	----

СОТРУДНИЧЕСТВО В АТР

<i>Кузнецова Н. В., Клецель Н. В.</i> Место технологических платформ в стратегии инновационно-технологического развития России	15
<i>Жариков Е.П., Кун Мин, Тан Цуйчжу.</i> Глубина интеграции российской и китайской транспортных систем	38
<i>Синьтун Ван, Денисов В. В.</i> Тенденции развития сельской электронной коммерции в Китае	51

ИНСТРУМЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ

<i>Подошвелёв Р. А.</i> Влияние на рыбную ренту гетерогенности морских биоресурсов и неопределенности обновления биомассы	61
<i>Попова Т. Н.</i> Концепция развития публичной нефинансовой отчётности и стандарт GRI (глобальная инициатива по отчётности): перспективы применения в России	72
<i>Жевлаков Г. Д.</i> Продовольственная и экологическая устойчивость в обеспечении безопасности общества	79

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

<i>Арямов А. А., Грачёва Ю. В., Чучаев А. И., Маликов С. В., Ольков С. Г.</i> Налогообложение оборота цифровых активов	96
<i>Шишкина О. Е., Иванцова Е. А.</i> Государственная и муниципальная должности: проблемы и противоречия правового регулирования	130

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Рарог А. И.</i> Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России	143
--	-----

Contents

To the Readers	11
COOPERATION IN THE ASIA-PASIFIC REGION	
<i>Kuznetsova Natalia V., Klezel Natalia V.</i> Place of technology platforms in the strategy of innovation and technological development of Russia	15
<i>Zharikov Evgenie P., Kong Ming, Tang Cuizhu.</i> Depth of integration of Russian and Chinese transport systems	38
<i>Xintong Wang, Denisov Vladimir V.</i> Trends of development of electronic commerce in China	51
INSTRUMENTS FOR SUSTAINABLE TRACT IN THE REGION	
<i>Podoshvelev Roman A.</i> Marine bioresources heterogeneity and uncertainty in biomass renewal as impact on the fishing rent	61
<i>Tatiana N. Popova.</i> The concept of public non-financial reporting and the GRI (global reporting initiative) standard: prospects for application in Russia	72
<i>Zhevlakov Georgii D.</i> Food and ecological sustainability in ensuring public security	79
LEGAL REGULATION	
<i>Aryamov Andrew A., Gracheva Julia V., Chuchaev Alexander I., Malikov Sergei V., Olkov Sergei G.</i> Taxation of digital assets	96
<i>Shishkina Olga E., Ivantsova Elena A.</i> Public and municipal office positions: gaps and contradictions of legal regulation	130
CRIMINAL LAW	
<i>Rarog Alexey I.</i> Legislator's mistakes and their impact on Russian criminal policy .	143

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чревата замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, E-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;
- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716). E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references;

- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;

- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);

- links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";

- list of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source;

- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716). E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО В АТР COOPERATION IN THE ASIA-PASIFIC REGION

УДК 338:001.895(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/15-37

Н. В. Кузнецова¹

Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Н. В. Клецель²

Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия

E-mail: vaskina.nv@students.dvfu.ru

МЕСТО ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Аннотация. Уже более 15 лет технологические платформы активно внедряются в качестве стратегии инновационно-технологического развития в различных странах мира. Сегодня рынки сами обретают архитектуру модульных платформ: платформа как технологическая конструкция (программная интеграция данных и приложений для их обработки); платформа как бизнес-модель; платформа как открытая, общедоступная инфраструктура. Трансформация рынков идёт очень быстро. Уже в 2015 г., по оценке МИТ, 70% из 115 компаний, превысивших капитализацию в 1 млрд долл., были держателями платформ. Это формирует новые рынки. Основные их характеристики – товары и услуги, обладающие такими качествами и характеристиками, как интеллектуальность, мобильность, соответствие индивидуальным требованиям потребителя (высокий уровень кастомизации), экологичность и ресурсоэффективность. Формирование

---

¹ Наталья Викторовна Кузнецова, доктор экон. наук, профессор кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Наталья Витальевна Клецель, магистрант 2 курса, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Клецель Н. В. Место технологических платформ в стратегии инновационно-технологического развития России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 15–37.

*Результаты были получены при выполнении научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-014-00001 «Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – пути снижения неожиданных эффектов от наступления «больших вызовов».

такого рода экономики предполагает фундаментальную трансформацию, изменение архитектуры и масштабов существующих отраслей и социальной сферы, и сделать это возможно с помощью ТП. Опыт использования данного подхода в Европе говорит не только о его успехе, но и подчёркивает важность и эффективность подобного инструмента. Однако при всей известности механизма наблюдается некоторая неопределённость в возможностях технологических платформ. Для того, чтобы составить целостное представление о концепции, был разработан подход, позволяющий подчеркнуть достоинства данного инструмента на теоретическом уровне. Также были проведены анализ актуальности технологических платформ в инновационной инфраструктуре России и оценка положения платформ в рамках других инструментов инновационно-технологического развития, что подчеркнуло важность и многогранность данного подхода в российской экономике.

Ключевые слова: технологические платформы, концепция, конкурентоспособность, развитие, регионализм, инновации, кластеры, инфраструктура, интеграционные процессы, конкурентные преимущества, технопарки, технологии, приоритетные направления, глобальные тенденции, НИОКР, экономический рост, теоретические предпосылки, стратегия, отрасли, международная конкуренция.

Natalia V. Kuznetsova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Natalia V. Klezel²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: vaskina.nv@students.dvfu.ru

PLACE OF TECHNOLOGY PLATFORMS IN THE STRATEGY OF INNOVATION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Abstract. For over 15 years technology platforms have been actively introduced as a strategy for innovative and technological development in various countries of the world. Today, the markets themselves acquire the structure of platforms and technological

---

¹ Natalia V. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor, International Economics Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Natalia V. Klezel, 2nd year Master's degree student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuznetsova N. V., Klezel N. V. Place of technology platforms in the strategy of innovation and technological development of Russia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 15–37.

frameworks (program integration of data and applications for their processing); platform as a business model, platform as an open, public infrastructure. Transformation of the markets is going very fast. According to MIT, in 2015 70% of the 115 companies that exceeded the capitalization of \$ 1 billion were platform holders. This trend has formed new markets. Their main characteristics are goods and services with such qualitative characteristics and indicators as intelligence, mobility, compliance with individual customer requirements (high level of customization), environmental friendliness and resource efficiency. The formation of this kind of economy involves a fundamental transformation, change in the architecture and scale of existing industries and the social sphere; it can be done with the help of technological platforms. The experience of using this approach in Europe speaks not only of its success but also emphasizes the importance and effectiveness of this tool. However, despite the success of the mechanism, there is some uncertainty in the capabilities of technological platforms. In order to create a holistic view of the concept, an approach was developed allowing to emphasize the advantages of this tool on a theoretical level. Also, an analysis was made of the relevance of technological platforms in the innovation infrastructure of Russia and an assessment of the position of the platforms in the context of other tools of innovation and technological development which emphasized the importance and diversity of this approach in the Russian economy.

Key words: technology platforms, concept, competitiveness, development, regionalism, innovations, clusters, infrastructure, integration processes, competitive advantages, technology parks, technologies, priority areas, global trends, R & D, economic growth, theoretical background, strategy, industry, international competition.

Для всех сегодня очевидна необходимость выстраивания перспективных направлений сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством применения эффективных инструментов инновационно-технологического развития. Практикой доказана эффективность института *технологические платформы (ТП)* для обеспечения повышения уровня конкурентных преимуществ различных секторов экономики в стране.

Предпосылки возникновения технологических платформ. Термин ТП предложен Еврокомиссией в 2004 г. для обозначения тематических направлений, в рамках которых формулируются приоритеты в 7-й Европейской рамочной программе научно-технологического развития Европейского союза на 2007–2013 гг. В самом общем виде технологические платформы – это инструмент, в первую очередь структурирующий интересы различных сторон на конкретных отраслевых направлениях и в части взаимодействия европейских государств, их бизнеса, науки и образования, которые

должны решить задачу технологической независимости Европы. ТП были определены как площадки, где разрабатывается стратегия развития научно-технических направлений, которая затем ложится в основу конкретных программ и проектов Рамочной программы научно-исследовательских работ ЕС [1].

Особенность ТП состоит в том, что теоретическим фундаментом их функционирования являются три теории: регионализм, инновации и конкурентные преимущества стран.

В изучении теории нового регионализма мы опирались на труды Б. Хеттне и Ф. Содербаума. Из книги Б. Хеттне «За пределами «нового» регионализма» следует, что регионализм развития отражает процессы взаимодействия групп стран в рамках одного географического региона, которые направлены на экономическую взаимодополняемость [2]. Одна из функций ТП – обеспечение потенциально эффективной интеграции различных субъектов социально-экономических отношений на уровне страны или региона.

Исследование инновационной составляющей в организации технологических платформ потребовало охвата значительного периода становления теорий инноваций и инновационного развития (см. рис. 1).

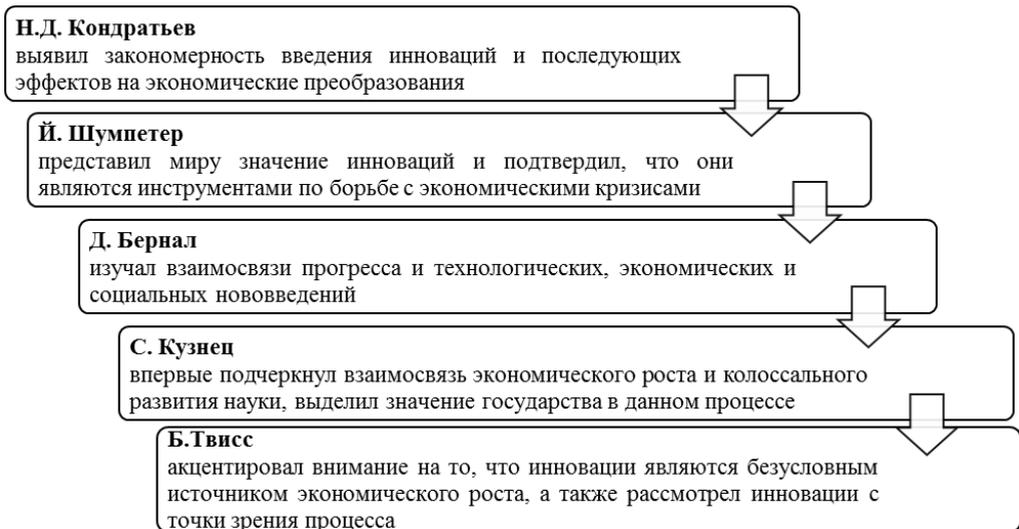

Рис. 1. Последовательность основных предпосылок возникновения ТП из теории инноваций и инновационного развития

Теории управления инновационным развитием предполагают системность организации инновационной деятельности в стране посредством использования её потенциала и регионального устройства. Обращение к национальным инновационным моделям позволяет увидеть возможные варианты развития экономики стран.

Так, современные модели национальной инновационной системы (НИС) подчёркивают важность инновационно-технологического развития страны с прямым участием государства, общества, науки и бизнеса. При изучении моделей НИС было выявлено, что у каждой модели есть свои особенности, которые способствуют развитию инноваций и технологий (табл. 1). Таблица демонстрирует выстраивание взаимодействия на базе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в разной степени между такими социально-экономическими субъектами, как: государство, наука, образование, бизнес, общество.

Конкурентное преимущество в определении М. Портера означает наличие уникальных свойств у экономического объекта, который выделяет его на фоне остальных в международной конкуренции. По сути, табл. 1 демонстрирует это: каждая модель опирается на конкурентные преимущества страны, именно ТП развивают потенциальное конкурентное преимущество в наиболее перспективных отраслях экономики, которое способно не только повысить экономический рост, но и обеспечить решение важных социально-экономических проблем общества в рамках интеграционных процессов одного региона.

Все вышеизложенные теории ложатся в основу развития технологических платформ. Следовательно, сущность ТП определяется следующим образом: платформы – это уникальный инструмент, позволяющий целенаправленно определять приоритетные направления инновационно-технологического развития, соединять в себе интересы и усилия различных участников экономики и общества, акцентировать внимание в отношении значимости приоритетных исследований и разработок в экономическом развитии, а главное – обеспечивать их разработку, создание, введение и коммерциализацию.

Технологические платформы в инновационной инфраструктуре России. Рассмотрим сеть инновационных элементов инфраструктуры: бизнес-инкубаторы и акселераторы, технопарки, наукограды, центры трансфера технологий, НИИ, биржи и базы данных интеллектуальной собственности, инновационные и венчурные фонды, технологические платформы, кластеры. Наиболее взаимосвязанными инструментами инновационно-технологического развития являются: инновационный кластер, технологическая платформа, технологический парк, бизнес-инкубатор. В табл. 2 представлены характеристики перечисленных инструментов инновационно-технологического развития.

Рассмотрим инструменты, наиболее приближенные к ТП. Технопарки определяют себя как единицы инновационного кластера и направлены на комплексное развитие отраслей и производств через разработку и трансфер технологий. В инновационной инфраструктуре РФ на 2018 г., по данным официального сайта геоинформационной системы промышленных парков, технопарков и кластеров, насчитывается 232 промышленных парков и 65 технопарков, которые действуют, создаются или планируются [4].

**Основные модели управления в сфере формирования
инновационной системы зарубежных стран [сост. по: 3]**

Основные модели развития инновационной системы	Особенности	Страны
Структуризация и совершенствование национальной инновационной системы	Государственная система управления и прогнозирования в инновационной сфере	Чили, Норвегия, Индия, Япония
	Организация государственного финансирования научно-технической сферы	Франция, Великобритания, Норвегия, Швеция, Австралия, США, Дания, Тайвань
	Создание условий развития фундаментальных исследований	Словения, Швеция, Германия
	Вовлечение малого и среднего бизнеса в инновационный процесс	Румыния, Словакия, Латвия, Турция, Чили
	Определение приоритетных направлений развития в области высоких технологий	Чехия, Румыния, Турция
Стимулирование интеграционных отношений между наукой и бизнесом внутри страны	Организация интеграционного взаимодействия ведущих университетов и корпораций внутри страны	США, Финляндия
	Разработка механизма привлечения национального богатства в науку и инновационную сферу, осуществление крупных государственных вложений в этот сектор экономики	Израиль, Ирландия, Китай, Великобритания, Финляндия
	Привлечение иностранного капитала в инновационную сферу	Корея, Малайзия, Индия, Израиль
	Стимулирование трансфера инновационных технологий из сферы науки	Германия, Япония, Новая Зеландия, Дания
	Создание условий образования взаимосвязей в инновационном секторе экономики	Норвегия, Ирландия, США
	Стимулирование инициативных региональных центров	Франция, Германия, Финляндия
Встраивание национальной инновационной системы в международные сети	Интеграция субъектов инновационного процесса	Финляндия, Израиль, Нидерланды, Китай
	Развитие и совершенствование технологической специализации	Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Индия

**Характерные черты инструментов
инновационно-технологического развития ***

Название инструмента	Характерная черта	Недостатки
Инновационный кластер	<ul style="list-style-type: none"> – Оптимизация производственных процессов. – Коммерциализация разработок. – Развитие региона, в котором функционирует кластер. – Повышение уровня конкурентных преимуществ предприятий.	Руководствуется экономическими и коммерческими интересами с учётом того, что данный вид объединения является одним из самых масштабных.
Технологическая платформа	Нацелена на решение социальных и экономических проблем путём развертывания стратегических научных исследований. Структурированный механизм инновационно-технологического развития.	Требует высокой степени интеграции и заинтересованности участников.
Технопарки (отраслевые, индустриальные)	<ul style="list-style-type: none"> – Развивают определённое отраслевое направление. – Повышают конкурентоспособность промышленности. – Разрабатывают наукоёмкие технологии.	Региональный уровень взаимодействия.
Бизнес-инкубатор	<ul style="list-style-type: none"> – Направленность на развитие конкретного отраслевого направления, повышение конкурентоспособности промышленности. – Разработка наукоёмких технологий.	Региональный временный уровень взаимодействия.

Кластерный подход актуален и весьма эффективен в части повышения конкурентоспособности экономики региона, обеспечения инфраструктурой и коммерциализации результатов НИОКР. Данная форма взаимодействия обеспечивает высокий уровень интеграции участников и повышает инвестиционную привлекательность субъектов взаимодействия. Однако конечной целью данного объединения является развитие региона и коммерциализация разработок. По данным Российской кластерной обсерватории, насчитывается 119 промышленных, инновационных, туристических кластеров и агрокластеров [5]. В сравнении с российскими технологи-

* Составлено авторами.

ческими платформами, которых насчитывается 36, по данным Минэкономразвития на 2018 г., выявляется явное пересечение тематик [6].

И хотя теоретически правильным является развитие кластеров, а затем только технологических платформ, в данном случае следует отметить, что формирование кластеров и технологических платформ происходит практически параллельно. И сами кластеры позиционируются как элемент территориального развития, объединяющего в себе усилия государства, промышленности, науки и образования, что очень схоже с технологическими платформами, и этим принципом они практически сливаются. В российской практике грани двух данных инструментов размыты, что не позволяет демонстрировать преимущества инструментов в той степени, которые им свойственны. В табл. 3 представлены оригинальные теоретические различия двух данных инструментов. Если смотреть по части эффективности и результативности деятельности кластеров и платформ, видно, что кластеры в РФ – более отлаженный механизм, чем технологические платформы. Кроме того, за ними осуществляется более чёткий контроль в отношении оценки деятельности и результативности, что подтверждают ежегодные отчёты [5].

Таблица 3

Сравнение кластеров и ТП*

Критерии	Кластеры	Технологические платформы
Элементы	Фирмы одной или нескольких взаимосвязанных отраслей и другие организации.	Объединение усилий государства, бизнеса, науки и общества в рамках единого сектора экономики.
Ожидаемый результат	Обеспечивают экономию за счёт эффекта масштаба.	Обеспечивают эффект инновационности наиболее перспективных направлений развития экономики.
Территория	Имеют чёткую привязку к территории, побочный эффект – дополнительные условия для развития экономики региона.	Участники не обязательно должны иметь единое географическое расположение.
Технологическая составляющая	Совокупность производств, связанных одной и той же технологией; распространение существующих технологий среди совокупности предприятий.	Участники могут иметь различающиеся технологии производства, вариантность технологических решений, но единое технологическое направление; отсутствие готовых решений и лучших практик.
Вероятность эффекта латеральности	Сосредоточены вокруг одного центра – лидирующего крупного предприятия.	Равноправное участие, координируемое инициатором.

* Составлено авторами.

Существуют главные отличительные черты платформ, которые всё же способствуют закреплению их позиций на уровне масштабного национального инструмента инновационно-технологического развития. Технологические платформы действуют в целях разработки перспективных направлений стратегического развития, а также их основополагающим мотивом является решение социально-экономических проблем. Ключевое звено технологической платформы – разработка направлений исследований путём настраивания коммуникаций секторов экономики и общества [7], а также ТП реализуют междисциплинарные и межсекторальные исследования, что в отраслевом развитии имеет важную роль.

Сравним распространение платформ в странах мира. В табл. 4 представлены данные по регионам, где применяется концепция технологических платформ.

Таблица 4

Распространение технологических платформ в мире

[сост. по: 7, 8, 9, 10, 11, 12]

Страна/ регион	Год создания	Количество	Примеры платформ	Статус развития	Отличительные черты
Европейский союз	2002	39	1. Европейская технологическая платформа по устойчивым минеральным ресурсам. 2. Европейская инициатива по сетевому оборудованию и услугам.	Развиты, высший уровень – Совместные технологические инициативы	Сбалансированные структура и процесс функционирования платформ. Отлаженная система оценки эффективности деятельности платформ, позволяющая выявлять проблемы и предлагать мероприятия по их решению. Инициатива создания формируется стейкхолдерами, государственное финансирование проводится только на начальных порах.
Турция	2008	5+	1. Турецкая строительная технологическая платформа. 2. Национальная	Средний уровень развития	Турецкие платформы функционируют не только на национальном уровне, некоторые из них также являются дубликатом Европейских технологических платформ. Разработка стратегических направлений деятельности

			продовольственная технологическая платформа.		платформ организуется при поддержке различных министерств, организаций и ассоциаций выбранного сектора деятельности платформ.
Евразийский союз	2017	14	1. Евразия-Био 2. Евразийская технологическая платформа «Лёгкая промышленность».	Формируются	Основным ориентиром разрабатываемых платформ является объединение научного потенциала стран-участниц и использование существующих научных достижений для решения социально-экономических проблем, разработки и коммерциализации продуктов, технологий инновационной деятельности.
Беларусь	2013	9+	1. Нанотехнологическая платформа по наноструктурам из металлов, полупроводников и диэлектриков. 2. Нанотехнологическая платформа по материалам и структурам нанопластики.	Развиваются	Ориентируются на направления формирования платформ в России. Каждая платформа должна представлять собой научно-учебно-производственный центр, оснащённый современным технологическим и аналитическим оборудованием по профилю своей деятельности.
Россия	2011	36	1. Интеллектуальная энергетическая система России. 2. Национальная космическая технологическая платформа.	Развиваются	Высокая степень поддержки государством в части запуска и финансирования технологических платформ, продвижения концепции. Широкий перечень сфер отраслевой деятельности технологических платформ в рамках одной страны.

Наибольшее развитие ТП наблюдается в Европейском союзе. За шестнадцатилетний период было сформировано 39 технологических платформ, пять из которых достигли колоссального уровня развития, вследствие чего были сформированы в Совместные технологические инициативы [7]. Россия следует за Европой по количеству платформ, их насчитывается 36 [6], однако на текущий момент они находятся в стадии развития. Уникальным для России является разнообразный отраслевой спектр деятельности платформ, поскольку подобного явления ни в одной другой стране мира не встречается. В Беларуси создана национальная сеть нанотехнологических платформ, в которую входит 9 платформ [8].

Подобная форма реализации инструмента является исключительной. Россия и Беларусь входят в Евразийские технологические платформы. Данное объединение было сформировано в 2017 г. и находится на стадии формирования. Платформы Евразийского экономического союза разрабатываются с целью аккумуляции потенциалов стран-участниц для разработки и продвижения технологий и инноваций для совместного решения важных социально-экономических задач [11].

Технологические платформы в России: провал или успех. В табл. 5 представлены российские технологические платформы на 2018 г.

Таблица 5

Российские технологические платформы [сост. по: 6]

№	Название платформы	Год основания	Регион
1	Медицина будущего	2011	Томская область
2	Биотех2030	2012	Москва
3	Биоэнергетика	2010	Москва
4	Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа	2011	Москва
5	Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника	2011	Москва
6	Развитие российских светодиодных технологий	2011	Москва
7	Авиационная мобильность и авиационные технологии	2010	Московская обл.
8	Национальная космическая технологическая платформа	2011	Москва
9	Национальная информационная спутниковая система	2011	Красноярский край
10	Замкнутый ядерный топливный цикл с реакторами на быстрых нейтронах	2011	Москва
11	Управляемый термоядерный синтез	2011	Москва
12	Радиационные технологии	2011	Москва
13	Интеллектуальная энергетическая система России	2010	Москва

14	Экологическая чистая тепловая энергетика высокой эффективности	2011	Москва
15	Перспективные технологии возобновляемой энергетики	2010	Москва
16	Малая распределённая энергетика	2011	Москва
17	Новые полимерные композиционные материалы и технологии	2011	Москва
18	Материалы и технологии металлургии	2013	Москва
19	Технологическая платформа твёрдых полезных ископаемых	2013	Москва
20	Технологии добычи и использования углеводородов	2011	Москва
21	Глубокая переработка углеводородных ресурсов	2011	Москва
22	Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроение	2011	Москва
23	СВЧ технологии	2011	Москва
24	Освоение Океана	2011	Оформляется в Приморском крае
25	Технологии экологического развития	2011	Москва
26	Моделирование и технологии эксплуатации высокотехнологических систем (промышленность будущего)	2011	Москва
27	Текстильная и лёгкая промышленность	2012	Республика Татарстан
28	Экологически чистый транспорт «зелёный автомобиль»	2012	Москва
29	Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания	2012	Воронежская обл.
30	Лёгкие и надёжные конструкции	2012	Московская обл.
31	Комплексная безопасность промышленности и энергетики	2011	Москва
32	Строительство и архитектура	2014	Москва
33	Использование результатов космической деятельности в интересах конечных потребителей	2016	Москва
34	Инновационные машинные технологии сельского хозяйства	2016	Москва
35	Национальная программная платформа	2010	Москва
36	Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт	2010	Москва

Технологические платформы сформированы по наиболее перспективным направлениям научно-технологического развития российского бизнеса: медицинские и биотехнологии; информационно-коммуникационные технологии; фотоника; авиакосмические технологии; ядерные и радиационные технологии; энергетика; технологии транспорта; технологии металлургии и новые материалы; добыча природных ресурсов и нефтегазопереработка; электроника и технологии машиностроения; экологическое развитие; промышленные технологии [13].

Основываясь на данных таблицы, следует отметить, что основная концентрация технологических платформ приходится на Москву и Московскую область. Кроме этого ТП расположены в Татарстане, Воронежской области, Томской области и Красноярском крае. Новые технологические платформы, утверждённые на 2016 г., также приходятся на Московскую область. Новые платформы охватывают сферы сельского хозяйства и использования результатов космической деятельности.

На Дальний Восток приходится только одна технологическая платформа «Освоение океана», созданная в 2011 г. в Приморском крае. В формировании данной платформы задействованы вузы, в число которых входит Дальневосточный федеральный университет, институты РАН, отраслевые НИИ, промышленные предприятия, а также малые предприятия. Платформа охватывает 4 технологических направления: технологии морских роботизированных систем, технологии освоения природных ресурсов Мирового океана, информационные технологии и системы для освоения Мирового океана, технологии создания морской техники.

При формировании концептуального подхода запуска российских технологических платформ Минэкономразвития придерживалось общего подхода, основанного на изучении опыта европейских платформ. Однако при адаптации данного механизма российские технологические платформы были изменены, больше в части последовательности формирования инициативы и их практического назначения. Здесь следует отметить, что определение технологических платформ в РФ звучит следующим образом: «коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества), совершенствование нормативно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития» [14]. Внедрением подобного инструмента правительство России предполагало заполнение ряда пустот по инновационно-технологическому развитию страны: неясность интересов бизнеса, низкий уровень коммуникационного взаимодействия между представителями различных экономических и социальных секторов, фрагментарность, неоднородность исследований и проблемы коммерциализации ре-

зультатов исследования, отсутствие качественных и эффективных инструментов инновационно-технологического развития.

Основными задачами российских технологических платформ стали: вовлечение бизнес-сектора и общества в процесс разработки и реализации направлений научно-технологического развития; поиск возможностей модернизации экономики; обеспечение новыми стандартами и средствами трансфера технологий; стимулирование инноваций и инновационной активности бизнеса; расширение кооперации между заинтересованными сторонами платформ в инновационной сфере; продвижение и коммерциализация результатов НИОКР [12].

Российские платформы, так же как и Европейские, формируются в 3 этапа, но отличаются их содержательной частью. Сначала создаётся перспективный облик сектора на долгосрочную перспективу, затем стратегическая программа исследований и план его внедрения. Так на нулевом этапе создаётся предполагаемый внешний вид платформы, с предварительным паспортом и её участниками. Отбираются эксперты технологической платформы. Уже только на следующем шаге платформа формируется и готовится к проработке содержательной структуры инновационного взаимодействия. На втором этапе формулируются конкретные цели, задачи и направления исследования. Оцениваются научно-технологический потенциал и необходимая инфраструктура, подготавливаются видение, дорожная карта и стратегический план. Данный этап можно охарактеризовать как целеполагание и планирование деятельности. В дальнейшем осуществляется продвижение платформ путём реализации проектов и программ НИОКР, выработанных в платформе. Руководство, координация и содействие распространению лучшей практики российских технологических платформ осуществляется Рабочей группой Правительственной комиссии. Каждая платформа предоставляет отчёт о проделанных этапах исследований и общей деятельности. Кроме того, экспертами рабочей группы осуществляется выборочное интервьюирование платформ о степени удовлетворённости участников и их уровне подготовки. Однако общей отчётности об эффективности реализации данной концепции государством не проводится, что в целом усложняет представление общей картины состояния и результатов платформ.

Фактически российские технологические платформы на текущий 2018 г. не достигли стадии зрелости. Государственное регулирование за восьмилетний период способствовало запуску механизма, стимулировало к объединению различных групп участников и направляло платформы на качественную проработку стратегических планов и организационной структуры. Таким образом, результаты данной работы были оформлены в обзоре о Российских технологических платформах, представленном Минэкономразвития РФ в январе 2018 г. [6]. В документе были обозначены структура и состав участников платформ, среднесрочные

направления деятельности и реализуемые проекты, кроме того преимущества, возможности и формат проведения международного сотрудничества. Но стоит отметить, что информация о ключевых достигнутых результатах платформ так и не была представлена.

Одним из главных этапов развития российских технологических платформ, на данный момент, является формирование Евразийских технологических платформ, поскольку одно из видений их создания предполагает продолжение развертывания платформенных структур России через данную форму сотрудничества.

Таким образом, переориентация концепции технологических платформ в России наблюдается с самого начала. Государством было определено, что подобный механизм, который уже добился колоссального успеха в Европе, сможет эффективно работать в России. Однако данное мнение было ошибочным, поскольку интересы и сплоченности бизнеса, промышленности и науки в поиске мер многомерного сотрудничества в России не наблюдалось, так же, как и развитости инфраструктуры, обе проблемы и предполагалось решать данным инструментом. Подобное мнение подтверждено выше обозначенной последовательностью формирования и тем, что правительство РФ неоднократно в процессе запуска платформ привлекало принудительным образом бизнес сектор. Необходимо отметить доминирование отсутствия инфраструктурной базы, необходимой для раскрытия всего научно-технологического потенциала платформ, из-за чего процесс их развития протекает медленно и затруднительно.

Следует фрагментарно продемонстрировать потенциальные предпосылки России к созданию ТП.

Рассмотрим платёжно-технологический баланс России. Данные по платежам и поступлениям с 2006 г. по 2014 г. взяты из статистической базы ОЭСР. Для определения позиций России в табл. 6 представлены значения по 8 странам в млн текущих долл. Несомненно, США лидируют по показателям платёжно-технологического баланса, по данным табл. 6 видно, что поступления от продаж технологий превышают выплаты на протяжении всего рассматриваемого периода. Кроме того, их отличает увеличение активов сальдо баланса с 2006 г. по 2014 г.

США занимают высокую позицию в продаже технологий за рубеж. Далее следуют Япония, Великобритания – страны, которые схожи в темпе наращивания активов и размере сальдо платёжно-технологического баланса. Россия отличается на фоне всех рассматриваемых стран постоянством дефицита в торговле технологиями. Причём увеличение **дефицита** произошло практически в два раза по сравнению с 2006 г. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Россия не смогла достигнуть положительных тенденций в наращивании объёмов продажи технологий за рубеж. Однако изменение тенденции может быть обеспечено за счёт увеличения объёмов НИОКР, которое можно реализовать посредством ТП.

Платёжно-технологический баланс [сост. по: 15]

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Канада									
Поступления	2498,3	3139,4	2754,3	2306,9	3000,5	2652,8	2637,1	2620,9	...
Платежи	1225,36	1527,8	1042,1	823,2	565,9	763,99	892,7	1227,43	...
Баланс	1272,94	1611,6	1712,2	1483,7	2434,6	1888,81	1744,4	1393,47	
Германия									
Поступления	34106,9	40988,9	49613,7	48566,1	58245,5	69603,9	70914,9	67380,2	71436,7
Платежи	30608,1	37318,1	41529,3	40078,2	45207,9	53846,8	55606,3	54830,4	54364,2
Баланс	3498,8	3670,8	8084,4	8487,9	13037,6	15757,1	15308,6	12549,8	17072,5
Италия									
Поступления	4967,9	5737,3	11178,9	8848,3	10276,9	12177,7	13841,8	14354,7	13896,2
Платежи	3989,9	4619,3	15611,4	13328,5	13865,5	15201,5	12807,2	14320,1	14861,9
Баланс	978	1118	-4432,5	-4480,2	-3588,6	-3023,8	1034,6	34,6	-965,7
Япония									
Поступления	20448,75	21080,2	21531,4	21538,2	27758,5	29887,2	34102,4	34788,2	34549,4
Платежи	6065,3	6033,9	5085,4	5716,6	6038,6	5197	5622,7	5919,8	4842,6
Баланс	14383,45	15046,3	16446	15821,6	21719,9	24690,2	28479,7	28868,4	29706,8
Республика Корея									
Поступления	1896,6	2178,3	2529,6	3581,9	3344,9	4032,1	5310,8	6845,7	...
Платежи	4837,6	5103,5	5669,3	8438,1	10234,3	9900,5	11051,9	12038,4	...
Баланс	-2941	-2925,2	-3139,7	-4856,2	-6889,4	-5868,4	-5741,1	-5192,7	
Россия									
Поступления	528,5	622,96	872,1	606,9	627,8	592,6	688,8	773,7	1279,2
Платежи	1137,9	1396,2	2217,5	1572,5	1410,1	1915,4	2053	2468,8	2455,8
Баланс	-609,4	-773,24	-1345,4	-965,6	-782,3	-1322,8	-1364,2	-1695,1	-1176,6
Великобритания									
Поступления	30179,2	33343,2	33796,2	29527,1	3119,6	35653,8	37185,2	42269,3	45607,5
Платежи	15227,6	17153,8	18205,2	17207,8	18425,4	17826,1	19281,4	21788,1	19377
Баланс	14951,6	16189,4	15591	12319,3	-15305,8	17827,7	17903,8	20481,2	26230,5
США									
Поступления	75699	85430	94453	93949	100569	119936	122658	126229	136271
Платежи	42994	50128	57509	61884	69577	81826	84168	87334	89419
Баланс	32705	35302	36944	32065	30992	38110	38490	38895	46852

В целом по России доля инновационных товаров (рис. 2) на 2017 г. составляет 7,2 % [16]. Пик роста значений показателя пришёлся на 2013 г., после чего наблюдается отрицательная динамика.

В региональном разрезе – Приволжский федеральный округ занимает первую позицию, с долей 13,3 % на 2017 г. Далее следуют Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Однако стоит отметить, что в Центральном федеральном округе наблюдается разнородная тенденция. Подобные скачки отмечены и в Дальневосточном федеральном округе. Данный недостаток научно-технологического развития может быть устранён путём внедрения эффективных инструментов инновационно-технологического развития.

Рис. 2. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг с 2010 г. по 2017 г.

Всего в России число используемых передовых производственных технологий на 2016 г. составило 232 388 (табл. 7). Темп прироста составил 14, 3 % по сравнению с базисным годом.

Если рассматривать применение передовых производственных технологий по видам экономической деятельности, видно, что технологии в большем объёме используются в обрабатывающей промышленности, далее следуют научные исследования и разработки, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Если проводить оценку по наукоёмким, среднетехнологичным и высокотехнологичным видам экономической деятельности, то за весь рассматриваемый период наблюдается преобладание использования передовых технологий в среднетехнологичных видах экономической деятельности. В высокотехнологичной и наукоёмкой деятельности использование передовых производственных технологий идёт практически наравне, значение показателей на 2016 г. колеблется в районе 34 тыс.

**Число используемых передовых производственных технологий в России
с 2010 г. по 2016 г. по видам экономической деятельности [сост. по: 16]**

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего, в том числе:	203330	191650	191372	193830	204546	218018	232388
Добыча полезных ископаемых	7914	8474	9527	9050	8892	9222	9989
Обрабатывающие производства	135945	118021	119182	121103	127492	146700	152820
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	16262	14649	14237	15959	16971	18443	21849
Деятельность в об- ласти электросвязи	...	3208	3007	3826	4615	5030	6083
Деятельность, свя- занная с использова- нием вычислитель- ной техники и ИТ	2875	2873	1952	2229	3010	3594	5374
Научные исследо- вания и разработки	25461	29873	30454	28765	29469	22195	23431
Деятельность в об- ласти архитектуры, инженерно- техническое проек- тирование в про- мышленности и строительстве	9617	9347	7743	7294	6959	6313	5895
Технические испы- тания, исследова- ния и сертификация	389	312	318	341	488	530	704
Высокотехнологич- ные виды экономи- ческой деятельности	...	...	22085	22571	23946	32399	34307
Среднетехнологич- ные виды экономи- ческой деятельности	...	...	39392	39501	40445	42073	42580
Наукоёмкие виды экономической дея- тельности	...	...	35413	34820	37594	30819	34888

Наименьшее количество разработанных передовых технологий, новых для России, наблюдается в таких видах экономической деятельности, как: технические испытания, исследования и сертификация, а также деятельность в области электро-связи (табл. 8). Улучшение условий для развития новых технологий будет способствовать наращиванию объёмов.

Таблица 8

Число разработанных передовых технологий, новых для России, с 2010 г. по 2016 г. по видам экономической деятельности [сост. по: 16]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего, в том числе:	762	1028	1188	1276	1245	1223	1342
Добыча полезных ископаемых	5	7	12	12	23	17	25
Обрабатывающие производства	215	320	320	374	382	416	491
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5	22	32	38	32	28	37
Деятельность в области электросвязи	0	3	12	10	10	7	19
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и ИТ	72	11	19	22	24	40	76
Научные исследования и разработки	385	471	493	536	461	429	400
Деятельность в области архитектуры, инженерно-техническое проектирование в промышленности и строительстве	11	18	30	29	35	28	26
Технические испытания, исследования и сертификация	2	2		1	2	1	10
Высокотехнологичные виды экономической деятельности	...	...	73	107	123	144	120
Среднетехнологичные виды экономической деятельности	...	...	77	86	73	88	106
Наукоёмкие виды экономической деятельности	...	...	524	568	495	476	495

В чём были допущены ошибки при формировании платформ? Государством не был проработан механизм эффективного функционирования платформ в российских условиях, но тем не менее началось его внедрение по параметрам, поставлен-

ным государством (согласно перечню критических технологий), что ещё больше усугубило ситуацию с осознанием участников, как и зачем необходимо встраиваться во взаимодействие.

Важной проблемой в формировании и запуске технологических платформ оказался и порядок инициативы формирования. Вследствие того, что государством были определены критические технологии и отрасли, которые необходимо было первоначально и срочно развивать в догоняющем темпе, стратегические идеи и взгляды на решение актуальных социальных проблем остальных секторов участников платформ не учитывались. Здесь же и проявляется первое отличие от европейских технологических платформ. В случае европейских платформ, заинтересованные стороны – это стержень платформы, которые своим пониманием преимуществ данного объединения запускают колоссальные масштабы междисциплинарных исследований, разработок и внедрения результатов деятельности.

Помимо этого, порядок формирования также повлиял и на последовательность выстраивания кооперации. После неудачного первого призыва заявок, в принудительном порядке подключились промышленный и бизнес сектор. Далее, исходя из интересов государства и реальных возможностей секторов и их наработок, формировался макет НИОКР в рамках платформы, и только в дальнейшем, полагаясь на имеющуюся базу, происходили целеполагание и проработка главных стратегических документов платформы. Это послужило переворачиванию исходной концепции о выработке стратегических направлений развития. Стратегическому развитию были подвержены исключительно выбранные отраслевые направления, что исключило видение других участников платформ.

В отношении структур и деятельности платформ мы наблюдаем ещё ряд недостатков: отсутствие деталей российского макета концепции и определённых методологических стандартов, неоднородность параметров формирования платформ. От создания платформы проходит длительный период времени, кооперация мотивируется в большей части государственным финансированием, взаимодействие по степени интенсивности разнородное. А контроль за текущей деятельностью организации протекает пассивно. Кроме того, ряд экспертов подчёркивают проблемы формального участия стейкхолдеров в платформах и недостатка каналов связи с ними, проблемы координации и разделения задач между участниками, доминирование монополистов, отсутствие ориентации на рынок.

Очевидно, что реализация концепции осуществляется неэффективно, поскольку она не функционирует должным для России образом. Российские технологические платформы находятся в промежуточном состоянии, не достигая положения успеха или полного провала. Существуют следующие параметры, которые следует изменить: ослабить государственное воздействие на заинтересованные стороны платформы; переработать концепцию с учётом российских факторов, тем самым

убрав дwoякость платформ; проработать сопутствующие инструменты инновационного развития, которые будут поддерживать и способствовать развитию технологических платформ и необходимой для них инфраструктуры; проработать и распространить методологические подходы к формированию, мониторингу и контролю платформ, предусматривающие распределение ролей в перечисленных процессах. Кроме того, мониторинг и контроль должен осуществляться со стороны единства платформенного пространства России; распространить информацию о назначении и выгодах платформ для привлечения большего числа участников, осуществлять продвижение платформ; повысить значимость мнений всех заинтересованных сторон в принятии стратегических решений.

Список литературы

1. CORDIS Community Research and Development Information Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html.
2. Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*. – 2005. – Vol. 10, no. 4. – P. 550–554.
3. The Global Competitiveness Report 2015–2016. World Economic Forum Insight Report 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf.
4. Геоинформационная система индустриальных парков, технопарков и кластеров [Электронный ресурс] : [сайт]. – Режим доступа: <https://www.gisip.ru/>.
5. Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cluster.hse.ru/>
6. Министерство Экономического развития РФ. Обзор технологических платформ Минэкономразвития. – М., 2018. – 72 с.
7. Fourth status report on European Technology platforms «Harvesting the potential European Commission». June 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/etp_status_IV_small_version.pdf.
8. Близнак, О. С. Особенности организации инновационных платформ в Российской Федерации и Республике Беларусь // *Банковская система: устойчивость и перспективы развития* : сб. науч. ст. VIII междунар. науч.-практ. конф. по вопросам банковской экономики, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 27–28 апреля 2017 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – С. 6–9.
9. Евразийская Экономическая Комиссия. Аналитическая справка «Евразийские технологические платформы» / Евразийская Экономическая Комиссия. – М. : Департамент промышленной политики, 2012. – 11 с.
10. TÜBİTAK : Scientific and Technological Research Council of Turkey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tubitak.gov.tr/>.

11. О формировании приоритетных евразийских технологических платформ [Электронный ресурс] : распоряжение Совета Евразийской Экономической Комиссии от 18 октября 2016 г. № 32. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/456047406>.

12. Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям. Технологические платформы как инструмент содействия инновационному развитию российской экономики [Электронный ресурс]. – [Презентация]. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20101004_02.

13. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171684/>.

14. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р (с изм. и доп., внесенными постановлениями Правительства РФ от 18 октября 2018 г.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/.

15. OECD Statistic data Main Science and Technology Indicator 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB.

16. Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/.

References

1. *CORDIS Community Research and Development Information Service*. Available at: http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html (accessed 20 December 2018).

2. Hettne B. Beyond the «New» Regionalism. *New Political Economy*, 2005, vol. 10, no. 4, pp. 550–554.

3. *The Global Competitiveness Report 2015–2016. World Economic Forum Insight Report 2015*. Available at: http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf (accessed 25 May 2018).

4. *The geographic information system of industrial parks, technology parks and clusters*. Available at: <https://www.gisip.ru/> (accessed 20 December 2018). (In Russian).

5. *The Russian Cluster Observatory*. Available at: <https://cluster.hse.ru/> (accessed 20 December 2018). (In Russian).

6. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Review of technological platforms of the Ministry of Economic Development*. Moscow, 2018. 72 p. (In Russian).

7. *Fourth status report on European Technology platforms «Harvesting the potential European Commission»*. June 2009. Available at: http://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/etp_status_IV_small_version.pdf (accessed 20 December 2018).

8. Bliznyuk O.S. Osobennosti organizatsii innovatsionnykh platform v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Belarus' [Features of the organization of innovative platforms in the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Bankovskaya sistema: ustoichivost' i perspektivy razvitiya : sbornik nauchnykh statei VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po voprosam bankovskoi ekonomiki, UO «Poleskii gosudarstvennyi universitet», g. Pinsk, 27–28 aprelya 2017 g.* [Banking system: sustainability and development prospects. VIII International Scientific and Practical Conference on Banking Economics, EE «Polesky State University», Pinsk, April 27–28, 2017]. Pinsk: PolesGU Publ. House, 2017, pp. 6–9.

9. *Eurasian Economic Commission. Analytical reference “Eurasian Technological Platforms”*. Moscow: Department of Industrial Policy, 2012. 11 p. (In Russian).

10. TÜBİTAK. *Scientific and Technological Research Council of Turkey*. Available at: <https://www.tubitak.gov.tr/> (accessed 20 December 2018).

11. *On the formation of priority Eurasian technology platforms: Order of the Council of the Eurasian Economic Commission dated October 18, 2016 no. 32*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/456047406> (accessed 21 April 2019). (In Russian).

12. *Government Commission on High Technologies and Innovations. Presentation «Technological platforms as a tool to promote the innovative development of the Russian economy»*. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20101004_02 (accessed 20 July 2018). (In Russian).

13. *On approval of the priority directions of development of science, technology and technology in the Russian Federation and the list of critical technologies of the Russian Federation: dated July 7, 2011 no. 899*. Available at: <http://base.garant.ru/55171684/> (accessed 20 July 2018). (In Russian).

14. *On approval of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020: Order of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 no. 2227-p (as amended and supplemented by decrees of the Government of the Russian Federation of October 18, 2018)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (accessed 21 April 2019). (In Russian).

15. *OECD Statistic data Main Science and Technology Indicator 2018*. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB (accessed 21 April 2019)/

16. *The Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/ (accessed 21 April 2019). (In Russian).

УДК 656:339.924(571.6:510-18)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/38-50

Е. П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

Кун Мин²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: 416511465@qq.com

Тан Цуйчжу³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: tangcuizhu@gmail.com

ГЛУБИНА ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Курс Правительства России на ускоренное развитие экономики Дальнего Востока вызвал интерес как российских предпринимателей, так и зарубежных. Появились альтернативные варианты по широкому спектру ведения экономической деятельности в регионе. Это, в частности, использование транспортной инфраструктуры и формирование логистических цепочек в Северо-Восточной Азии с участием потенциала регионов российского Дальнего Востока (РДВ). Одна из первых задач – эффективная интеграция (встраивание) транспортной системы Приморского края с транспортной системой стран Азии, в первую очередь, с транспортной системой Северо-Восточных провинций Китая (СВПК).

В перспективе ожидается формирование интегрированной международной транспортной сети, в которой транспортная система Приморского края будет пред-

---

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Кун Мин, магистрант Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

³ Тан Цуйчжу, магистрант Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков Е.П., Кун Мин, Тан Цуйчжу. Глубина интеграции российской и китайской транспортных систем // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 38–50.

ставлять собой важное звено в виде транспортного узла (морского, железнодорожного, автомобильного), выполняющего, помимо локальных задач (экспорта, импорта) транзитную функцию, которая уже несколько десятилетий активно обсуждается в регионе без заметных результатов. В этом плане, в статье оцениваются возможности формирования грузовой базы для Транссиба и морских портов Приморского края со стороны СВПК. По результатам проведенных исследований авторы пришли к следующим выводам.

В настоящее время имеются конкурирующие маршруты, которые в перспективе способны осуществлять подавляющую часть евроазиатского транзита. Транссиб, как один из маршрутов, предпочтителен в обеспечении внешнеторгового оборота:

- во-первых, между СВП Китая и восточными субъектами РФ;
- во-вторых, в качестве транзитной железнодорожной магистрали СВП Китая – Чита – страны Европы;
- в-третьих, в качестве магистрали для перевозки грузов Кореи, Японии, США, приходящих в порты Владивосток, Находка, порт Восточный, следующих транзитом, в том числе в страны Европы.

Международный транспортный коридор (МТК) «Приморье-2» в связке с портом Зарубино наиболее предпочтителен в силу близости государственной границы с Китаем к порту и наличием грузовой базы, создаваемой многочисленными предприятиями Северо-Восточной провинции Цзилинь, находящимися вдали от маршрута «Харбин – Далянь». Данный МТК уже задействован. В частности, с начала 2018 г. осуществлены тестовые перевозки контейнеров с зерном между северными и южными провинциями Китая по маршруту Хуньчунь – Зарубино – порт Нинбо. Вторая тестовая перевозка по МТК «Приморье-2» осуществлена по маршруту Япония – Зарубино (морской порт в бухте Троицы) – Китай.

Транспортная группа FESCO запускает проект «Пусан – Москва за 15 дней», направленный на сокращение времени доставки грузов из Азии в Россию через Дальний Восток.

Таким образом, модернизация Транссиба, развитие портов Приморского края и освоение перспективных транзитных грузопотоков стран Северо-Восточной Азии составляют реальный фундамент постепенной эффективной интеграции транспортной системы российского Дальнего Востока с транспортной системой стран АТР.

Ключевые слова: Северо-Восточные провинции Китая, российский Дальний Восток, транспортные маршруты, интегрированная транспортная система, Транссиб, Забайкальская железная дорога, контрольно-пропускные пункты Казахстана, МТК «Приморье-1», МТК «Приморье-2».

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

Kong Ming²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: 416511465@qq.com

Tang Cuizhu³

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: tangcuizhu@gmail.com

**DEPTH OF INTEGRATION OF THE RUSSIAN
AND CHINESE TRANSPORT SYSTEMS**

Abstract. The course of the Russian Government on the accelerated development of the economy of the Far East has aroused the interest of both Russian and foreign entrepreneurs. There have been alternative options on a wide range of economic activities in the region. In particular, they involve using the transport infrastructure and the formation of logistics chains in Northeast Asia using the potential of the Russian Far East regions. One of the first tasks is the effective integration of the transport system of the Primorsky Region with the transport system of Asian countries, primarily, with the transport system of the Northeastern Provinces of China (NPC).

In the nearest future it is planned to organise an integrated international transport network with the transport system of the Primorsky Region being an important link in the function of a transport hub (maritime, railway, and vehicle transportation), performing, in addition to local tasks (export, import), a transit function that has been actively discussed in the region, but, unfortunately, has had no effective results. In this regard, the article assesses the possibilities of forming a cargo base for Trans-Siberian railway and seaports of the Primorsky Region from the Northeastern Provinces of China. According to the results of the research, the authors have come to the following results.

---

¹Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

²Kong Ming, Master's degree student of the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³Tang Cuizhu, Master's degree student of Economics and Management School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov E.P., Kong Ming, Tang Cuizhu. Depth of integration of Russian and Chinese transport systems // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 38–50.

Nowadays, there are competing routes that are capable of carrying out the vast majority of Eurasian transit functions in the future. Trans-Siberian railway, as one of the routes, is preferable in ensuring foreign trade turnover:

- Firstly, between the Northeastern Provinces of China and the Eastern regions of the Russian Federation.

- Secondly, as a transit railway line of the NPC – Chita city – European countries.

- Thirdly, as a trunk line for the transportation of transit goods to Korea, Japan, the USA, coming to the ports of Vladivostok, Nakhodka, and the Vostochny port, and also to the countries of Europe.

The International Transport Corridor (ITC) "Primorye-2" in conjunction with the Zarubino port is the most preferable due to the proximity of the state border with China to the port and the presence of a cargo base created by numerous enterprises of the North-Eastern Province of Jilin, located far from the route "Harbin-Dalian". This ITC is already involved. In particular, since the beginning of 2018, test transportations of containers with grain between the Northern and Southern provinces of China have been carried out along the route Hunchun – Zarubino – Ningbo port. The second test carriage along the ITC "Primorye-2" was carried out along the route Japan – Zarubino (seaport in Troitsa Bay) – China.

The FESCO Transport Group launches the "Busan-Moscow in 15 Days", aimed at reducing the time for delivery of goods from Asia to Russia through the Far East.

Thus, the modernisation of the Trans-Siberian Railway, the development of ports in the Primorsky Region and the development of promising transit cargo flows in the countries of Northeast Asia constitute the real foundation for the gradual effective integration of the transport system of the Russian Far East with the transport system of the Asia-Pacific countries.

Keywords: Northeastern provinces of China, Russian Far East, transport routes, integrated transport system, Trans-Siberian Railway, Trans-Baikal Railway, checkpoints of Kazakhstan, International transport corridor "Primorye-1", International transport corridor "Primorye-2."

Проблема социально-экономического развития российского Дальнего Востока постоянно находится в центре внимания Правительства России. В 1996 г. была принята Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы», затем в 2002 г. появилась приписка «и до 2010 года», затем «на период до 2013 года» и, наконец, «на период до 2025 года» [1]. Но создание сопутствующих условий для реального воплощения программных мероприятий началось только с 2015 г., когда были приняты:

- постановления о создании конкретных территорий опережающего развития (Постановление Правительства № 629 от 25.06.15 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Надеждинская»», Постановление Правительства № 878 от 21.08.15 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Михайловский»» и др.);

- Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ, которые декларируют набор различных преференций для резидентов региона.

Принятые решения, которые преследовали цель создать конкурентно приемлемые условия для ведения предпринимательской деятельности в регионе, вызвали интерес как российских предпринимателей, так и зарубежных. Появились альтернативные варианты по широкому спектру ведения экономической деятельности, использованию транспортной инфраструктуры и формированию логистических цепочек с участием потенциала регионов российского Дальнего Востока.

Одна из задач – эффективная интеграция (встраивание) транспортной подсистемы Приморского края с транспортной подсистемой стран Азии, в первую очередь, с транспортной подсистемой Северо-Восточных провинций (СВП) Китая. Транспортную подсистему РДВ представляют: порты Приморского края (Владивосток, Находка, Восточный порт, Зарубино и др.); международные транспортные коридоры (МТК «Приморье 1», МТК Приморье-2» проходят через территорию СВП Китая и соединяют СВП Хэйлуцзян и Цзилинь с морскими портами Приморского края); транссибирская магистраль (Транссиб): Владивосток – Брест. Транспортную подсистему СВП Китая представляют железные и автомобильные дороги «Харбин – Далянь» с выходом к морскому порту Далянь; «Харбин – Маньчжурия» с выходом к Транссибу; маршруты с выходом на Казахстан. Отнесём их к маршрутам ближнего радиуса действия.

После принятия Закона о Свободном порте Владивосток интерес к дальневосточным портам, включая морские порты Приморского края, проявили Республика Корея, Япония, южные районы Китая, США, Монголия.

Географическое расположение регионов благоприятствует потенциальным возможностям трансграничного взаимодействия Приморского края и провинции Хэйлуцзян. Провинция Хэйлуцзян – своего рода ворота для расширения сотрудничества Китая с Россией. Через Приморский край осуществляется основная доля товарооборота южных районов РДВ с Китаем, туристическое сотрудничество, обмен студентами и т.п. В перспективе ожидается формирование интегрированной международной транспортной сети, в которой транспортная подсистема Приморского края будет представлять собой важное звено в виде транспортного узла (морского, железнодорожного, автомобильного), выполняющего, помимо локальных задач (экспорта, импорта), транзитную функцию, которая уже несколько десятилетий активно обсуждается в регионе без заметных результатов.

Определимся в возможностях формирования грузовой базы для Транссиба и морских портов Приморского края со стороны СВП Китая.

Грузовая база СВП Китая для сухопутной транспортной подсистемы РДВ

Развитие и сочленение транспортных подсистем трансграничных регионов способствует активному внешнеэкономическому сотрудничеству СВП Китая с районами РДВ с дальнейшим выходом на районы Восточной и Западной Сибири. Вопрос лишь в том, какова глубина такого сотрудничества при прочих равных условиях и, в первую очередь, условиях взаимовыгодности для обеих сторон экономического сотрудничества в широком диапазоне вопросов, а не отведение РДВ роли поставщика природных ресурсов.

Сравнение потенциалов провинции Хэйлунцзян и Приморского края не в пользу российского региона: население провинции Хэйлунцзян почти в 20 раз превосходит население Приморского края; годовой валовой региональный продукт – более чем в 10 раз; экспорт – в 4 раза и т.д. Аналогичные тенденции прослеживаются и в сравнении других СВП Китая с соседними регионами РДВ [2]. Следовательно, имеющийся потенциал экспорта СВПК не может быть в достаточном объёме реализован в регионах РДВ. Импорт всех южных районов РДВ (Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области) меньше импорта наиболее маломощной провинции Хэйлунцзян (из всех СВПК) в два раза.

Таким образом, формирование грузовой базы со стороны СВП Китая для транспортной подсистемы РДВ ограничено потребностью российского региона. Грузовая база для транспортной подсистемы РДВ за счёт собственного экспорта ограничена сырьевыми ресурсами, в том числе и из Сибири. Её большого прироста за счёт экспорта сельскохозяйственных продуктов из Восточной Сибири, Амурской области, Хабаровского края ожидать не приходится. Для внешнеэкономического взаимодействия Западной Сибири с СВП Китая имеются альтернативные возможности, в том числе – через Забайкалье.

Второй источник формирования грузовой базы для сухопутной транспортной подсистемы РДВ (включая Приморский край) – использование её для транзита китайских грузов – как в другие районы России, так и в страны Западной Европы. Учитывая, что основная внешнеэкономическая деятельность на Дальнем Востоке осуществляется по линии Хэйлунцзян – Приморский край, за центр формирования грузовой базы условно примем столицу провинции – Харбин. Благодаря стремительному развитию Китаем транспортной сети, в настоящее время сухопутный транзит грузов в страны Азии и Западной Европы может осуществляться по нескольким транспортным маршрутам: 1. Харбин – Владивосток (Находка) – Транссиб – страны Западной Европы; 2. Харбин – (Манчжурия – Забайкальск) Чита –

Транссиб – страны Западной Европы; 3. Харбин – контрольно-пропускные пункты (КПП) Казахстана – страны Азии и Европы (рис. 1).

Рис. 1. Китайская восточная железная дорога. Цит. по:
Карта железных дорог Китая//mapoftheworld.ru

Длина железной дороги по маршруту «Харбин – Чита» с выходом на Транссиб на 1560 км короче маршрута «Владивосток – Чита», что резко снижает конкурентоспособность использования участка Транссиба (Владивосток – Хабаровск – Чита) для транзита грузов СВП Китая в страны Западной Европы.

Данная тенденция подтверждается увеличением внешнеторговых перевозок между Россией и Китаем по Забайкальской железной дороге (ЗабЖД), которые в январе – августе 2017 г. увеличились на 12,5 % к аналогичному периоду 2016 г. и составили 10,5 млн тонн. В том числе объем железнодорожных перевозок из России в Китай составил 9,4 млн тонн (+9,8%), из Китая в Россию – 1,1 млн тонн (+44,1%). Увеличение грузооборота обусловлено, в частности, ростом поставок грузов в контейнерах. Их грузооборот за 8 месяцев 2017 г. через пограничный пе-

реход Забайкальск – Маньчжурия составил из Китая в Россию 75,2 тыс. TEU, из России в Китай – 32,6 тыс. TEU. Ожидается, что за счёт доставки грузов из Китая в Европу транзитом через Россию ускоренными контейнерными поездами перевалка контейнеров через погранпереход увеличится к 2019 г. до 170 тыс. TEU [3].

Что касается маршрута 3: Харбин – контрольно-пропускные пункты (КПП) Казахстана – страны Азии и Европы, то он для Китая и, в частности, для СВП Китая становится приоритетным. Развитие транспортно-логистических цепочек на территории Казахстана стимулирует высокую заинтересованность соседних стран, для которых Казахстан становится значимым звеном в вопросах транзита и поставок продукции в Европу. Китай и Казахстан планируют в кратчайшие сроки значительно увеличить транспортные потоки и нарастить общий объём товарооборота по маршруту Китай – Казахстан – Европа. В настоящее время свыше 80% всех поездов, движущихся по направлению Китай – Европа, проходят через территорию Казахстана. В 2016 г. объём перевозок через железнодорожные пограничные переходы Казахстана и Китая («Алашанькоу – Достык» и «Хоргос – Алтынколь») составил 8 млн 290 тыс. тонн грузов, в 2017 г. – около 12 млн. Планируется, что к 2020 г. через территорию Казахстана будут проходить около 3 тыс. контейнерных поездов по направлению Китай – Европа, а объём грузоперевозок увеличится до 170 млн тонн [4].

Грузовая база СВП Китая для транспортной подсистемы Приморского края с участием морских портов

Возможности использования морских портов Приморского края для перевалки грузов СВП Китая потенциально обусловлены:

1) реверсными поставками товарных грузов между СВП Китая и южными районами Китая;

2) транзитом грузов через морские порты Приморского края между СВП Китая и странами Тихоокеанского бассейна, в частности, Японией, Северной и Южной Кореей, США и т.д.

Доступность СВП Китая к морским портам Приморского края достижима за счёт МТК «Приморье-1» и МТК «Приморье-2» (рис. 2).

МТК «Приморье-1» – маршрут, соединяющий провинцию Хэйлунцзян (центр г. Харбин, Суйфэньхэ – приграничный городок) с портами Владивосток, Находка и Восточный. Через них проходит железнодорожная и автомобильная магистрали коридора. Расстояние от российско-китайской границы до порта Восточный около 400 км. Расстояние «Харбин – Владивосток» – 660 км, «Харбин – Далянь» – 900 км.

Направление коридора: Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково – Владивосток/Восточный/Находка. Железнодорожный маршрут: Гродеково (граница с Китаем) – Владивосток/Восточный/Находка. Автомобильный маршрут: Пограничный (граница с Китаем) – Уссурийск – Владивосток/Восточный/Находка.

Рис. 2. Маршруты МТК «Приморье-1», МТК «Приморье-2».

Цит. по: https://rg.ru/pril/article/131/07/19/МТК-PRIMORE_850.jpg

МТК «Приморье-2» – соединяет провинцию Цзилинь с небольшими портами Хасанского района Приморского края – Посьет, Славянка, Троица. Расстояние от границы до портов около 70 км.

Направление коридора: Хуньчунь – Краскино – Посьет/Зарубино – порты АТР.
Железнодорожный маршрут: Камышовая (граница с Китаем) – Посьет/Зарубино.
Автомобильный маршрут: Краскино (граница с Китаем) – Посьет/Зарубино.

Российские эксперты считают, хотя это не совсем очевидно, что [5]:

- 1) преимущества транспортного коридора МТК «Приморье-1» – в сокращении транзитного времени, оптимальной стоимости доставки и в прямом морском линейном сервисе, минуя транзитные порты;
- 2) МТК «Приморье-2» – имеет более короткий маршрут и более перспективен;
- 3) железнодорожная магистраль Харбин – Далянь имеет ограниченную пропускную способность и перегружена;
- 4) порты г. Далянь также перегружены.

Китайская сторона полагает, что реализация реверсных насыщенных грузовых перевозок, объёмов таких перевозок между СВП Китая и южными районами Китая по маршруту: Харбин – порты Приморского края – Шанхай формально зависит и от наличия альтернативного маршрута: Харбин – порты г. Далянь – южные районы Китая (порт

Шанхай и др.). К тому же необходимо учитывать, что доставка грузов наземными видами транспорта до портов Приморского края на 230-280 км ближе, чем до порта Далянь. Водный путь от Даляня до Шанхая 560 миль, от Владивостока до Шанхая 1000 миль (далее более чем на 400 миль). Современная провозная способность железной дороги Харбин – Далянь 70 млн т в год, и она будет увеличиваться по мере развития СВП Китая. Пропускная способность портов Далянь постоянно увеличивается, в настоящее время составляет 420 млн т в год [6], что, по оценкам китайских экспертов, вполне достаточно. К тому же будет задействована своя китайская таможня.

Все прочие проблемы, такие как недостаточно современные условия для транзитных грузов, неразвитость портовой инфраструктуры и др., включая, в том числе, инвестиции в модернизацию и строительство морских портов, в принципе решаемы на фоне реализации проектов Свободный порт Владивосток, территорий опережающего развития, реальной заинтересованности китайской стороны, частных инвесторов и др.

Второе направление использования морских портов Приморского края обусловлено потенциальным ростом через них транзита грузов между СВП Китая и странами Тихоокеанского бассейна, в частности, Японией, Северной и Южной Кореей, США и т.д. (рис. 3).

Рис. 3. Морские порты Приморского края в транзите грузов между СВПК и странами Азии.

Цит. по: https://rg.ru/pril/article/131/07/19/MTK-PRIMORE_850.jpg

Такие изыскания уже ведутся: так, развернуты работы по созданию транспортного коридора «Северо-Восточные провинции Китая – порты Приморья – порты США». Предлагаемый маршрут, по которому уже сегодня ежегодно может перевозиться более 50 тыс. контейнеров, короче на 2630 км традиционного маршрута из США через порты Японии и порты г. Далянь. Соответственно стоимость доставки одного контейнера снижается почти на 600 ам. долл. [5]. Существуют и другие направления из Китая через порты Приморья – в Японию и Республику Корея, которые также имеют существенные преимущества.

Заключение

В настоящее время имеются конкурирующие маршруты, которые в перспективе способны осуществлять подавляющую часть евроазиатского транзита. Транссиб, как один из маршрутов, предпочтителен в обеспечении внешнеторгового оборота:

- во-первых, между СВП Китая и восточными субъектами РФ;
- во-вторых, в качестве транзитной железнодорожной магистрали СВП Китая – Чита – страны Европы;
- в-третьих, в качестве магистрали для перевозки грузов Кореи, Японии, США, приходящих в порты Владивосток, Находка, порт Восточный, следующих транзитом, в том числе в страны Европы.

МТК «Приморье-2» в связке с портом Зарубино наиболее предпочтителен в силу близости государственной границы с Китаем к порту и наличием грузовой базы, создаваемой многочисленными предприятиями Северо-Восточной провинции Цзилинь, находящимися вдали от маршрута «Харбин – Далянь». Данный МТК уже задействован. В частности, с начала 2018 г. осуществлены тестовые перевозки контейнеров с зерном между северными и южными провинциями Китая по маршруту Хуньчунь – Зарубино – порт Нинбо. На данной транзитной линии это был первый рейс, который должен перерасти в большой российско-китайский логистический проект. Вторая тестовая перевозка по МТК «Приморье-2» осуществлена по маршруту Япония – Зарубино (морской порт в бухте Троицы) – Китай [7].

Транспортная группа FESCO запускает проект «Пусан – Москва за 15 дней», направленный на сокращение времени доставки грузов из Азии в Россию через Дальний Восток. Тестовая отправка была успешно завершена в апреле: 40-футовый контейнер с электронными товарами для Samsung Group был доставлен из Пусана в Москву через порт Владивосток и Транссиб за 15 дней (обычное, среднее транзитное время по этому маршруту составляет 21-23 дня) [8].

Таким образом, модернизация Транссиба, развитие портов Приморского края и освоение перспективных транзитных грузопотоков стран Северо-Восточной Азии составляют реальный фундамент постепенной эффективной интеграции транспортной системы российского Дальнего Востока с транспортной системой стран АТР.

Список литературы

1. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urexpert.online/wp-content/uploads/2017/03/DVBR2025.pdf>.
2. Жариков, Е. П. Развитие внешнеэкономических связей Северо-Восточных провинций Китая с южными районами Российского Дальнего Востока / Е. П. Жариков, В. В. Денисов // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2015. – № 4. – С. 37–52.
3. Забайкальская и Харбинская ж/д согласовали увеличение приема поездов на станции Маньчжурия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/transport/4603448/>
4. Казахстан – ключевое звено в транспортных потоках между Китаем и Европой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ictsd.org>...news...news/казахтан...в...китаем-и-европой/](http://www.ictsd.org/news/news/казахстан...в...китаем-и-европой/).
5. Морские грузовые перевозки Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [muuniversity.ru>...грузовые_перевозки_Приморского.../](http://muuniversity.ru/gрузовые_перевозки_Приморского.../).
6. Придут ли китайские инвестиции в порты Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [carnegie.ru>Публикации>71383/](http://www.carnegie.ru/Публикации/71383/).
7. Китайский транспортный маршрут Хуньчунь – Нинбо перешёл границу и осуществляется через Зарубино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.otvprim.ru/economics/primorskij-kraj_25.09.2018_68767_kitajskij-transportnyj-marshrut-khunchun--ninbo-pereshel-granitsu-i-osuschestvlyaetsja-cherez-zarubino.html.
8. FESCO запускает услугу Пусан – Москва за 15 дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.korabel.ru/news/comments/fesco_zapuskaet_uslugu_pusan_-_moskva_za_15_dney.html.

References

1. *Federal target program «Economic and social development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025»*. Available at: <https://urexpert.online/wp-content/uploads/2017/03/DVBR2025.pdf> (accessed 5 June 2019). (In Russian).
2. Zharikov E.P., Denisov V.V. *Razvitie vneshneekonomicheskikh svyazei Severo-Vostochnykh provintsiy Kitaya s yuzhnymi raionami Rossiiskogo Dal'nego Vostoka* [The development of foreign economic relations of the North-Eastern provinces of China with the southern regions of the Russian Far East]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 2015, no. 4, pp. 37–52.

3. *The Trans-Baikal and Harbin Railways agreed to increase the reception of trains at Manchuria.* Available at: <http://tass.ru/transport/4603448> (accessed 5 June 2019). (In Russian).

4. *Kazakhstan – a key link in traffic between China and Europe.* Available at: [ictsd.org ›... news ... news / Kazakhstan ... in ... by China-and-Europe/](http://ictsd.org/.../news/.../news/Kazakhstan...in...byChina-and-Europe/) (accessed 5 June 2019). (In Russian).

5. *Sea freight transportation of the Primorsky Territory.* Available at: [myuniversity.ru ›... cargo transportations_Primorsky ... /](http://myuniversity.ru/.../cargo-transportations-Primorsky.../) (accessed 5 June 2019). (In Russian).

6. *Whether Chinese investments will come to ports of the Far East.* Available at: [carnegie.ru ›Publications› 71383 /](http://carnegie.ru/Publications/71383/) (accessed 5 June 2019). (In Russian).

7. *The Chinese transport route Hunchun – Ningbo crossed the border and exists through Zarubino.* Available at: https://www.otvprim.ru/economics/primorskij-kraj_25.09.2018_68767_kitajskij-transportnyj-marshrut-khunchun--ninbo-pereshel-granitsu-i-osuschestvljaetsja-cherez-zarubino.html (accessed 5 June 2019). (In Russian).

8. *FESCO launches the Busan – Moscow service in 15 days.* Available at: https://www.korabel.ru/news/comments/fesco_zapuskaet_uslugu_pusan_-_moskva_za_15_dney.html (accessed 5 June 2019). (In Russian).

УДК 338.433:004(510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/51-60

Синьтун Ван¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: 943440477@gg.com

В. В. Денисов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: denisov.vv@dvfu.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В КИТАЕ

Аннотация. В статье рассматриваются роль и значение электронной коммерции в сельских районах Китая, а также оценивается перспектива её развития. Электронная коммерция – это повседневность современной экономики, а предпринимательская деятельность немыслима без электронных методов торговли, без продвижения товара через Интернет. Использование сети Интернет кардинально преобразует процессы экономического взаимодействия компаний с их клиентами, партнёрами, поставщиками и даже конкурентами. Методы и средства проведения коммерческих операций в сфере электронной торговли несколько отличаются от аналогичных, осуществляемых в реальном секторе экономики. В постиндустриальной экономике, в которую входит экономика Китая, всё большую роль играет интернет-коммерция. Социально-экономическая сущность электронной торговли, её функциональные особенности и инновационная роль в современной экономике относятся к новым, малоизученным направлениям экономической науки. Это обуславливает объективную необходимость исследования развития электронной коммерции в сельских районах для решения практических вопросов повышения эффективности и конкурентоспособности бизнеса. В статье проанализированы статистические данные Министерства торговли Китая по объёмам продаж. Сельские районы Китая имеют больший потенциал развития рынка, чем города. Использование мобильных

---

¹ Синьтун Ван, студентка 2 курса магистратуры кафедры экономики предприятия Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Владимир Венгерьевич Денисов, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Ван Синьтун, Денисов В.В. Тенденции развития сельской электронной коммерции в Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 51–60.

устройств становится нормой для сельской местности, электронная коммерция в сельской местности развивается быстрыми темпами.

Ключевые слова: рынок электронной коммерции, онлайн-торговля, интернет-коммерция, электронная торговая площадка, цифровая экономика, сотрудничество, электронная торговля, предпринимательство, сельские районы.

Xintong Wang¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: 943440477@gg.com

Vladimir V. Denisov²

Far Eastern Federal Universidenisov.vv@dvfu.ruty, Vladivostok, Russia

E-mail: denisov.vv@dvfu.ru

TRENDS OF DEVELOPMENT OF ELECTRONIC COMMERCE IN CHINA

Abstract. The article discusses the role and importance of e-commerce in rural areas of China, as well as evaluates the prospect of its development. E-commerce is the daily routine of the modern economy, and entrepreneurial activity is unthinkable without electronic trading methods and promoting goods through the Internet. The Internet dramatically transforms the processes of economic interaction of companies with their customers, partners, suppliers and even competitors. The methods and means of conducting commercial transactions in electronic commerce are somewhat different from those carried out in the real sector of economy. In the post-industrial economy, the Chinese economy included, Internet commerce plays an increasingly important role. The socio-economic essence of e-commerce, its functional features and the innovative role in the modern economy belong to new, little-studied areas of economic science. It makes it necessary to objectively research the development of e-commerce in rural areas for addressing the practical issues of improving the efficiency and competitiveness of business. The article analyzes the statistics of the Ministry of Commerce of China in the area of sales. Rural areas of China have a greater market potential than cities. Using mobile devices is becoming the norm for rural areas, and e-commerce in rural areas is developing rapidly.

---

¹ Xintong Wang, 2nd year Master's degree student of Department of Enterprise Management, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Vladimir V. Denisov, PhD, Associate Professor of Management, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Wang Xintong, V. Denisov. Trends of development of electronic commerce in China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 51–60.

Keywords: E-commerce market, online trading, Internet commerce, electronic trading platform, digital economy, cooperation, electronic trading, business, entrepreneurship, rural areas.

Введение

В соответствии с представленным компанией «Алибаба» годовым «Отчётом о развитии цифровой экономики Китая за 2018 год», темпы роста цифрового потребления в китайских сельских районах выше, чем в городах первого и второго уровня. Однако развитие электронной торговли в сельских районах по-прежнему сопряжено и с благоприятными возможностями, и с трудностями. В данной статье в основном объясняется текущее развитие электронной торговли в сельских районах в Китае на основе анализа соответствующих данных и кратко предлагаются меры для содействия развитию электронной торговли в сельских районах Китая.

Прежде всего, по историческим причинам Китай является страной, в которой имеется яркое различие в структуре экономики между городом и деревней. Если в конце 1990-х гг. крестьянским трудом было занято 55% работающих граждан, то сейчас этот показатель приближается к отметке 25% (более 300 млн человек), причём значительная часть этих людей занята во вспомогательных работах. Уровень образования фермеров низкий, существует определённый разрыв в уровне экономического развития, неравномерное распределение городских и сельских ресурсов. Поэтому сельский рынок электронной торговли находился в неразвитом состоянии. В развитие сельской инфраструктуры вкладываются миллиарды юаней, селяне массово отходят от крестьянского труда и становятся носителями новых стандартов поведения и потребления. Это коренной процесс, в котором руководство КНР видит ключ к выходу из «ловушки средних доходов» и надежду на будущее развитие страны. С 2014 г. Министерство торговли КНР сотрудничает со многими министерствами и комиссиями для проведения комплексной популяризации работы по электронной торговле в сельских районах, уделяя особое внимание поддержке и руководству созданию систем обслуживания для коммерческих сделок, логистики в уездах и поселках, обучению талантливой молодежи, созданию парков электронной торговли сельскохозяйственной продукцией. Госсовет КНР и Правительство активизировали свои усилия по созданию сельской инфраструктуры для преодоления цифрового разрыва между городскими и сельскими районами. В последние годы из-за изменения политики сельские районы вступили в стадию быстрого экономического развития, особенно в области интернета.

В настоящее время в Китае доля административных населённых пунктов, которые имеют интернет, превысила 96%. В 2018 г. доля жителей сельской местности, использующих онлайн-платежи, составила 57%, что отражает значительное

улучшение по сравнению с 2017 годом [1]. Ниже будет показано развитие сельской электронной коммерции в Китае на нескольких примерах конкретных данных:

1. Розничные продажи онлайн в сельской местности

По статистике в 2017 г., розничные продажи товаров онлайн в сельской местности впервые превысили 1 трлн, достигли 1 244,88 млрд юаней, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 39,1%.

В первой половине 2018 г. масштабы розничных онлайн-продаж в сельской местности продолжали расширяться: общенациональные полугодовые розничные продажи через сети в сельской местности достигли 632,28 млрд юаней, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это составило 15,5% от общенациональных розничных продаж в Интернете, и темп роста составил 4,3 % – выше, чем на национальном уровне [2].

Рис. 1. Динамика розничных продаж в сельской сети Китая, 2014–2018 гг.

В июле 2018 г. объём розничных продаж сельской сети электронной коммерции составляет 13,64% от общего объёма розничных продаж [3]. Данные показывают, что по-прежнему развитие сельской электронной торговли ещё очень слабое по сравнению с городской электронной торговлей и экологическая среда электронной торговли ещё нуждается в улучшении.

2. Розничные продажи сельскохозяйственной продукции онлайн

По статистике Министерства коммерции КНР, в 2017 г. розничные продажи сельскохозяйственной продукции онлайн достигли 243,66 млрд юаней, увеличившись на 53,3% в годовом исчислении. В первой половине 2018 г. розничные продажи сельскохозяйственной продукции в стране достигли 90,6 млрд юаней [2].

Рис. 2. Китайские сельскохозяйственные продукты онлайн розничных продаж

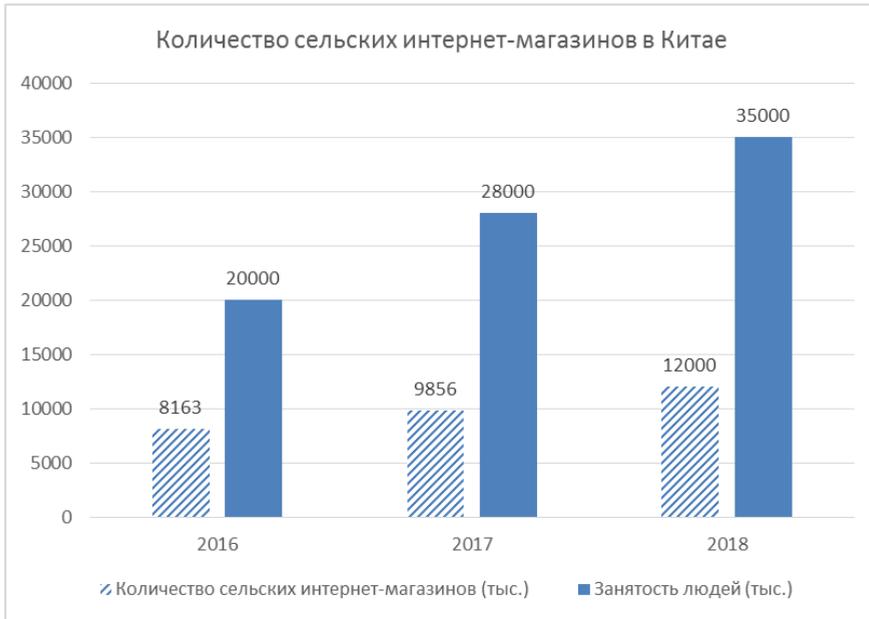
Среди сельскохозяйственной продукции, продаваемой онлайн, продажи фруктов, чая и орехов вошли в тройку лидеров, составив 21,4%, 16,5% и 13,8% соответственно. Рыба и рыбопродукты, овощи и молочные продукты вошли в тройку лидеров по темпам роста в годовом исчислении: 53,1%, 46,4% и 45,5% соответственно. В связи с постоянным повышением уровня потребления домашних хозяйств и дальнейшим совершенствованием инфраструктуры логистики, согласно полученным данным, национальный объём транзакций по электронной торговле в 2017 г. достиг 141,8 млрд юаней, увеличившись на 55,2% по сравнению с предыдущим годом [4].

3. Количество сельских интернет-магазинов

По статистике, в 2017 г. количество сельских интернет-магазинов достигло 9,856 млн, увеличившись на 1,693 млн, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 20,7%, предоставив возможности для трудоустройства 28 млн человек*.

Количество интернет-магазинов и количество занятых людей в сельских районах Китая с каждым годом увеличивается.

* Исследовательский центр электронной коммерции (100EC.CN) выпустил «Отчёт о развитии сельской торговли в Китае в 2017 году».

Источник: www.100ec.cn

Рис. 3. Количество сельских интернет-магазинов в Китае, 2016–2018 гг.

4. Количество сельских Таобао-деревень

С развитием электронной коммерции в Китае в сельских районах, таких как Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун и Цзянсу, появился термин «Таобао-деревня»^{*}. Тао Вао (Taobao.com) – это крупная китайская площадка, на которой продавцы из Китая предлагают свои товары. Основная заслуга сервиса в том, что он обеспечил работой десятки миллионов жителей китайской глубинки. На интернет-магазин трудятся целыми деревнями, а иногда округами, а в экономике Китая появился необычный термин – «Таобао-деревня». Этот термин появился с развитием интернет-торговли и использовался по отношению к глухим населенным пунктам в глубинке, жители которых разбогатели благодаря онлайн-торговле. Корпорация «Алибаба» определяет их как деревни, в которых не менее 10 % хозяйств имеют онлайн-магазины, а годовой доход от электронной коммерции приносит не менее 10 млн юаней (около 100 млн руб.).

Согласно статистике Alibaba, в 2017 г. Таобао-деревень насчитывалось 2118, что на 62% больше, чем в 2016 г., что резко увеличило занятость^{**}.

^{*} По данным исследовательского института Таобао-деревня Micro-Report 2.0, «TaobaoVillage» относится к большому количеству интернет-операторов, собирающихся в сельской местности, где Таобао является основной торговой платформой, формируя эффект масштаба и синергетический эффект электронной коммерции. Количество онлайн-торговцев в Таобао-деревне должно составлять более 10% от числа местных домохозяйств, а масштаб электронных бизнес-транзакций достигать 10 миллионов юаней.

^{**} Исследовательский центр электронной коммерции (100EC.CN) выпустил «Отчёт о развитии сельской торговли в Китае в 2017 году».

Развитие Таобао-деревень происходит очень быстро (рис. 4). Это заметно улучшило развитие бедных районов в Китае. Лидеры китайской электронной коммерции – Alibaba, Jingdong и Yunji запустили проекты электронной торговли в сельской местности для таобао-деревень, установлены отношения сотрудничества с таобао-деревнями для облегчения продажи продукции, производимых ими.

Источник: Alibaba Institute www.ec.com.cn

Рис. 4. Количество Таобао-деревень на платформе Алибаба в 2009–2017 гг.

Однако всё ещё существует большая разница между городским и сельским уровнем информатизации. Электронная коммерция в сельских районах далека от насыщения, а рыночное пространство ещё велико и имеет огромный потенциал. Развитие сельской электронной торговли сталкивается как с благоприятными возможностями, так и с трудностями.

Столкнувшись с последствиями глобального экономического кризиса, когда мир вдруг перестал покупать китайские товары так же активно, как было раньше, Пекин понял: от модели экономики, ориентированной на экспорт, необходимо переходить к внутреннему потреблению. В последние годы правительство предложило ряд политических мер для содействия развитию электронной торговли в сельских районах. Было выпущено более 120 документов по электронной торговле, и система политики электронной торговли в сельских районах стала всё более совершенной. Однако развитие электронной торговли в сельских районах Китая также сталкивается с проблемами и ограничениями: отклонение от понимания сельской электронной торговли, отставание в создании бренда

сельскохозяйственной продукции, нехватка талантов и средств, а также несоответствие ресурсов электронной торговли в сельских районах.

Чжан Цзиньдун, представитель Национального народного конгресса и председатель Холдинговой Корпорации Suning, дал рекомендации по развитию сельской электронной коммерции: «1. Укрепить руководство промышленной индустрии и поддержать электронную коммерцию для участия в индустриализации сельского хозяйства; 2. Углубить совместные действия правительства и предприятий, чтобы поддерживать электронную коммерцию для развития брендинга сельскохозяйственной продукции; 3. Усилить образование и обучение, чтобы помочь фермерам обучаться специализации электронной коммерции».

Основываясь на полученных данных, автор предлагает следующее для стимулирования и улучшения развития сельской электронной коммерции в Китае:

1. Активно продолжать строить обширную инфраструктуру, которая способствует развитию электронной коммерции в сельской местности, в частности, строить автомобильные и железные дороги; обеспечить ускорение охвата сельских районов широкополосными сетями и сетями мобильной связи; в соответствии с характеристиками выращиваемых сельскохозяйственных продуктов рационально планировать и строить такую инфраструктуру, как сбор, первичная обработка, предварительное охлаждение, сортировка, упаковка и складирование сельскохозяйственной продукции.

2. Изменить способ сельскохозяйственного производства. Ведущий сельское хозяйство от формулы «продукты, которые продаются, определяются в соответствии с тем, что производится» должен перейти к формуле «определяться, что производится в соответствии с потребностями рынка». Необходимо тесная связь производства и продаж с помощью электронной коммерции. Необходимо совершенствовать систему производства и управления, стимулировать маркетинг и пассивную стандартизацию сельскохозяйственной продукции, способствовать росту масштабов производства сельскохозяйственной продукции, стимулировать реформы структуры управления в сфере предложения продукции сельского хозяйства, повышать качество и конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции.

3. Усилить сельское образование, культуру и приглашать талантливую молодежь на работу в сельскую местность. Необходимо добиться такого же уровня образования в сельских школах, как и в городских, начиная с того, чтобы активно приглашать в сельские школы молодых специалистов, которые будут способствовать сокращению разрыва между уровнем городского и сельского образования, способствовать стимулированию потенциала развития сельских районов. Усилить политику поддержки наиболее успешных специалистов в области интернет-технологий, чтобы они, работая в сельской местности, смогли помочь местному населению в строительстве каналов сбыта сельскохозяйственной продукции и, в то же время, продвигать и популяризировать использование электронной коммерции.

Заключение

Процесс вхождения крестьянских масс в рынок электронной торговли, чтобы общество не отставало от темпов информационного века, является относительно длительным и нуждается в руководстве. И государство работает над ускорением реализации «Цифровой стратегии страны», в частности, над ускорением развития электронной торговли в сельских районах, чтобы помочь «оживить» сельские районы и чтобы фермеры могли по-настоящему наслаждаться дивидендами от «Интернет плюс».

В 2017 г. премьер-министр Китая Ли Кэцян указал в правительственном отчёте, что электронная коммерция изменила структуру производства и продаж в сельских отраслях и расширила каналы сотрудничества для фермеров. За последние два года новая отраслевая ситуация и новые модели сельской электронной коммерции появляются одна за другой. Компании электронной коммерции продолжают исследовать новые потребительские сценарии и новые популярные запросы потребителей. Крупные гиганты электронной коммерции ищут пути развития в сфере розничных продаж в сельской местности: от онлайн- и офлайн-конкуренции – до интеграции онлайн и офлайн. Электронная коммерция в сельской местности в Китае вступила в новый этап своего развития.

Список литературы

1. Китайский научно-исследовательский институт Международного центра электронной торговли. Доклад о развитии электронной торговли в сельских районах Китая (2017–2018 годы) [R]. 2018.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.100ec.cn/detail--6485615.html>. – Кит.
2. Пресс-конференция Министерства коммерции КНР [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. 2018. 25 января [ЕВ / OL] (2018-01-25) [2018-02-09]. – Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201802/20180202708848.shtml>.
3. Сайт анализа данных Otto [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.o-odata.cn/index.aspx>. – Кит.
4. Сайт анализа данных Игуань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.analysys.cn>. – Кит.
5. Шанхайский университет финансов и экономики. Отчет о применении Интернет-приложений в Китае за 2017 год [R]. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.aliresearch.com/img/20190520/20190520134045.pdf>. – Кит.
6. AlibabaGroup. Отчёт о развитии цифровой экономики Китая в 2018 году [R]. 2019.01.29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://new.qq.com/omn/20190130/20190130A04RAR>. – Кит.
7. ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ec.com.cn>.

8. Zhang Zhenhua. A dilemma and an innovative way of development of electronic trading in the rural areas of China // *External economy and practice of trade*. – 2015. – Vol. 12. – P. 30–33.

9. Lu Zhengjia. About influence of electronic trading on development of the market of rural consumers of China // *Commercial economic researches*. – 2016. – Vol. 20. – P. 31–33.

10. Regular Press Conference of the Ministry of Commerce (January 25, 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201802/20180202708848.shtml>.

References

1. Chinese research institute of the International center of electronic trading. *The report on development of electronic trading in the rural areas of China (2017–2018) [R]*. 2018.10. Available at: <http://www.100ec.cn/detail--6485615.html> (accessed 19 June 2019). (In Chinese).

2. *Regular Press Conference of the Ministry of Commerce (January 25, 2018)*. Available at: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201802/20180202708848.shtml> (accessed 19 June 2019).

3. *Otto data analysis site*. Available at: <http://www.o-odata.cn/index.aspx> (accessed 19 June 2019). – (In Chinese).

4. *Iguan data analysis website*. Available at: <https://www.analysys.cn> (accessed 19 June 2019). (In Chinese).

5. Shanghai university of finance and economy. *The report on application of Internet-applications in China for 2017 [R]*. 2018. Available at: <https://i.aliresearch.com/img/20190520/20190520134045.pdf> (accessed 19 June 2019). (In Chinese).

6. Alibaba Group. *Report on development of digital economy of China in 2018 of [R]*. 2019.01.29. Available at: <https://new.qq.com/omn/20190130/20190130A04RAR> (accessed 19 June 2019). (In Chinese).

7. *EC*. Available at: <http://www.ec.com.cn> (accessed 12 May 2019).

8. Zhang Zhenhua. A dilemma and an innovative way of development of electronic trading in the rural areas of China. *External economy and practice of trade*, 2015, vol. 12, pp. 30–33.

9. Lu Zhengjia. About influence of electronic trading on development of the market of rural consumers of China. *Commercial economic researches*, 2016, vol. 20, pp. 31–33.

10. *Regular Press Conference of the Ministry of Commerce (January 25, 2018)*. Available at: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201802/20180202708848.shtml> (accessed 12 May 2019).

ИНСТРУМЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ

INSTRUMENTS FOR SUSTAINABLE TRACT IN THE REGION

УДК 338.45:639.2:519.868

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/61-71

Р. А. Подошвелёв¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: wbcrich@gmail.com

ВЛИЯНИЕ НА РЫБНУЮ РЕНТУ ГЕТЕРОГЕННОСТИ МОРСКИХ БИОРЕСУРСОВ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ БИОМАССЫ

Аннотация. Морские биоресурсы характеризуются набором признаков, отличающих их от прочих, добываемых в рамках рентной деятельности, и эти отличия должны учитываться при регулировании. В научной литературе по вопросу рыбной ренты и экономического моделирования рыбного промысла уже достаточно хорошо рассмотрена ситуация вылова одного вида ресурса в условиях его детерминированного роста, и некоторое время происходит расширение методов изучаемой темы с применением математического моделирования характерных для морских биоресурсов особенностей его существования. Экономико-математическое биомоделирование с использованием модели биомассы широко применяется для изучения механизмов функционирования рыболовства и в дальнейшем – для обоснования на основе полученных теоретических выводов решений по управлению рыболовством. Такое моделирование помогает нам лучше понять принципы создающих ренту ресурсов и, при необходимости, учитывать это при принятии решений по установлению системы налогообложения морских биоресурсов. В статье рассматривается влияние таких характеристик морских биоресурсов, как разнообразие видов на разрабатываемой площади и стохастический характер прироста биомассы во времени на рыбную ренту в рамках экономического биомоделирования рыбопромышленной деятельности. Рассмотрена ситуация многовидового рыболовства и проведена

---

¹Роман Александрович Подошвелёв, аспирант Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Подошвелёв Р. А. Влияние на рыбную ренту гетерогенности морских биоресурсов и неопределённости обновления биомассы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 61–71.

оценка того, как на рыбную ренту и интенсивность рыболовства влияет фактор неопределённости роста биомассы. Определено направление дальнейших исследований управления рыбопромысловой отраслью с позиции рентного подхода к оценке ресурса.

Ключевые слова: рыбная рента, морские биоресурсы, устойчивое рыболовство, экономическое биомоделирование, неопределенность, гетерогенность биоресурсов, индивидуальные передаваемые квоты, ресурсное налогообложение.

Roman A. Podoshvelev¹

Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: wbcrich@gmail.com

MARINE BIORESOURCES HETEROGENEITY AND UNCERTAINTY IN BIOMASS RENEWAL AS IMPACT ON THE FISHING RENT

Abstract. Marine bioresources can be characterized as possessing a set of features that make them different from other resources that we extract in rent-extracting activities. These differences should be taken into consideration when activity is being regulated. In academic works on fishing rent and economical modeling of fishery a case of homogeneous resource extraction in a determined biomass growth condition has been studied well enough, and the methods used in researching the subject have been expanding for some time with a usage of mathematical modeling of particular features of marine bioresource. Economic biomodeling with the usage of biomass model is applied in the research of fishery's functioning mechanisms and the following justification of fishery management based on theoretical conclusions. This modeling helps us to understand the patterns of rent generating resources and to take account of it when decisions to establish a tax system for marine bioresources are made if needed. In this paper, we examine the influence of such characteristics of marine bioresources as heterogeneity on fishing area and stochastic feature of biomass renewal in time on fishing rent, using economical biomodeling of fishery. A case of heterogeneous fishery is examined, the influence of the factor of an uncertainty in biomass renewal on fishing rent is estimated. The direction for further research of fisheries management with consideration given to the rental approach to resource valuation is determined.

---

¹Roman A. Podoshvelev, postgraduate student of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Podoshvelev R.A. Marine bioresources heterogeneity and uncertainty in biomass renewal as impact on the fishing rent // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 61–71.

Key words: fishing rent, marine bioresources, sustainable fishery, economical bio-modeling, uncertainty, bioresources' heterogeneity, individual transferable fishing quotas, resource taxations.

Современный круг работ по вопросам биомоделирования рыболовства, действующего в рамках устойчивого рыболовства, расширяется исследованиями по применению новых методов (работа с неопределенностью, выражаемой в невозможности точно узнать объём будущей биомассы, создание стохастических моделей рыболовства), изучению режимов рыболовства (особенно индивидуальных передаваемых квот, которые оказались эффективными как для предприятий, так и для экосистемы). Новые открытия в вопросе избегания «Трагедии общин» также создали почву для написания работ по общественному управлению рыболовством.

Биоэкономическое моделирование использования биоресурсов (в частности, морских биоресурсов) приобрело большую важность в последние десятилетия ввиду хищнической эксплуатации данных ресурсов и проблем, которые это создаёт для мирового сообщества. Проблемы биоэкономической модельной интерпретации данных ресурсов детально рассматривались Кларком и Манро [3, 4, 5]. Множество существующих моделей затрагивают проблему с таким допущением, как гомогенность ресурсного стока, несмотря на то, что рыболовство, обыкновенно, осуществляется выловом множества отличных по своим качествам видов. Многовидовые модели, в большинстве своём модели рыболовства с двумя видами, изучались, например, Колином Кларком при условии независимого существования двух популяций в условиях роста, описываемого логистической функцией. В дальнейшем проблема оптимального рыболовства в условиях рыболовства с двумя видами рассматривалась Сильвером и Смитом, Чаудхури, в том числе с применением условия того, что один из видов является хищным, а второй – кормовой базой для первого [1, 2, 9]. Прадхан рассматривал ситуацию, при которой в условиях двувидового рыболовства регулятор использует налог в качестве контрольного инструмента [8].

Реалистичное построение модели рыболовства в условиях гетерогенного ресурсного стока, в целом, является проблемой в плане практической оценки для дальнейших управленческих решений, так как некоторые детали модели (а именно – взаимодействие между частями ресурсного стока) являются затруднительными для оценки. Так, если мы определяем объём биомассы в момент времени t как

$$P_t = P_{t-1}f(P_{t-1}) - qE_{t-1}P_{t-1}, \quad (1)$$
$$P_t < P_{max},$$

где P – биомасса на момент времени t ,

$f(P)$ – естественный прирост биомассы на момент времени,

q – коэффициент вылавливаемости,

E – промысловые усилия на момент времени,

P_{max} – максимальный объём биомассы, который может существовать в экосистеме.

Тогда обеспечение устойчивого рыболовства происходит при $dP/dt = 0$, то есть в момент t

$$P_{t-1}f(P_{t-1}) - qE_{t-1}P_{t-1} = 0, \quad (2)$$

где при достижении долгосрочного равновесия значения не меняются во времени, следовательно:

$$Pf(P) = qEP=Y, \quad (3)$$

где Y – объём устойчивого вылова в условиях равновесия [10].

Это обычная модель устойчивого вылова в условиях гомогенности ресурса. В случае же, когда ресурс является гетерогенным и, что существенно, взаимодействующим сам с собой, биомасса описывается как сумма видов n , функцию роста которых можно описать как

$$\frac{da_i}{dt} = q_i a_i f(a_i) - \sum_1^n z_n a_n a_i, \quad (4)$$

где a_i – описываемый вид,

Z – коэффициент, описывающий эффект взаимодействия (конкуренции) двух видов между собой.

Отсюда при описании модели с гетерогенным ресурсным стоком единовременная устойчивость обеспечивается при

$$\sum_{i=1}^n (q_i a_i f(a_i) - \sum_1^n z_n a_n a_i) = \sum_1^n q_n E a_n, \quad (5)$$

долгосрочная при

$$q_i a_i f(a_i) - \sum_1^n z_n a_n a_i = q_i E a_i, \text{ для } \forall i \in (1 \dots n), \quad (6)$$

то есть в таком случае нам важно соблюдение равновесия для каждого вида, если мы не хотим изменения коэффициентов.

Когда регулятор вводит плату за доступ к ресурсу ($\tau > 0$), мы можем описать ренту рыбака как

$$r = E(\sum_{i=1}^n q_i a_i (p_i - \tau_i) - c), \quad (7)$$

где p – постоянная цена единицы ресурса i ,

c – затраты рыбака на единицу промысловых усилий.

Тогда общий объём отчислений от рыболовства регулятору описываем как

$$E \sum_{i=1}^n \tau_i q_i a_i, \quad (8)$$

соответственно, общественная экономическая выгода от рыболовства является суммой этих двух значений.

В таком случае, если мы заявляем о том, что задачей регулятора является определение и изъятие рыбной ренты, превышающей значения текущей общественной нормы возврата капитала δ , для какого-либо ресурсного участка, тогда перед нами возникает необходимость рассмотрения капитала в рыбном промысле. Пусть накопленный в рыболовстве капитал на момент t определяется как $K(t)$. Тогда мы можем определить промысловые усилия как

$$E(t) = K(t)\alpha, \quad 0 \leq \alpha \leq 1, \quad (9)$$

где α – коэффициент, показывающий, какая доля капитала была инвестирована в промысловые усилия [8].

Изменения в накопленном капитале описываются как

$$\frac{dK}{dt} = I(t) - \gamma K(t), \quad K(0) = K_0, \quad (10)$$

где γ – ставка амортизации капитала,

$I(t)$ – объём инвестирования в момент t .

Предполагается отсюда, что объём промысловых усилий всегда пропорционален текущему объёму накопленного капитала и изменяется пропорционально инвестированному капиталу ($\gamma, \alpha = \text{const}$). Границы доли капитала, инвестированного в промысловые усилия, нестрогие, поскольку возможна ситуация, при которой капитал не выделяется на промысловые усилия. Это не обязательно означает, что рыбо-

ловные суда недоступны для проведения рыболовных операций, однако их деятельность должна быть заморожена. Эта ситуация обыкновенна для ситуации продолжающегося хищнического изъятия ресурса без учёта неидеальной гибкости капитала, в ином случае необходимо рассмотрение случаев различной стоимости приобретения и замещения капитала, что меняет положение дел.

В таком случае объём инвестирования, насколько можно предполагать, изменится в зависимости от полученной прибыли, то есть

$$I = \beta E(\sum_{i=1}^n q_i a_i (p_i - \tau_i) - c), 0 \leq \beta \leq 1, \quad (11)$$

где β – коэффициент, определяющий степень инвестирования прибыли, существующий от нуля (деятельность убыточна – ренты нет) до полного инвестирования прибыли в капитал. И в таком случае изменение промысловых усилий в момент времени описывается как

$$\frac{dE}{dt} = (\alpha I - \gamma)E = E(\alpha\beta(\sum_{i=1}^n q_i a_i (p_i - \tau_i)) - c - \gamma). \quad (12)$$

Возвращаясь к проблеме определения регулятором объёмов изъятия ренты. Учитывая установленное выше, общий уровень изъятия на рыбака должен, исходя из (7), определяться через новое описание ренты

$$r = (\delta(\sum_{i=1}^n q_i a_i p_i - c) + \frac{\gamma K}{E} + \tau)E, \quad (13)$$

откуда общий уровень изъятия ренты должен определяться через

$$\tau = (1 - \delta)(\sum_{i=1}^n q_i a_i p_i - c) - \gamma K/E, \quad (14)$$

обеспечивая тем самым нормальный уровень возврата капитала и амортизацию накопленного капитала. Отсюда объясняется и необходимость высокой дифференциации налоговой системы по добываемым при рыболовстве видам.

При этом необходимо заметить, что данная модель исходит из определения функции биомассы как детерминированной. Хотя фактически естественный рост биомассы является случайным. Чаще такой подход применим в изучении популяции в экологии. Конечно, при рассмотрении модели как стохастической возникают дополнительные вопросы, касающиеся того, как этот фактор влияет на добычу в рамках конкурентных рынков с правами собственности.

Для приведения модели в формат стохастической достаточно изменения модели, описывающей динамику ресурса, представляющей собой дополнение функцией

$$\sigma(P)\varepsilon(t)/\sqrt{dt}, \quad (15)$$

где $\sigma(P)$ – функция, существующая от $\sigma(0) = 0$ при условии, что её производная строго больше нуля,

$\varepsilon(t)$ – некоррелируемая и нормально распределённая функция с единичной дисперсией, то есть Винеровский процесс [6].

Отсюда:

$$dP = (Pf(P) - qEP)dt + \sigma(P)\varepsilon(t)\sqrt{dt}, \quad (16)$$

и при таких условиях ресурс никогда не достигает негативных значений. В таком случае можно выразить изменение нормального уровня возврата капитала как приращение

$$\sigma(P)\sigma'(P)A(P), \quad (17)$$

где $A(P)$ выражает собой выражение риска, привнесённое стохастическим характером изменения ресурса, то есть та плата, которую владелец ресурса готов был бы заплатить за снятие с ресурса стохастического параметра [7].

Так как производная $\sigma(P)$ всегда строго больше нуля, изменение нормы возврата капитала имеет строго направленный в сторону увеличения характер. Из-за того, что стохастические флуктуации ресурса увеличивают норму возврата, можно заметить, как эта особенность снижает ресурсную ренту, то есть, с учётом этой особенности, уравнение для определения изъятия ренты регулятором изменяется так:

$$\tau = (1 - \delta - \sigma(P)\sigma'(P)A(P))(\sum_{i=1}^n q_i a_i p_i - c) - \gamma K/E, \quad (18)$$

если регулятор принимает существование в деятельности надбавки за риск случайного изменения объёма ресурса.

Обращаясь к функции максимизации полезности, можно обратить внимание на то, как повлияет стохастический характер ресурса и на вылов. В условиях детерминированного процесса фирма на рынке будет максимизировать свою полезность как

$$V = \max \int_0^{\infty} e^{-\delta t} E(\sum_{i=1}^n (q_i a_i p_i - c(a_i))) dt, \quad (19)$$

до установления платности ресурса. Обозначим в таком случае издержки как функцию от популяции вида, строго убывающую на всём протяжении кривой, то есть предельные издержки понижаются при повышении популяции (или же плотности популяции на площади), что объясняется облегчением ведения рыболовной деятельности при увеличении рыбопродуктивности.

Можно предположить двойное влияние на изъятие ресурса. Во-первых, исходя из того, что функция роста биомассы, вогнутая на участке, который определяется как оптимальный уровень улова, стохастическая составляющая снижает ожидаемый уровень роста популяции. Как результат, стохастические флуктуации должны увеличивать дефицит ресурса и от того повышать ренту и понижать уровень изъятия. Однако, если считать предельные издержки в рыболовстве уменьшающимися, следовательно, функция затрат выпуклая, стохастические флуктуации популяции увеличивают ожидаемые затраты на добычу со временем (по неравенству Йенсена в теории вероятности). Из-за постоянно возникающих ожиданий повышения затрат создается мотивация для экстрактора ресурса к увеличению объёмов изъятия, снижая объём увеличивающихся затрат. Таким образом, стохастические флуктуации, отсюда, приведут к изменению рыболовства и ренты тремя путями: во-первых, из-за снижения вследствие флуктуации объёмов ресурса, и поскольку их вариация является возрастающей функцией, возникает мотивация снижать общий объём ресурса, увеличивая темп изъятия; во-вторых, флуктуации увеличивают ожидаемые затраты по добыче с течением времени, и это также создает мотивацию для увеличения темпов изъятия; в третьих, учитывая установленный регулятором объём изъятия, любая флуктуация популяции снижает ожидаемый рост объёмов ресурса и отсюда снижает объём изъятия. Отсюда, в зависимости от определённого состояния функции биомассы, эффект влияния случайности на объёмы изъятия неопределяем, снижение ренты безусловно.

Фактически, общим параметром, определяющим характер направленности функции ренты на единицу ресурса во времени, является производная функции роста биомассы.

Стоит заметить, что показанная схема (рис. 1) демонстрирует уровень ренты на единицу ресурса (для нахождения общего уровня природной ренты необходимо знать уровень изъятия в системе), а также не показывает преимущества в выбранном методе разработки ресурса для показателя ренты на единицу ресурса, только условную направленность изменения этого показателя.

В случае, когда мы изымаем меньше ресурса, чем его прирастает, мы не можем ожидать вечного повышения уровня ренты на единицу ресурса, так как экосистема обладает предельным уровнем биоресурса, который она может поддерживать, то есть, при достижении максимального уровня плотности ресурса на рассматриваемой площади рост ренты на единицу ресурса также остановится.

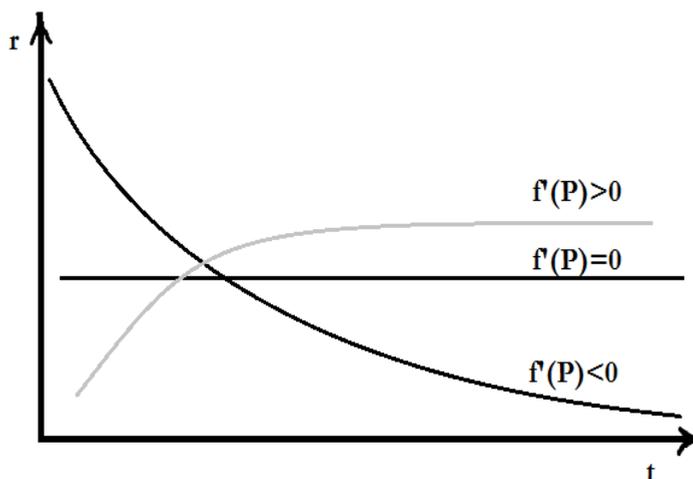

Рис. 1. Иллюстрация принципа зависимости изменения ренты на единицу изымаемого ресурса от производной функции роста биомассы

Морской биоресурс как биоресурс большую часть стоимости несёт в прямом потреблении ресурса, которая отражается при помощи рыночного механизма. В идеальных условиях рыночная стоимость торгуемой квоты на вылов, с учётом того, что квота определена верно, стремится к её рентной стоимости на определённом участке времени.

Мировое рыболовство достаточно широко использует инструмент квотирования общего объёма изъятия ресурса, проблема определения которого решается при помощи моделирования устойчивого рыболовства, то есть нахождения равенства годового прироста и годового улова, как в (3), что в устойчивой системе должно приводить к рыночному равновесию.

Когда мы говорим о квотах, мы затрагиваем не вопрос прав собственности, а вопрос прав использования, поэтому стоимость квоты всегда ниже рентной стоимости ресурса. Торг на вторичном рынке должен приводить к более эффективному вылову, повышению объёма ресурса на рынке до объёмов, предусмотренных квотами на вылов, что должно приводить к ситуации колебаний цены, стоимости и эффективности промысловых усилий. Цена квот на вторичном рынке в таких условиях будет пересматриваться до момента достижения эффективного и полного использования прав на вылов.

Объективные причины не допускают действительно широкой дифференциации квот по критерию территориальности, так как необходим учёт всех природных факторов, влияющих на рыбную ренту, в том числе и расстояние до разрабатываемой площади, помимо её характеристик, однако можно предполагать, что рыночные механизмы могут приблизить плату за квоту, которая и должна определиться как τ , к значению рыбной ренты.

Как было показано ранее, модели, связанные с мировым рыболовством, должны учитывать стохастический характер колебаний ресурса, а детерминистский характер моделей является упрощением. Отсюда следует, что квота никогда не сможет полностью отразить природную ренту ещё и потому, что предприниматель в своём желании платить за право пользования квотой учитывает и риски, порождаемые пробабилистским характером модели биомассы морских биоресурсов.

Возможности торговли квотами на вылов, их деление и объединение самими пользователями квот как дополнительный инструмент учёта рисков при рыболовстве ещё недостаточно хорошо изучены. Необходимо обратиться к моделированию существования вторичного рынка квот на вылов, изучить, как может влиять неопределённость в условиях его существования.

Список литературы

1. Chaudhuri, K. S. Bioeconomic dynamics of a fishery modelled as an S-system / K. S. Chaudhuri, T. Johnson // *Mathematical Biosciences*. – 1990. – Vol. 99, iss. 2. – P. 231–249.
2. Chaudhuri, K. S. On the combined harvesting of a prey-predator system / K. S. Chaudhuri, S. Saha Ray // *Journal of Biological Systems*. – 1996. – Vol. 4, iss. 3. – P. 373–389.
3. Clark, C. W. Buyback Subsidies, the time consistency problem, and the ITQ alternative / C. W. Clark, G. R. Munro, U. R. Sumaila // *Land Economics*. – 2007. – Vol. 83, iss. 1. – P. 50–58.
4. Clark, C. W. The economics of fishing and modern capital theory: a simplified approach / C. W. Clark, G. R. Munro // *Journal of Environmental Economics and Management*. – 1975. – Vol. 2. – P. 92–106.
5. Clark, C. W. The optimal exploitation of renewable resource stocks: problems of irreversible investment / C. W. Clark, F. H. Clarke, G. R. Munro // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, iss. 1. – P. 25–47.
6. Gleit, A. Optimal harvesting in continuous time with stochastic growth // *Mathematical Biosciences*. – 1978. – Vol. 41 – P. 111–123.
7. Pindyck, R. S. Uncertainty in the theory of renewable resource markets // *The Review of Economic Studies*. – 1984. – Vol. 51, iss. 2. – P. 289–303.
8. Pradhan, T. A dynamic reaction model of a two-species fishery with taxation as a control instrument: a capital theoretic analysis / T. Pradhan, K. S. Chaudhuri // *Ecological Modelling*. – 1999. – Vol. 121. – P. 1–16.
9. Silvert, W. Optimal exploitation of a multispecies community / W. Silvert, W. R. Smith // *Mathematical Biosciences*. – 1977. – Vol. 33. – P. 121–134.

10. Fox, W. W., Jr. An exponential surplus-yield model for optimizing exploited fish populations // *Transactions of the American Fisheries Society*. – 1970. – Vol. 99, iss. 1. – P. 80–88.

References

1. Chaudhuri K.S., Johnson T. Bioeconomic dynamics of a fishery modelled as an S-system. *Mathematical Biosciences*, 1990, vol. 99, iss. 2, pp. 231–249.

2. Chaudhuri K.S., Saha Ray S. On the combined harvesting of a prey-predator system. *Journal of Biological Systems*, 1996, vol. 4, iss. 3, pp. 373–389.

3. Clark C.W., Munro G.R., Sumaila U.R. Buyback subsidies, the time consistency problem, and the ITQ alternative. *Land Economics*, 2007, vol. 83, iss. 1, pp. 50–58.

4. Clark C.W., Munro G.R. The economics of fishing and modern capital theory: a simplified approach. *Journal of Environmental Economics and Management*, 1975, vol. 2, pp. 92–106.

5. Clark C.W., Clarke F.H., Munro G.R. The optimal exploitation of renewable resource stocks: problems of irreversible investment. *Econometrica*, 1979, vol. 47, iss. 1, pp. 25–47.

6. Gleit A. Optimal harvesting in continuous time with stochastic growth. *Mathematical Biosciences*, 1978, vol. 41, pp. 111–123.

7. Pindyck R.S. Uncertainty in the theory of renewable resource markets. *The Review of Economic Studies*, 1984, vol. 51, iss. 2, pp. 289–303.

8. Pradhan T., Chaudhuri K.S. A dynamic reaction model of a two-species fishery with taxation as a control instrument: a capital theoretic analysis. *Ecological Modelling*, 1999, vol. 121, pp. 1–16.

9. Silvert W., Smith W.R. Optimal exploitation of a multispecies community. *Mathematical Biosciences*, 1977, vol. 33, pp. 121–134.

10. Fox W.W., Jr. An exponential surplus-yield model for optimizing exploited fish populations. *Transactions of the American Fisheries Society*, 1970, vol. 99, iss. 1, pp. 80–88.

УДК: 657.33

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/72-78

Т. Н. Попова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: popova_tni@dvfu.ru

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ И СТАНДАРТ GRI (ГЛОБАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ОТЧЁТНОСТИ): ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена перспективам применения в России публичной нефинансовой отчётности. Публичная нефинансовая отчётность раскрывает информацию о деятельности организации в контексте социальной ответственности и устойчивого развития, отражает взаимодействие с заинтересованными сторонами, достигнутые экономические, экологические и социальные результаты, рассматриваемые в их взаимосвязи. Устойчивое развитие рассматривается как вариант развития мирового сообщества в целом, так и отдельно взятых стран, который позволяет удовлетворить основные потребности сегодняшнего поколения без риска для жизни и развития будущего. Национальные программы устойчивого развития приняты во многих странах мира. В России в 2017 г. утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчётности (ПНО) [1], которая будет реализовываться последовательностью этапов. Цель Концепции – повышение ответственности российских организаций за социальные и экологические результаты их деятельности и обеспечение информационной открытости за счёт регулярного выпуска ПНО. В статье дан анализ состояния и тенденций ПНО в РФ, приводится пример Отчёта в области устойчивого развития. Отмечается, что ПНО в РФ остаётся пока добровольной инициативой бизнеса, но в скором будущем все предприятия России обязаны будут составлять Отчёты в области устойчивого развития и вывешивать их на своем сайте, так как ПНО является важным элементом системы управления, в том числе рисками, и развития коммуникаций с заинтересованными сторонами, предпосылкой повышения эффективности и укрепления конкурентоспособности организаций.

¹ Татьяна Николаевна Попова, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Попова Т. Н. Концепция развития публичной нефинансовой отчётности и стандарт GRI (глобальная инициатива по отчётности): перспективы применения в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 72–78.

Ключевые слова: публичная нефинансовая отчётность (ПНО), концепция ПНО, устойчивое развитие, стандарт GRI, социальная ответственность, Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчётов.

Tatiana N. Popova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: popova_tni@dvfu.ru

THE CONCEPT OF PUBLIC NON-FINANCIAL REPORTING AND THE GRI (GLOBAL REPORTING INITIATIVE) STANDARD: PROSPECTS FOR APPLICATION IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to prospects of application of public non-financial reporting in Russia. Public non-financial reporting reveals information about the organization's activities in the context of social responsibility and sustainable development, reflects interaction with stakeholders, achieved economic, environmental and Social outcomes considered in their relationship. Sustainable development is seen as an option for the development of the world community as a whole and for individual countries to meet the basic needs of current generations, without risking the life and development of the future. National sustainable development programmes have been adopted in many countries around the world. In Russia in 2017 the concept of development of the public non-financial reporting which will be realized by certain stages has been approved. The purpose of the concept of developing public non-financial reporting in Russia is to increase the responsibility of Russian organizations for social and environmental results of their activities and to ensure information openness through regular release of the pno. The article also provides an analysis of the state and trends of public non-financial reporting in the Russian Federation, an example of the report on sustainable development. In Russia, the public non-financial reporting remains a voluntary initiative of business; in the near future all enterprises of the Russian Federation will be obliged to make reports in the area of sustainable development and to post them on their website. This revealed the need to develop public non-financial reporting in Russia and the prospects for its use in Russia, as the practice of preparing non-financial reporting is one of the main trends in the Sustainable development of companies in the world.

---

¹Tatiana N. Popova¹, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Tatiana N. Popova. The concept of public non-financial reporting and the GRI (global reporting initiative) standard: prospects for application in Russia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 72–78.

Key words: Public non-financial reporting (pno), the concept of pno, sustainable development, GRI standard, social responsibility, National Register of corporate non-financial reports.

В 2000 г. был принят так называемый Глобальный договор ООН, который продекларировал десять принципов в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией. На сегодняшний день к нему присоединилось более 13 000 компаний и организаций из 170 стран мира, которые, в соответствии с условиями «Глобального договора», обязаны ежегодно отчитываться о достигнутых результатах, составляя отчёт и размещая его на сайте Глобального договора ООН. Отдельным направлением международной (глобальной) стандартизации методов составления нефинансовой отчетности стала Global Reporting Initiative (GRI) – международная организация, выпускающая стандарты корпоративной социальной отчётности, цель которой определяется ею как помощь частным и государственным компаниям, властным органам и иным структурам в осознании и представлении заинтересованным лицам их влияния на окружающую среду, развитие общества и человека, противодействие коррупции и т. п. [2].

Последним на сегодняшний день шагом в направлении стандартизации практики нефинансовой отчетности компаний стало вступление в 2017 г. в силу директивы Европейского союза EU Directive 2014/95/EU24, обязавшей крупные компании и корпорации представлять отчётную информацию об их социальной ответственности. Согласно данной Директиве, более 6000 компаний должны информировать заинтересованных пользователей о своей стратегии развития, влиянии на окружающую среду, соблюдении прав и свобод человека, предлагаемых работникам условиях труда [2].

5 мая 2017 г. в России утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчётности. Цель Концепции развития ПНО в РФ – повышение ответственности российских организаций за социальные и экологические результаты их деятельности и обеспечение информационной открытости за счёт регулярных публикаций отчётов.

Концепция предусматривает 4 этапа реализации. На первом этапе (2017–2018 гг.) – утверждение перечня организаций, на которые распространяется требование публикации нефинансовой отчётности и раскрытия базовых индикаторов.

На втором этапе (2019–2020 гг.) предусматривается, в частности, регулярное составление индексов и рейтингов в области социальной ответственности и устойчивого развития на основе анализа публичной нефинансовой отчётности. В состав организаций, на которые распространяется требование публикации нефинансовой отчётности, предполагается включить в том числе: государственные корпорации, государственные компании и публично-правовые компании; хозяйственные обще-

ства, не менее 50% акций (долей) в уставных (складочных) капиталах которых находится в государственной собственности.

На третьем этапе (2021–2022 гг.) – корректировка и разработка дополнительных критериев с учётом отраслевой специфики, в соответствии с которыми уточняется состав тех организаций, на которые поэтапно распространяется требование публикации нефинансовой отчётности.

На четвёртом этапе (начиная с 2023 г.) в состав организаций, на которые распространяется требование публикации нефинансовой отчётности, предполагается включить 500 крупнейших организаций, объём выручки (дохода) которых соответствует критериям ведущих российских рейтингов.

Одной из важнейших задач Концепции является содействие обеспечению информационной поддержки в сфере социальной ответственности, устойчивого развития и публичной нефинансовой отчётности, в том числе для повышения информированности инвесторов и иных заинтересованных сторон, а также для развития международного сотрудничества в этой сфере.

Основным видом ПНО является отчёт о деятельности в области устойчивого развития. При подготовке таких отчётов широко используются международные стандарты, включая руководство GRI (The Global Reporting Initiative) (Глобальная инициатива по отчётности). Система отчётности GRI дает организациям основу для раскрытия информации о своих результатах в обеспечении устойчивого развития. Глобальная инициатива по отчётности направлена на то, чтобы все организации на постоянной основе предоставляли экономическую, экологическую и социальную отчётность, сопоставимую с финансовой отчётностью.

Вопросы нефинансовой отчётности являются одной из наиболее актуальных тем в области устойчивого развития, так как:

1. Именно нефинансовая отчётность компании формирует её облик во внешней среде и является основным источником информации для инвесторов, клиентов.
2. Открытость информации о нефинансовых результатах компании находит отражение в сотнях глобальных рейтингов и индексов в области устойчивого развития, ряд из которых оказывает прямое влияние на акционерную стоимость и инвестиционную привлекательность компаний.

Реагируют и биржевые рынки: в 2017 г. фондовые биржи, представляющие более 70% рынка ценных бумаг, публично заявили о намерении продвигать принципы устойчивого развития на рынках присутствия. Наиболее распространённые темы в области устойчивого развития, требуемые биржами к раскрытию: стратегия компании, в том числе стратегические цели в области устойчивого развития; выбросы парниковых газов; деятельность компании в ответ на изменение климата; использование ресурсов (главным образом топливные и водные ресурсы); общая информация о персонале компании; ответственность за продукцию; устойчивая цепочка поставок.

3. Растущие требования к публикации нефинансовой отчётности становятся неотъемлемой составляющей законодательного регулирования передовых стран.

4. Бизнес в России всё ещё остается малопрозрачным. В целом, по количеству компаний, раскрывающих нефинансовые результаты, Россия находится на одном уровне с Китаем, Аргентиной и Индией.

7 февраля 2018 г. в России прошёл социальный форум «Ответственное взаимодействие бизнеса и власти в целях устойчивого развития». Россия включилась в реализацию целей устойчивого развития ООН до 2030 г., принятых в 2015 г. По мнению президента Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохина, для выполнения целей ООН фактически ставится задача изменения бизнес-моделей на более устойчивые. Этот процесс развивается в мире на наших глазах, крупные компании включаются прежде всего, но чем дальше, тем больше он будет затрагивать и средний, и малый бизнес. Российские компании не остаются в стороне. Лидеры бизнеса своим опытом показывают пример такого движения.

Важная роль в достижении целей Концепции ПНО в России отводится национальному Регистру корпоративных нефинансовых отчётов (банку данных добровольных нефинансовых отчётов российских организаций). Национальный Регистр включает: реестр компаний, выпускающих нефинансовые отчёты:

- в области устойчивого развития,
- социальные отчёты,
- экологические отчёты,
- интегрированные отчёты,
- отраслевые отчёты.

В настоящее время 175 компаний России представили 922 отчёта, в том числе:

313 – отчёты по устойчивому развитию,

355 – социальные отчёты,

82 – экологические отчёты,

172 – интегрированные отчёты [5].

Отчеты по устойчивому развитию в общей структуре отчётов занимают 34%. Показателен пример отчёта об устойчивом развитии компании «Сахалин Энерджи» за 2016 г. Он признан одним из лучших на международном конкурсе Vision Awards Лиги американских профессионалов в области коммуникации (LASP). Отчёт получил 99 баллов из 100 возможных [3].

Отметим, что Компания «Сахалин Энерджи» ежегодно предоставляет нефинансовую отчётность в соответствии со стандартами и принципами Глобальной инициативы по отчетности (GRI). С 2009 г. таким стал Отчёт об устойчивом развитии, который содержит данные о работе компании в области устойчивого развития в отчётном году и отражает существенные темы, вопросы и показатели экономического, экологического и социального воздействия деятельности компании – с учё-

том оценки руководством компании результатов за отчётный период, а также сфер внимания заинтересованных сторон. В целом Отчёты отражают как благоприятные достижения, так и неблагоприятные (проблемные, требующие решения) аспекты деятельности компании за отчётный период. Степень внимания пропорциональна существенности, а также интересу и пожеланиям заинтересованных сторон о включении в данный отчёт определённых тем и вопросов. Подготовка каждого отчёта помогает компании постоянно совершенствовать процессы сбора информации. Это планомерный круглогодичный процесс, в который вовлечены специалисты большинства подразделений компании [4].

Осуществляемая политика устойчивого развития компании: «Сахалин Энерджи» вносит вклад в решение существующих сегодня и в предупреждение возможных в будущем социальных проблем Сахалина, сохраняя баланс между экономическим развитием, охраной окружающей среды и социальной ответственностью.

Однако не все крупные компании ДВФО публикуют Отчёты об устойчивом развитии, в первую очередь это касается морских портов, входящих в городские агломерации и загрязняющих окружающую среду в процессе открытой перевалки угля (например, АО «Находкинский морской рыбный порт» и др.).

Можно выделить основные тенденции процесса нефинансовой отчётности:

1. Лидеры – крупные компании.
2. От отчётов в свободной форме – к отчётам, ориентированным на системы отчётности (стандарты).
3. От свободной экологической отчётности – к отчётам в области устойчивого развития и в дальнейшем к интегрированным отчётам.
4. От «верьте на слово» – к отчётам, заверенным внешним аудитом.
5. Попытки регулирования нефинансовой отчётности.

В России ПНО остаётся пока добровольной инициативой бизнеса, но в скором будущем все предприятия обязаны будут их составлять. Таким образом, практика подготовки нефинансовой отчётности является одной из главных тенденций в области устойчивого развития компаний, как в мире, так и в России.

В настоящее время становится невозможным в отдельных странах заключать договоры поставок – выхода на внешний рынок без раскрытия и соблюдения основных положений Концепции развития публичной нефинансовой отчётности. Создание единой мировой базы данных (Big Data Platform) будет способствовать мониторингу вкладов каждой страны, бизнес-сообществ и др. в достижение целей устойчивого развития.

Современные мировые тенденции ставят большие вызовы перед странами с традиционной энергетикой (уголь, газ, нефть) в освоении новых зарубежных рынков и стабильной работе в будущем. Для компаний с новыми энергетическими технологиями открываются возможности доступа на новые рынки, технологического

обновления, получения доступа к международным финансовым ресурсам. Для компаний любых отраслей открываются новые возможности в доступе к финансированию и новейшим технологиям. Россия не должна оставаться в стороне, не должна быть «страной-изгоем».

Реализация Концепции публичной нефинансовой отчетности позволит достигнуть стратегической цели – достижения уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как одной из развитых стран мира.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 мая 2017 г. № 876-р. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/27645/>.

2. Нефинансовая отчетность в экономике: опыт XIX – начала XXI в. / М. Л. Пятков, Т. Н. Соловей, С. А. Сорокина, А. А. Гусниева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т. 34, вып. 3. – С. 465–492. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.306>.

3. Сахалин Энерджи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakhalinenergy.ru>.

4. Российский бизнес и цели устойчивого развития : сборник корпоративных практик / Е. Н. Феоктистова [и др.]. – М. : Рос. союз промышленников и предпринимателей, 2018. – 200 с.

5. Национальный регистр и Библиотека нефинансовых отчетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--o1aabe.xn--plai/simplepage/157>.

References

1. *The concept of development of public non-financial reporting: Order Government of the Russian Federation of May 5, 2017 No. 876-P.* Available at: <http://government.ru/docs/27645/> (accessed 18 February 2019). (In Russian).

2. Pyatov M.L., Solovei T.N., Sorokin A.S., Gusniyeva A.A. Nefinansovaya otchetnost' v ekonomike: opyt XIX–nachala XXI v. [Non-financial reporting in the economy: experience of the XIX–early XXI century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Herald of St. Petersburg University. Economy], 2018, vol. 34, iss. 3, pp. 465–492. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2018.306>.

3. *Sakhalin Energy.* Available at: <http://www.sakhalinenergy.ru> (accessed 18 February 2019). (In Russian).

4. *Russian business and sustainable development goals: a collection of corporate practices.* Moscow: Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Publ., 2018. 200 p.

5. *National Register and Library of non-financial reports.* Available at: <http://xn--o1aabe.xn--plai/simplepage/157> (accessed 18 February 2019). (In Russian).

УДК 338.439.6-049.5

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/79-95

Г. Д. Жевлаков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zhevlakov.gd@students.dvfu.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Обеспечение безопасности человечества является одним из «больших вызовов» для всего населения планеты. Продовольственная и экологическая безопасность являются базовыми видами безопасности – без их обеспечения невозможна ни безопасность общества, ни государства, ни личности. Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время способы обеспечения продовольственной и экологической безопасности зачастую противоречат друг другу. Однако данное противоречие редко подвергается рассмотрению, поэтому при попытках обеспечения одного из рассматриваемых видов безопасности другой вид ставится под угрозу. Одним из наиболее сложных и многогранных конфликтов интересов было выделено дискреционное потребление. Для проверки гипотезы о взаимосвязи дискреционного потребления и экологической безопасности страны был проведён корреляционно-регрессионный анализ, который выявил прямую зависимость: чем хуже качество потребляемых продуктов, тем ниже экологическая эффективность страны. В результате был сделан вывод, что дискреционное потребление имеет наибольшую тесноту связи с экологической безопасностью стран в контексте степени влияния составных частей продовольственной безопасности на безопасность экологическую. Для проверки гипотез о дискреционном потреблении был проведён социологический опрос, который выявил, что дискреционное потребление имеет социально-экономический каркас. Поэтому данный конфликт интересов, в отличие от остальных, может быть минимизирован лишь с помощью комплексного подхода со стороны государства, благодаря которому будет обеспечен более высокий уровень как продовольственной, так и экологической безопасности страны.

---

¹ Георгий Дмитриевич Жевлаков – бакалавр направления «Мировая экономика» Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жевлаков Г.Д. Продовольственная и экологическая устойчивость в обеспечении безопасности общества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 79–95.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, качество продуктов питания, экологическая безопасность, экологическая эффективность, дискреционное потребление, дискреционные продукты, экологическое равнодушие, большие вызовы.

Georgiy D. Zhevlakov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zhevlakov.gd@students.dvfu.ru

FOOD AND ECOLOGICAL SUSTAINABILITY IN ENSURING PUBLIC SECURITY

Abstract. Ensuring the security of humanity is one of the big challenges for the entire population. Food and environmental security are the basic types of security: without their provision, neither the security of society, nor the state, nor the individual security is possible. The research shows that the ways of ensuring food and environmental security often contradict each other at present. However, this contradiction is rarely examined; therefore, the efforts of ensuring one type of security often jeopardizes the other. Discretionary consumption was identified as one of the most complex and multifaceted conflicts of interest. To test the hypothesis of the relationship between discretionary consumption and environmental safety of the country, a correlation-regression analysis was conducted, which revealed a direct dependence: the worse the quality of consumed products is, the lower the country's environmental efficiency becomes. As a result, it was concluded that discretionary consumption has the greatest closeness to the ecological safety of countries in the context of the degree to which the components of food security affect the ecological ones. To test the hypotheses about discretionary consumption, a sociological poll was conducted, which reveals that discretionary consumption has a social and economic framework, so this conflict of interests, unlike the rest of them, can be minimized only through an integrated approach of the state, through which a higher level of both food and environmental security of the country is achieved.

Keywords: food security, food quality, environmental security, environmental efficiency, discretionary consumption, discretionary products, ecological indifference, great challenges.

---

¹ Georgiy D. Zhevlakov, Bachelor's degree student of World Economy Program of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zhevlakov G. D. Food and ecological sustainability in ensuring public security // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 79–95.

Обеспечение продовольственной и экологической безопасности является глобальным, большим вызовом для всего человечества. В данном аспекте понятие «большие вызовы» требует внесения ясности: термин был введён в оборот Д. Гильбертом, одним из самых влиятельных математиков XX в., который в 1900 г. на Международном конгрессе математиков в Париже перечислил 23 проблемы, которые в совокупности были названы «большими вызовами». Они были сформулированы с целью создания совместных ответных действий для их решения. Таким образом была сформулирована специфичность ответов на «большие вызовы», заключающаяся в том, что прогресс человечества связан с коллективными и скоординированными усилиями. На сегодняшний день, по мнению многих исследователей, «большие вызовы» – это формулировки глобальных проблем, которые можно устранить с помощью скоординированных усилий [1].

В настоящее время задачи и пути обеспечения безопасности продовольственной и безопасности экологической не только в некоторых аспектах противоречат друг другу; однако данное противоречие редко подвергается рассмотрению, практически отсутствуют усилия, направленные на его преодоление, поэтому при попытках обеспечения одного из рассматриваемых видов безопасности другой вид безопасности ставится под угрозу.

Интенсификация сельского хозяйства в определённой степени позволяла разрешить противоречия между потребностями расширения производства продуктов питания и сохранением окружающей среды. Однако ущерб, наносимый среде обитания в результате интенсификации производства и экстенсивного развития, неуклонно нарастает. Экстенсивный путь развития, предполагающий вырубку лесов и распахивание степей, приводит к меньшему поглощению углекислого газа деревьями и к большему выбросу CO₂ в результате распахивания больших площадей. Данные действия приводят ко всё большему развитию «парникового эффекта», истощению озонового слоя, изменению климата и, как следствие, к природным катаклизмам, ставящим под угрозу не только экологическую безопасность, но и продовольственную. Интенсивный путь развития предполагает использование высокоэффективных удобрений, создание генномодифицированных продуктов питания, в результате чего происходят истощение почв и ориентация продовольственных товаров на количество и экономическую, физическую доступность в ущерб качеству, что, в свою очередь, снова создаёт угрозу продовольственной и экологической безопасности.

Продовольственная безопасность (ПБ) подразумевает оптимальную пропорцию между производством и потреблением, исследованием которой занимались многие учёные в 1960-х гг. Тем не менее, термина «продовольственная безопасность» в трудах учёных не существовало [2, с. 97–112].

Несмотря на очевидную важность раскрытия данного определения, само понятие «продовольственная безопасность» появилось и было законодательно закреп-

лено сравнительно недавно – в 1974 г. в Риме, в рамках Всемирной продовольственной конференции. Так, в принятой Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания было определено, что «благополучие народов мира в значительной степени зависит от установления системы всемирной продовольственной безопасности, которая обеспечила бы соответствующее наличие продовольствия и разумные цены на него в любое время, независимо от периодических колебаний и изменения погодных условий, а также от политического и экономического давления, и должно таким образом облегчить, помимо прочего, процесс развития развивающихся стран» [3].

Это определение не раскрывает всех аспектов данного понятия, поэтому несколько раз претерпевало изменения и дополнения, вносимые в процессе осознания человечеством новых, зачастую ключевых, элементов данного определения. С целью более точного раскрытия понятия проведен ретроспективный анализ и прослежена трансформация данной дефиниции с учётом времени, документов, внесённых дополнений и изменений, а также практической значимости этих изменений. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Согласно проведённому анализу, с 1974 г. по настоящее время существовало пять наиболее ёмких определений. Каждое новое определение освещало и раскрывало всё новые грани продовольственной безопасности. Так, например, определение, выдвинутое в 1983 г., содержало формулировку «возможность найти и купить необходимые продукты питания», предполагало достижение таких целей, как достаточность поставок продовольствия, стабильность его поставок и рынков и обеспечение доступа к его поставкам, формируя, таким образом, понимание не только физической доступности продовольствия, но и экономической [4].

В определении 1996 г. (см. табл. 1) была раскрыта новая на тот момент составляющая ПБ. Население становилось активным участником в обеспечении продовольственной безопасности, т.е. население должно самостоятельно зарабатывать на продукты питания или производить их. Кроме того, акцент определения постепенно смещался с количества товаров в сторону их качества, подразумевая «доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения, для ведения активного и здорового образа жизни».

Ключевым новшеством определения ПБ, данного в 2009 г. в Декларации Всемирного саммита, стала формулировка социальной доступности продовольствия наряду с физической и экономической доступностью. Она была нацелена на значительное сокращение голода и недоедания, так как голодают самые бедные слои населения, зачастую не имеющие возможности купить или произвести продукты питания из-за отсутствия образования, навыков, земли, финансовых активов, а также из-за плохого здоровья [5].

Ретроспектива развития термина «продовольственная безопасность»

Источник	Определение	Практический смысл
Всемирная продовольственная конференция 1974 г.	«Снабжение во все времена и во всём мире надлежащих основных продуктов питания в объёмах, достаточных для поддержания неуклонного роста потребления продовольствия и регулирования колебаний производства и цен».	Определение выработано с учётом существовавшего на тот момент продовольственного кризиса, вызванного рядом неурожайных лет, приведших к глобальному дефициту продовольствия и повышению цен на него в ряде стран. Созданные после конференции Комитет ООН/ФАО по всемирной продовольственной безопасности (ПБ) и Подкомитет по вопросам питания Административного комитета по координации были нацелены на увеличение глобального производства зерна и стабилизацию цен. Однако данные действия были неспособны решить проблему дефицита продовольствия во всех странах мира.
Комитет по продовольственной безопасности ФАО 1983 г.	«Конечная цель продовольственной безопасности должна заключаться в том, чтобы обеспечить каждого человека в любое время возможностью найти и купить необходимые продукты питания».	Расширение определения было предложено ФАО и одобрено Комитетом ООН/ФАО. Создание возможности «найти и купить необходимые продукты питания» предполагало достижение таких целей, как достаточность и стабильность поставок продовольствия, рынков и обеспечение доступа к его поставкам. В определении заложен смысл физической доступности (найти необходимые продукты питания) и экономической (возможность купить необходимые продукты питания).
Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности 1996 г.	«Продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения, для ведения активного и здорового образа жизни».	В 1996 г. принятое ранее определение было уточнено: население становится активным участником в обеспечении продовольственной безопасности, т.е. экономическая доступность подразумевает, что население должно самостоятельно зарабатывать на продукты питания или производить их (при имеющихся для этого условиях). Особое внимание уделялось доступности безопасной и питательной пищи, создавая взаимосвязь количества и качества продуктов питания.

Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 г.	«Продовольственная безопасность существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни».	Значимое дополнение к определению – слово «социальный», предполагающее обеспечение социальной доступности, наряду с физической и экономической. Социальная доступность нацелена на сокращение голода и недоедания, так как голодают самые бедные слои населения. Важное дополнение – введение таких понятий, как «диетические потребности» и «пищевые предпочтения», обуславливающих необходимость учёта индивидуальных потребностей и предпочтений.
Доклад «Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире – 2013. Множественные проявления продовольственной безопасности»	«Состояние, характеризующееся постоянным физическим, социальным и экономическим доступом для всех людей к достаточному по объёму, безопасному и питательному продовольствию, необходимому для удовлетворения их потребностей в полноценном питании и пищевых привычках и поддержания активного и здорового образа жизни».	Дополнение данного определения заключалось в переформулировании введённых ранее понятий «диетические потребности» и «пищевые предпочтения» на «потребности в полноценном питании» и «пищевые привычки». Таким образом акцент сместился в сторону наиболее сбалансированного рациона населения с учётом сложившихся пищевых привычек и традиций. Данная формулировка затрагивает такие аспекты, как дискреционные продукты питания и ответственное потребление и производство, которые тесно связаны с экологической безопасностью.

Наиболее новое и ёмкое определение, данное в 2013 г., включило такие понятия, как «потребности в полноценном питании» и «пищевые привычки», т.е. акцент сместился в сторону наиболее сбалансированного рациона населения с учётом сложившихся пищевых привычек и традиций. Данная формулировка тесно связана с дискреционными продуктами и питания и, соответственно, с экологической безопасностью, рассматриваемой далее в данной статье [6].

Основываясь на проведённом ретроспективном анализе трансформации термина и рассмотренных компонентов, составляющих продовольственную безопасность, выделены следующие уровни продовольственной безопасности: базовые условия, региональный (национальный) уровень, уровень домохозяйств и уровень индивида, которые, в свою очередь, содержат различные индикаторы. Ключевые

индикаторы безопасности на базовом уровне, на уровне региона и нации, домохозяйства и индивида представлены на рис. 1.

Рис. 1. Группировка уровней продовольственной безопасности [7]

Одним из ключевых показателей базового уровня продовольственной безопасности являются экологические условия. Вслед за демографическими, экологические условия опережают по значимости и экономические, и политические, и социокультурные условия. Однако, по мнению авторов, именно взаимосвязь продовольственной и экологической безопасности не всегда понимается и учитывается на уровне государственного планирования. А без удовлетворения всех базовых условий продовольственная безопасность ни на одном из следующих уровней не может быть всецело обеспечена.

Обеспечение экологической безопасности, как и продовольственной, является одной из важнейших задач, стоящих перед правительством каждой страны. Тем не менее, понятие «экологическая безопасность» вошло в список часто употребляемых терминов лишь в 1980-х гг. в связи с аварией на Чернобыльской АЭС [8, с. 14]. По мнению авторов, отечественные учёные добились наибольших результатов в точности определений экологической безопасности и в широте охвата данных определений, однако к согласию о наиболее полном и достоверном определении до сих пор не пришли.

Существующие определения были проанализированы, на основе существующих определений было разработано собственное понимание экологической безопасности как состояния защищённости личности, общества, государства от негативных последствий воздействия на окружающую среду путём принятия политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищённости окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражданина.

Наиболее современным нормативно-правовым документом, рассматриваемым экологическую безопасность на макроуровне, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. Согласно данной стратегии, экологическая безопасность является одним из видов национальной безопасности наряду с государственной, общественной, информационной, экономической, транспортной, энергетической и безопасностью личности. В то время как национальная безопасность РФ – это состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ [9].

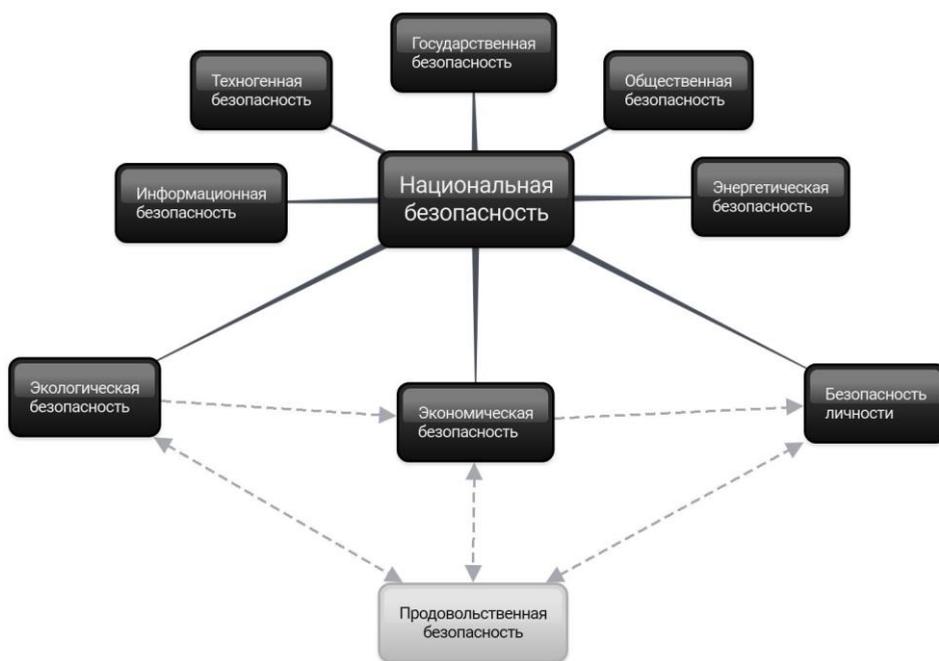

Рис. 2. Виды безопасности в контексте национальной безопасности

Национальная безопасность включает в себя несколько видов безопасности, среди которых выделяется и экологическая. Несмотря на то, что ПБ не выделяется отдельно, взаимосвязанность экологической, экономической безопасности и безопасности личности проходит, в том числе, через ПБ. Существует прямая зависимость экологической и экономической безопасности, выражающаяся, например, в стихийных бедствиях, которые, в свою очередь, влияют и на безопасность личности. Тем не менее, наиболее часто возникает взаимосвязь через продовольственную безопасность. При неудовлетворительной экологической обстановке физическая доступность продовольствия снижается, что может быть связано с множеством факторов, таких как низкая плодородность почв, неурожай, вызванные неблагоприятными природными явлениями, катаклизмами и т.д., вследствие чего безопасность личности находится под угрозой из-за подрыва продовольственной безопасности. Подрыв экономической безопасности влияет на вторую составляющую продовольственной безопасности – экономическую доступность продовольствия, что, в свою очередь, создаёт угрозу безопасности личности.

Безопасность продовольственная и безопасность экологическая являются составляющими частями безопасности национальной, что было рассмотрено на рис. 2. Эти типы безопасности в своих целях и методах достижения коррелируют между собой. Совмещение и взаимовлияние продовольственной и экологической безопасности происходит, когда идёт речь о производстве экологически чистых продуктов питания. Производство высококачественных продуктов невозможно в неудовлетворительных экологических условиях, тогда как высокий уровень экологической безопасности противоречит преобладанию дискреционных продуктов питания в рационе человека, так же, как и производство данных продуктов. Тем не менее, существует ряд аспектов, создающих конфликт интересов продовольственной и экологической безопасности. Далее сформулированы предпосылки и суть конфликтов.

Конфликт 1: расширение пахотных земель. Достижение высокого уровня и продовольственной, и экологической безопасности в ближайшие десятилетия представляет собой серьёзную проблему: с одной стороны, предоставление доступного продовольствия потребителям предполагает стратегию расширения пахотных земель, поскольку миру придётся накормить более 9 миллиардов человек в 2050 г., а с другой – экологическая безопасность, выражающаяся также в сохранении биоразнообразия и лесных запасов, противоречит данной стратегии [10]. Поэтому повышение производительности сельского хозяйства на существующих пахотных землях часто рассматривается как важный вариант для достижения целей обеспечения продовольственной безопасности экологически устойчивым способом. Однако в условиях слаженной работы международной торговли отдельные улучшения производительности могут привести к быстрому расширению пахотных земель и сопутствующей деградации природных ресурсов [11].

Конфликт 2: использование сельскохозяйственных культур для производства биотоплива. Несколько лет назад человечество столкнулось с проблемой устойчивого энергоснабжения из-за увеличения населения земли, вместе с которым растёт и энергопотребление. Учитывая ограниченность ископаемых видов топлива, биоресурсы являются одним из основных вариантов, рассматриваемых в качестве альтернативных источников энергии, наряду с энергией воды, ветра и солнца. Под биотопливом понимается энергетическое вещество, изготовленное из биологических материалов, основным преимуществом которого считается возможность циклического воспроизводства данного материала [12].

Однако использование биотоплива, как и процесс его производства, обладает рядом недостатков в контексте продовольственной и экологической безопасности, создавая конфликт интересов данных областей. Так, например, сырьём первого поколения являются сельскохозяйственные культуры, использование которых в виде топлива выглядит не только нецелесообразным, но и попросту неэтичным, учитывая тот факт, что в 2016 г. в мире насчитывалось 815 миллионов голодающих людей.

Кроме того, влияние выбросов CO_2 также косвенно влияет на продовольственную безопасность и ставит под угрозу экологическую. В процессе вырубки тропических экосистем, в данном случае – для производства биотоплива, из почвы высвобождается колоссальное количество углерода, так как около 50% углекислого газа содержится в почве тропических лесов.

Накопление углекислого газа, вклад в который вносит и производство биотоплива, негативно сказывается на климате, выражаясь в резких климатических изменениях, часто проявляющихся в виде засух или наводнений. Изменение климата влияет на продовольственную безопасность, выражаясь не только в снижении экономической доступности продуктов питания (как в случае с кризисом, обусловленным, в первую очередь, возросшими ценами), но и в снижении физической доступности продовольствия.

Таким образом, биотопливо первого и второго поколений лишь немного экологичнее ископаемых видов топлива. Результаты его производства выражаются в выбросах парниковых газов, повышении уровня моря, засухах и наводнениях, и в итоге – в нехватке продовольствия. Из-за подобных климатических изменений погибает значительная часть урожая; кроме того, страдает и транспортная сфера, которая целиком зависит от состояния инфраструктуры, в первую очередь подверженной разрушению при катаклизмах.

Конфликт 3: производство и потребление дискреционных продуктов питания. Говоря о физической, экономической, социальной, политической доступности продовольствия для населения, часто забывают о качестве данной продукции. Качество в данном контексте подразумевает не безопасность продуктов, а их пищевую ценность. Иными словами, стремясь насытить рынок доступной продукцией в боль-

шом объёме, правительство не учитывает формирующийся рацион населения, провоцируя резкое увеличение потребления дискреционных продуктов питания [13].

Подобный конфликт интересов продовольственной и экологической безопасности порождает конфликты других составляющих национальной безопасности, таких как безопасность личности, экономическая и энергетическая виды безопасности. Взаимосвязь конфликтов интересов продовольственной и экологической безопасности напрямую и через другие виды безопасности представлена на рис. 3.

Рис. 3. Конфликт интересов продовольственной и экологической безопасности

С другой стороны, противоречия обеспечения продовольственной и экологической безопасности также оказывают влияние на другие отрасли. Преследуя интересы экологической безопасности, запрещая вырубку лесов, использование пестицидов, правительство влияет на повышение цен на органические продукты питания, что порождает снижение уровня их экономической и физической доступности, что, в свою очередь, увеличивает спрос на дискреционные продукты питания. Обусловлено это тем, что они способны храниться долгое время, а их производство слабо подвержено изменению климата, поэтому цены обычно удерживаются на том же низком уровне. Рост потребления дискреционных продуктов питания, в свою очередь, влияет и на экологическую безопасность, и на безопасность личности. Учитывая необходимость должного уровня переработки и упаковки дискреционных товаров потребления, их влияние на экологию нельзя назвать незначительным. Исследования показывают, что уменьшение доступности органических продуктов питания влияет на спрос покупателей, увеличивая потребление дискреционных продуктов, что, в свою очередь, негативно сказывается на экологической безопасности.

Дискреционные продукты являются более удобными и доступными для многих потребителей. Во многих случаях дискреционные продукты могут даже вытеснять основные продукты питания, что приводит к дефициту питательных веществ, избыточному весу и другим проблемам со здоровьем. Основанием подобного спроса могут служить не только удобство потребления и агрессивные рекламные кампании производителей, но и тот факт, что стоимость полезной пищи растёт быстрее, чем стоимость переработанных продуктов питания, как в развитых странах, так и в странах с переходной экономикой.

Проблемы со здоровьем из-за неправильного рациона влияют не только на увеличивающиеся расходы на здравоохранение, но и на работоспособность людей. Снизившаяся работоспособность и более длительный период болезни работников отрицательно влияют на финансовую составляющую домохозяйств, вынуждая сокращать расходы, в том числе и на продукты питания, вновь стимулируя спрос на дискреционные продукты питания, тем самым нанося удар как по продовольственной, так и по экономической и социальной безопасности.

Для подтверждения гипотезы о корреляции интересов продовольственной и экологической безопасности на примере дискреционных продуктов питания был проведён корреляционно-регрессионный анализ влияния составляющих элементов ПБ на экологическую эффективность страны. Выборка стран основывалась на количестве проживающего в данных странах населения. Были выбраны 25 крупнейших стран: Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Пакистан, Нигерия, Бангладеш, Россия, Мексика, Япония, Эфиопия, Филиппины, Египет, Вьетнам, Демократическая Республика Конго, Германия, Иран, Турция, Таиланд, Соединённое Королевство, Франция, Италия, Танзания и Южная Африка [14]. В этих странах проживает около $\frac{3}{4}$ населения Земли; в выборке присутствуют страны, занимающие в рейтингах стран по экологической и продовольственной безопасности от 2-го места до 179-го [15].

В качестве исследуемого фактора была выбрана общая оценка экологической эффективности, данная стране на основе индекса экологической эффективности. В качестве факторов, потенциально оказывающих влияние на экологическую безопасность, были выбраны оценки трёх составляющих продовольственной безопасности на основе глобального индекса продовольственной безопасности, а именно – экономическая доступность продовольствия, физическая доступность продовольствия и качество продовольственных товаров.

В результате проведения корреляционно-регрессионного анализа подтвердилась гипотеза о взаимосвязи потребления дискреционных продуктов и экологической безопасности страны, выявлена прямая зависимость: чем хуже качество продуктов, тем меньше баллов присвоено экспертами экологической эффективности страны. Являясь продуктами низкого качества, но в то же время самыми доступными по цене, дискреционные продукты больше других наносят вред окружающей

среде. Прослеживается связь между качеством продовольствия и показателями экологической эффективности страны.

Потребление дискреционных продуктов питания носит социально-экономический каркас: данный тип продуктов активно пропагандируется в рекламе, удобен для потребителя и стоит дешевле основных продуктов. Для изучения потребительского поведения в контексте дискреционного потребления был проведён социологический опрос среди студентов на базе Google Forms и стал доступен по следующей ссылке: <https://goo.gl/forms/fnE7hfoNAMyBiqCv2>. Студенты – люди от 17 до 24 лет, их потребительское поведение уже является драйвером спроса на дискреционные продукты питания и, вероятнее всего, будет оставаться им в ближайшее десятилетие.

Общее количество опрошенных студентов составило 945 человек. Распределение парней и девушек примерно одинаково, основная доля респондентов была в возрасте 18 лет (53,8%) и 19 лет (23,1%). Географический фактор нивелирован: около 40% опрошенных студентов проживали до обучения не во Владивостоке, а в другом среднем или мелком городе, лишь треть опрошенных проживали во Владивостоке. Данные проведённого опроса использовались для подтверждения или опровержения гипотез о дискреционном потреблении.

Гипотеза Н1: дискреционное потребление недостаточно освещено в отечественной литературе, большинство граждан не знакомо с данным понятием. Данная гипотеза подтверждается данными опроса: более половины опрошенных либо не знают, что такое дискреционные продукты, либо могут лишь предположить, что это за продукты. Лишь треть опрошенных молодых людей знакомы с данным понятием.

Гипотеза Н2: дискреционные продукты питания пользуются большим спросом из-за агрессивной рекламы производителей, удобства потребления и ярких вкусовых качеств. Данная гипотеза также подтверждается данными опроса: 49,1% и 28,8% ответили «да» и «скорее да, чем нет» на утверждение о том, что дискреционные продукты питания очень популярны из-за рекламы; 47,6% и 32,1% ответили «да» и «скорее да, чем нет» на утверждение о том, что дискреционные продукты питания удобны в качестве перекуса; 27,5% и 29,42% ответили «да» и «скорее да, чем нет» на утверждение о том, что дискреционные продукты питания – это доступные, недорогие продукты питания. Однако в общей выборке причин потребления данной категории товаров наибольшее количество опрошенных ответили, что данные продукты им нравятся, что свидетельствует о верности гипотезы, что дискреционные продукты питания из-за ярко выраженного вкуса вызывают чувство радости и удовольствия [16].

Гипотеза Н3: более бедные социально-экономические группы, как правило, получают более высокую долю диетической энергии от дискреционных продуктов питания. Коэффициент сопряжённости Пирсона равен 0,37, что говорит о незначи-

тельной связи между доходом и уровнем потребления дискреционных продуктов питания, отвергая среди выбранных респондентов рассматриваемую гипотезу о том, что более бедные социально-экономические группы, как правило, получают более высокую долю диетической энергии от данных продуктов [17].

Гипотеза Н4: большинство потребителей дискреционных продуктов питания не знают о влиянии их выбора на экологию или являются экологически равнодушными потребителями. Предоставив респондентам информацию о том, что на производство 1 гамбургера затрачивается 2400 л воды и выбрасывается значительное количество CO₂, что негативно влияет на окружающую среду, был задан вопрос, готовы ли они отказаться от потребления гамбургера или иного дискреционного продукта [18]. Результаты опроса свидетельствуют, что значительная часть респондентов (21,8%, ответивших «нет» и 19,2%, ответивших «скорее нет, чем да») экологически равнодушна. Более половины опрошенных (52,5%) не отказались бы от потребления гамбургеров, если бы знали о степени влияния их производства на окружающую среду, даже учитывая то, что 62,5% опрошенных сказали, что не очень любят гамбургеры. Результаты данной части опроса подтверждают гипотезу об экологическом равнодушии опрошенных респондентов в контексте дискреционного потребления: даже получив информацию о негативном влиянии дискреционных продуктов на окружающую среду и при отсутствии привязанности к потреблению одного из дискреционных продуктов, лишь 24,3% отказались бы от его потребления ранее.

Таким образом, обеспечение продовольственной и экологической безопасности не может рассматриваться отдельно – существует обширная область пересечения интересов, в результате чего обеспечение одного из рассматриваемых видов безопасности ведёт к снижению другого вида безопасности.

Было установлено, что потребление дискреционных продуктов питания является наиболее сложным и многогранным процессом в контексте пересечения интересов продовольственной и экологической безопасности. Данный конфликт интересов не может быть нивелирован развитием технологий, как другие конфликты, напротив, ускорение темпов жизни общества лишь способствует развитию дискреционного потребления. В результате рассмотрения сущности дискреционных продуктов питания был сделан вывод о том, что, помимо угрозы одной из составляющих продовольственной безопасности, а именно – качеству продуктов питания, дискреционное потребление наносит вред и окружающей среде. В то же время потребление данного вида продуктов не несёт пользы и в большинстве случаев является вредной привычкой как с точки зрения продовольственной, так и экологической безопасности.

Так как дискреционное потребление является вызовом и экологической, и продовольственной безопасности, основывается преимущественно на доступности данной категории товаров, удобстве потребления и экологическом равнодушии по-

купателей, данный конфликт интересов может быть нивелирован с помощью государственной политики в области потребления продуктов питания. Комплексный подход, основанный на формировании правильных диетических привычек населения, экономических и административных мерах, формирующих более сбалансированное предложение основных и дискреционных продуктов питания, способен обеспечить более высокий уровень продовольственной и экологической безопасности без значительных затрат экономических ресурсов.

Список литературы

1. George, G. Understanding and tackling societal grand challenges through management research / G. George, A. Joshi, L. Tihanyi // *Academy of Management Journal*. – 2016. – Vol. 59, no. 6. – P. 1880–1895. – <https://doi.org/10.5465/amj.2016.4007>.
2. Антамошкина, Е. Н. Оценка продовольственной безопасности региона: вопросы методологии // *Продовольственная политика и безопасность*. – М. : Креативная экономика, 2015. – С. 97–112.
3. Комитет по всемирной продовольственной безопасности. 39-я сессия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/meeting/026/MD776R.pdf>.
4. Боткин, О. И. Интерпретация понимания продовольственной безопасности на международном уровне / О. И. Боткин, А. И. Сутыгина, П. Ф. Сутыгин // *Вестник Удмуртского университета. Сер. : Экономика и право*. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 7–14.
5. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. [Электронный ресурс] : принята 18 ноября 2009 г. / Всемирный саммит по продовольственной безопасности – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf.
6. Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире – 2013. Множественные проявления продовольственной безопасности. Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций, Рим, 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i3434r.pdf>.
7. Gibson, M. food security – a commentary : what is it and why is it so complicated? // *Foods*. – 2012. – № 1. – P. 18–27.
8. Герасимов, А. В. Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения / А. В. Герасимов. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 201 с.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.
10. UN : farmers must produce 70 % more food by 2050 to feed population [Электронный ресурс] // *The Guardian*. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2011/nov/28/un-farmers-produce-food-population>.

11. Hertel, T. W. Attaining food and environmental security in an era of globalization / T. W. Hertel, U. L. Baldos // *Global Environmental Change*. – 2016. – Vol. 41. – P. 195–205. – <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.10.006>.
12. Кравченко, А. А. Продовольственная безопасность и развитие рынка биотоплива: конфликт интересов / А. А. Кравченко, О. О. Сергеева // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2015. – № 3 (36). – С. 56–58.
13. Meeting future food demand with current agricultural resources / K. F. Davisa [et al.] // *Global Environmental Change*. – 2016. – Vol. 39. – P. 125–132.
14. Countries in the world by population [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/>.
15. 2018 EPI : Environmental Performance Index [Электронный ресурс] // Yale University. – 2018. – Режим доступа: <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018policymakerssummaryv01.pdf>.
16. David, M. Convenience stores and discretionary food consumption among young Tokyo consumers // *International Journal of Retail & Distribution Management*. – 2016. – Vol. 44, iss. 10. – P. 1013–1029.
17. Darmon, N. Does social class predict diet quality? / N. Darmon, A. Drewnowski // *American Journal of Clinical Nutrition*. – 2008. – Vol. 87, no. 5. – P. 1107–1117.
18. Serra-Majem, L. Food, youth and the Mediterranean diet in Spain. Development of KIDMED, Mediterranean diet quality index in children and adolescents / L. Serra-Majem, L. Ribas, J. Ngo // *Public Health Nutrition*. – 2004. – Vol. 7. – P. 931–935.

References

1. George G., Joshi A., Tihanyi L. Understanding and tackling societal grand challenges through management research. *Academy of Management Journal*, 2016 vol. 59, no. 6, pp. 1880–1895, <https://doi.org/10.5465/amj.2016.4007>.
2. Antamoshkina E.N. Otsenka prodovol'stvennoi bezopasnosti regiona: voprosy metodologii [Evaluation of food security in region: methodology issues]. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'* [Food policy and security]. Moscow: Kreativnaya ekonomika Publ., 2015, pp. 97–112.
3. Committee on World Food Security. Available at: <http://www.fao.org/docrep/meeting/026/MD776R.pdf> (accessed 13 June 2018). (In Russian).
4. Botkin O.I., Sutygina A.I., Sutygin P.F. Interpretatsiya ponimaniya prodovol'stvennoi bezopasnosti na mezhdunarodnom urovne [Interpretation of understanding of food security at international level]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 7–14.
5. Declaration of the World Summit on Food Security. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf (accessed 25 June 2018). (In Russian).

6. State of food insecurity in the world in 2013. Multiple manifestations of food security. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i3434r.pdf> (accessed 29 June 2018). (In Russian).
7. Gibson M. Food security – a commentary: what is it and why is it so complicated? *Foods*, 2012, no. 1, pp. 18–27.
8. Gerasimov A.V. *Ekologicheskaya bezopasnost' sovremennoi Rossii: politika obespecheniya* [Ecological security of modern Russia: policy of ensuring]. Moscow: Russian University of Friendship of Peoples, 2008. 201 p.
9. About the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 30 June 2018). (In Russian).
10. UN: farmers must produce 70 % more food by 2050 to feed population. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2011/nov/28/un-farmers-produce-food-population> (accessed 30 June 2018).
11. Hertel T.W., Baldos U.L. Attaining food and environmental security in an era of globalization. *Global Environmental Change*, 2016, vol. 41, pp. 195–205, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.10.006>.
12. Kravchenko A.A., Sergeeva O.O. Prodovol'stvennaya bezopasnost' i razvitie rynka biotopliva: konflikt interesov [Food security and development of biofuel market: conflict of interests]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific RIM: Economic. Politics. Law*. 2015, vol. 3, iss. 36, pp. 56–58.
13. Davisa K.F., Gepharta J.A., Emery K.A., Leahc A.M. [et al.] Meeting future food demand with current agricultural resources. *Global Environmental Change*, 2016, no. 39, pp. 125–132.
14. Countries in the world by population, 2018. Available at: <http://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/> (accessed 1 July 2018).
15. *2018 EPI: Environmental Performance Index*. Yale University, 2018. Available at: <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018policymakerssummaryv01.pdf> (accessed 1 July 2018).
16. David M. Convenience stores and discretionary food consumption among young Tokyo consumers. *International Journal of Retail & Distribution Management*, 2016, vol. 44, iss. 10, pp. 1013–1029.
17. Darmon N., Drewnowski A. Does social class predict diet quality? *American Journal of Clinical Nutrition*, 2008, vol. 87, no. 5, pp. 1107–1117.
18. Serra-Majem L., Ribas L., Ngo J. Food, youth and the Mediterranean diet in Spain. Development of KIDMED, Mediterranean diet quality index in children and adolescents. *Public Health Nutrition*, 2004, vol. 7, pp. 931–935.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ LEGAL REGULATION

УДК 342.743:658.152-027.44

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/96-129

А. А. Арямов¹

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия

E-mail: aaryamov65@yandex.ru

Ю. В. Грачёва²

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

E-mail: uvgracheva@mail.ru

А. И. Чучаев³

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

E-mail: moksha1@rambler.ru

С. В. Маликов⁴

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

С. Г. Ольков⁵

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

E-mail: olkovsg@mail.ru

---

¹ Андрей Анатольевич Арямов, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия.

² Юлия Викторовна Грачёва, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, МГЮА, г. Москва, Россия.

³ Александр Иванович Чучаев, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, МГЮА, г. Москва, Россия.

⁴ Сергей Владимирович Маликов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, МГЮА, г. Москва, Россия.

⁵ Сергей Геннадьевич Ольков, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия.

Для цитирования: Арямов А.А., Грачёва Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В., Ольков С.Г. Налогообложение оборота цифровых активов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 96–129.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ*

Аннотация. В статье авторы обозначили проблему пробела в правовом регулировании налогообложения оборота цифровых активов, обосновали значимость и необходимость оптимизации фискального публично-правового обеспечения данных отношений и предложили эффективные меры по устранению указанного недостатка конструирования механизма правового регулирования. В настоящее время широкое распространение получают такие новые категории, как цифровые активы и цифровые ресурсы, теорией разрабатываются вопросы конструирования механизма правового регулирования отношений в сфере их создания, распределения, потребления, отчуждения (оборота). Одним из обязательных сегментов механизма правового регулирования таких отношений является публично-правовое обеспечение, наиболее эффективная форма которого – организация налогообложения. Применительно к теме настоящего исследования объектом налогообложения является оборот цифровых активов; а именно их: создание (разработка, эмиссия); консолидация (формирование баз данных, хранение, депонирование); приобретение; обременение (передача в залог, задаток); отчуждение; использование (непосредственная эксплуатация или использование в качестве инструмента для формирования или пользования иными активами); ликвидация; адаптация и модификация. Несмотря на то, что несовершенство данных показателей очевидно, представляется, что такие налоговые ставки не будут обременительны для налогоплательщика, будут стимулировать его активность в обороте цифровых активов и будут способствовать пополнению государственного бюджета. Главное – их применение позволит «запустить» цивилизованный нормативно урегулированный и обеспеченный процесс оборота цифровых активов, что позволит в переходный период сформировать эмпирическую базу бухгалтерского учёта и налогового контроля в обозначенном секторе экономики. На основании чего, используя метод математического анализа, уже более взвешенно и обоснованно просчитать оптимальные налоговые ставки по разным субъектам и по различным операциям.

Ключевые слова: фискальные отношения, налогообложение, оптимизация налогообложения, цифровые активы, цифровые ресурсы, публично-правовое обеспечение, оборот, сделки, эмиссия, математическое моделирование, правовое регулирование, бланкетность, корреспондируемость.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16158.

Andrey A. Aryamov¹

Russian State University of Justice, Moscow, Russian

E-mail: aaryamov65@yandex.ru

Julia V. Gracheva²

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian

E-mail: uvgracheva@mail.ru

Alexander I. Chuchaev³

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian

E-mail: mokshal@rambler.ru

Sergei V. Malikov⁴

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian

Sergei G. Olkov⁵

Kazan Innovative University them. V.G. Timiryasov, Kazan, Russian

E-mail: olkovsg@mail.ru

TAXATION OF DIGITAL ASSETS*

Abstract: in this article, the authors identified the problem of the gap in the legal regulation of taxation in the turnover of digital assets, justified the importance and the need to optimize the fiscal public-legal support of these relations and suggested effective measures to eliminate this lack of the legal regulation mechanism. At present, such new categories as digital assets and digital resources are widespread; the theory develops the issues of designing the mechanism of legal regulation of relations in the sphere of their creation, distribution, consumption, alienation (turnover). One of the obligatory segments

---

¹Andrey A. Aryamov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russian.

²Julia V. Gracheva, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, MSAL, Moscow, Russian.

³Alexander I. Chuchaev, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, MSAL, Moscow, Russian.

⁴Sergei V. Malikov, Ph.D., senior Lecturer of the Department of Criminal Law, MSAL, Moscow, Russian.

⁵Sergei G. Olkov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Justice, Kazan Innovative University them. V.G. Timiryasov, Kazan, Russian.

For citing: Aryamov A. A., Gracheva Ju. V., Chuchaev A. I., Malikov S. V., Olkov S. G. Taxation of digital assets // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 96–129.

*The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16158.

of the mechanism of legal regulation of such relations is public law provision, with taxation being the most effective form. In relation to the subject of this study, the object of taxation is the turnover of digital assets; namely, their creation (development, emission); consolidation (database formation, storage, deposit); purchase; encumbrance (pledge, deposit); alienation; use (direct operation or use as a tool for the formation or use of other assets); liquidation; adaptation and modification. Despite the fact that the imperfection of these indicators is obvious, it seems that such tax rates will not be burdensome for the taxpayer, and will stimulate its activity in the turnover of digital assets, and will contribute to the replenishment of the state budget. The main thing is that their use will allow the “launching” of a civilized, normatively regulated and secured process of digital assets turnover, which will make it possible to create an empirical basis of accounting and tax control in the designated sector of the economy during the transition period. On the basis of which, using the method of mathematical analysis, it is already more balanced and reasonable to calculate the optimal tax rates for different subjects and for various operations.

Keywords: fiscal relations, taxation, tax optimization, digital assets, digital resources, public law, turnover, transactions, emission, mathematical modeling, regulation, blanketness, correspondness.

Введение

В настоящее время широкое распространение получают такие новые категории, как цифровые активы и цифровые ресурсы, теорией разрабатываются вопросы конструирования механизма правового регулирования отношений в сфере их создания, распределения, потребления, отчуждения (оборота). Одним из обязательных сегментов механизма правового регулирования таких отношений является публично-правовое обеспечение, наиболее эффективная форма которого – организация налогообложения.

Налоговая политика государства определяется как «курс действий, система мер, проводимых государством в области налогов и налогообложения; налоговая политика находит своё выражение в видах применяемых налогов, величинах налоговых ставок, установлении круга налогоплательщиков и объектов налогообложения, в налоговых льготах» [см.: 5; 8, с. 238; 9; 10].

Формирование оптимальных фискальных отношений способно решить целый комплекс задач:

- а) пополнение бюджета государства;
- б) стимулирование перспективных направлений хозяйственной жизни страны;
- в) контроль деятельности хозяйствующих субъектов;
- г) фиксация границ допустимости экономических рисков [3];

д) формирование базиса для установления ответственности для нарушителей фискальных запретов.

Налоговая политика Российской Федерации определяется Налоговым кодексом РФ от 31 июля 1998 г. №146-ФЗ [1]. Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платёж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований» (ч. 1 ст. 8 НК РФ).

Налог считается установленным лишь в том случае, когда определены налогоплательщики и элементы налогообложения, а именно: объект налогообложения; налоговая база; налоговый период; налоговая ставка; порядок исчисления налога; порядок и сроки уплаты налога (ч. 1 ст. 17 НК РФ). В дальнейшем будем руководствоваться данным нормативно установленным алгоритмом для выявления режима налогообложения цифровых активов.

Объект налогообложения

Под объектом налогообложения понимается всё, что облагается налогом и включает реализацию товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога (ч. 1 ст. 38 НК РФ). В дефиниции объекта налогообложения законодатель использовал термин «иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику», которому в полной мере соответствует (является его разновидностью) понятие цифровых активов.

Применительно к теме настоящего исследования объектом налогообложения является оборот цифровых активов; а именно их:

- а) создание (разработка, эмиссия);
- б) консолидация (формирование баз данных, хранение, депонирование);
- в) приобретение;
- г) обременение (передача в залог, задаток);
- д) отчуждение;
- е) использование (непосредственная эксплуатация или использование в качестве инструмента для формирования или пользования иными активами);
- ж) ликвидация;
- з) адаптация и модификация.

При всём отличии цифровых активов от классической вещи, они выполняют роль элементарного товара. Следовательно, все свойства товара, хорошо известные налоговому праву, вполне могут быть распространены и на цифровые активы в

процессе налогообложения их оборота. Основным свойством товара в силу ч. 3 ст. 38 НК РФ являются: его финансовая оценка и его способность быть реализованным (отчужденным). Представляется вполне логичным суждение: если электрическая энергия нормативно признана товаром (§ 6 гл. 30 разд. 4 ч. 2 ГК РФ), то отсутствуют принципиальные препятствия признания такого статуса и за цифровыми активами.

Объектом налогообложения могут выступать не только цифровые активы как таковые, но и деятельность по их созданию и консолидации (например, майнинг криптовалюты) – так называемая «работа». В силу ч. 4 ст. 38 НК РФ работой для целей налогообложения признаётся деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц.

Возможна ситуация, когда вновь созданный вид цифровых активов в силу своей новизны ещё не был реализован и надлежащим образом оценен (рынок его оборота ещё не сложился), в связи с чем возникает проблема его оценки в целях налогообложения. В таком случае для определения юридически значимых для целей налогообложения признаков объекта налогообложения вполне уместен метод аналогии: фискальный орган вправе оперировать характеристиками иных цифровых активов, участвующих в обороте.

Принципы определения цены объектов налогообложения заключаются в том, что если на конкретный объект налогообложения не представляется возможным установить стоимость, то применяется метод аналогии: фискальный орган оперирует рыночными ценами на однородные и идентичные активы (ст. 40 НК РФ). Оборот цифровых активов характеризуется невероятной динамикой появления множества новых видов цифровых ресурсов, определение непосредственной цены которых представляет серьёзные затруднения для налоговых органов. В таких случаях метод аналогии и учёт ценообразования на однородные или идентичные активы просто незаменимы.

Идентичными товарами (работами, услугами) признаются товары (работы, услуги), имеющие одинаковые характерные для них основные признаки. При определении идентичности товаров незначительные различия во внешнем виде таких товаров могут не учитываться. При определении идентичности товаров учитываются их физические характеристики, качество, функциональное назначение, страна происхождения и производитель, его деловая репутация на рынке и используемый товарный знак (ч. 6 ст. 38 НК РФ). Наиболее актуальны данные положения при оценке цифровых активов. Так, оценка одного вида криптовалюты или электронных денежных средств может быть осуществлена посредством выстраивания аналогового ряда цен на другие виды криптовалюты или электронных денежных средств, ценообразование которых уже сформировалось.

При определении идентичности работ (услуг) учитываются характеристики подрядчика (исполнителя), его деловая репутация на рынке и используемый товарный знак. Акцентируем внимание на том, что цена цифровых активов непосредственно зависит от деловой репутации их эмитентов и (или) владельцев. Продукция эмитентов цифровых активов, ранее «запятнавших» свою деловую репутацию созданием информационных вирусных программ (вредоносные компьютерные программы – ст. 273 УК РФ), существенно понижается в рыночной цене.

Однородными товарами в целях налогообложения признаются товары, которые, не являясь идентичными, имеют сходные характеристики и состоят из схожих компонентов, что позволяет им выполнять одни и те же функции и (или) быть коммерчески взаимозаменяемыми. При определении однородности товаров учитываются их качество, репутация на рынке их владельца или создателя, товарный знак, страна происхождения. Однородными работами (услугами) признаются работы (услуги), которые, не являясь идентичными, имеют сходные характеристики, что позволяет им быть коммерчески и (или) функционально взаимозаменяемыми. При определении однородности работ (услуг) также учитываются их качество, товарный знак, репутация на рынке, а также вид работ (услуг), их объём, уникальность и коммерческая взаимозаменяемость (ч. 7 ст. 38 НК РФ). Представляется, что в сфере налогообложения оборота цифровых активов оперирование понятием «однородный» товар или «однородная» работа будет востребовано при оценке вновь созданных информационных баз данных или операционных программ.

Реализация товаров и работ как форма их отчуждения, что особо актуально для оборота цифровых активов, предполагает не только их продажу, но и выполнение встречных работ, обмен работами, зачёты работ, передача прав на работы и товары (в т. ч. и в порядке присоединения к коллективному праву) и т.д. (ст. 39 НК РФ).

Доходом от оборота цифровых активов признаётся экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности её оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить (ст. 41 НК РФ). Представляется целесообразным из дифференциации источников доходов, закреплённой в ст. 42 НК РФ (источники в Российской Федерации и источники за пределами Российской Федерации), сделать исключение для оборота цифровых активов; в силу специфики сферы их бытия – информационное пространство – нормативное регулирование налогообложения оборота цифровых активов должно руководствоваться экстерриториальным принципом, т.е. не зависеть от географического места нахождения и деятельности конкретного субъекта налогообложения. Для этого необходимо ст. 42 НК РФ дополнить частью 3 следующего содержания: «В целях налогообложения оборота цифровых активов географическое расположение источника доходов (в Российской Федерации или за пределами Российской Федерации) юридического значения не имеет». В таком случае ограничением действия экстерриториального

принципа налогообложения оборота цифровых активов является дугой принцип: запрет двойного налогообложения. В силу ч. 5 ст. 45 НК РФ и на налогообложение оборота цифровых активов распространяется общее правило: обязанность по уплате налога исполняется в валюте Российской Федерации – независимо от географического места нахождения субъекта налогообложения или осуществления его налогооблагаемой деятельности.

В целях налогообложения местом выполнения работ по созданию (эмиссии), усовершенствованию, консолидации, хранению, ликвидации цифровых активов, местом реализации цифровых активов признаётся территория Российской Федерации, если субъект налогообложения:

– физически в момент выполнения работ находится на территории Российской Федерации;

– местом жительства физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, является Российская Федерация;

– зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица на территории Российской Федерации;

– входит в систему Интернет с устройств, находящихся на территории Российской Федерации;

– использует для выполнения работ в порядке удалённого доступа устройства, находящиеся на территории Российской Федерации;

– использует для хранения цифровых ресурсов устройства, находящиеся на территории Российской Федерации;

– покупатель (получатель) цифровых активов физически находится на территории Российской Федерации или зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, либо осуществляет деятельность в сфере оборота цифровых активов на территории Российской Федерации;

– место нахождения банка, в котором открыт счёт, используемый покупателем для оплаты услуг, или оператора электронных денежных средств, через которого осуществляется покупателем оплата услуг, – на территории Российской Федерации;

– сетевой адрес покупателя, использованный при приобретении услуг, зарегистрирован в Российской Федерации;

– международный код страны телефонного номера субъекта, используемого для приобретения или оплаты услуг, присвоен Российской Федерации.

Изложенные положения об определении места совершения операции в сфере оборота цифровых активов в равной мере распространяются и на филиалы юридического лица. В случае конкуренции юрисдикций различных государств на определение места осуществления налогооблагаемой операции по обороту цифровых активов, налогоплательщик вправе самостоятельно выбрать юрисдикцию фискальных отношений. В случае, если организацией или индивидуальным предпринимателем

выполняется несколько видов работ и реализация одних работ носит вспомогательный характер по отношению к реализации других работ, местом реализации вспомогательных работ признаётся место реализации основных работ.

Остро нуждается в нормативном правовом закреплении запрет на оборот такого вида цифровых активов, как вирусные информационные программы и вредоносные компьютерные программы, предназначенные для поражения прав добросовестных участников оборота цифровых активов. Вирусные информационные программы являются товаром, изъятым из гражданского оборота; их оборот не подлежит налогообложению, что следует отразить в ч. 8 ст. 38 НК РФ: «Не является объектом налогообложения оборот вредоносных компьютерных программ, как товара, изъятого из гражданского оборота».

Объектом налогообложения по НДС являются:

- реализация цифровых активов (любая форма отчуждения, в том числе и на безвозмездной основе);
- переработка цифровых активов, повлекшая увеличение их стоимости;
- ввоз цифровых активов на территорию РФ (при условии, что сфера их существования – система Интернет).

Объектом налогообложения по НДС являются:

- доходы, полученные от использования прав на цифровые активы;
- доходы, полученные от сдачи в аренду или иного использования цифровых активов;
- доходы от реализации цифровых активов или от отчуждения прав на них;
- вознаграждение за выполнение работ по созданию, переработке, консолидации, хранению, ликвидации цифровых активов.

Объектами налогообложения по НПО (налог на прибыль с организаций) являются:

- доходы (выручка) от реализации цифровых активов (работ с ними) как собственного производства, так и ранее приобретённых, и имущественных прав на них;
- внереализационные доходы: а) в виде положительной (отрицательной) курсовой разницы, образующейся вследствие отклонения курса продажи (покупки) цифровых активов; б) от сдачи активов в пользование; в) от предоставления в пользование прав на результаты интеллектуальной деятельности и прав на приравненные к ним средства индивидуализации (в частности, от предоставления в пользование прав, возникающих из патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы); г) от использования не по целевому назначению цифровых активов, которые получены в рамках благотворительной деятельности, целевых поступлений, целевого финансирования, за исключением бюджетных средств; д) от доходов, полученных от операций с цифровыми производными финансовыми инструментами.

Субъект налогообложения (налогоплательщик)

Под субъектами налогообложения понимаются носители налогового бремени, субъекты, обязанные в соответствии с фискальным законодательством платить установленные налоги. Субъектом налогообложения оборота цифровых активов выступает их эмитент и (или) владелец на любом праве (праве собственности, праве аренды, праве безвозмездного пользования и т.д.), как физическое, так и юридическое лицо. Субъектами уплаты НДС является физическое лицо, субъектами уплаты НДС – юридические лица и индивидуальные предприниматели, а субъектами НПО – юридические лица.

Виды применяемых налогов

Представляется целесообразным (соответствующим традициям фискальной политики Российской Федерации) установление следующих видов налогообложения оборота цифровых активов: а) налог на доходы физических лиц; б) налог на прибыль организаций; в) налог на добавленную стоимость.

Индивидуальные предприниматели и организации в порядке, предусмотренном НК РФ, могут для оптимизации собственного налогообложения избрать для себя упрощённую систему такового.

Налоговая база (база налогообложения)

Под налоговой базой следует понимать нормативно установленную сумму, с которой взимается налог (налогооблагаемый доход, стоимость облагаемого доходом имущества). Налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения (ч. 1 ст. 53 НК РФ).

Налогооблагаемая база по взысканию НДС определяется по каждому виду факта экономической деятельности (ввоз, передача, реализация) в сфере оборота цифровых ресурсов. Налогооблагаемая база определяется в виде любого встречного преимущества налогоплательщика (как в денежной, так и в натуральной форме, учитываемой в случае возможности их оценки и в той мере, в какой их можно оценить) при операциях с цифровыми активами.

При реализации цифровых активов налоговая база определяется как их стоимость, исчисленная исходя из цен, определяемых без включения в них налога. При реализации цифровых активов по товарообменным (бартерным) операциям, их реализации на безвозмездной основе, передаче права собственности на предмет залога залогодержателю при неисполнении обеспеченного залогом обязательства, передаче при оплате труда в натуральной форме налоговая база определяется как стоимость указанных активов, исчисленная исходя из цен, определяемых без включения в них налога. При реализации таких активов по срочным сделкам (сделкам, предполагающим поставку по истечении установленного договором (контрактом) срока по указанной непосредственно в этом договоре или контракте цене), производных финансовых инструментов, не обращающихся на организованном рынке, налоговая

база определяется как стоимость этого базисного актива (для производных финансовых инструментов, не обращающихся на организованном рынке), указанная непосредственно в договоре (контракте), но не ниже их стоимости, исчисленной исходя из рыночных цен, действующих на дату, соответствующую моменту определения налоговой базы и без включения в них налога (это же правило распространяется и на налогообложение опционных контрактов, в этом случае рыночная цена определяется в соответствии с условиями утверждённой биржей спецификации производного финансового инструмента).

При уступке права денежного требования, вытекающего из договора реализации цифровых активов, или при переходе указанного требования к другому лицу на основании закона налоговая база по НДС определяется как сумма превышения суммы дохода, полученного первоначальным кредитором при уступке права требования, над размером денежного требования, права по которому уступлены. При уступке новым кредитором, получившим денежное требование, налоговая база определяется как сумма превышения сумм дохода, полученного новым кредитором при последующей уступке требования или при прекращении соответствующего обязательства, над суммой расходов на приобретение указанного требования. При приобретении права требования у третьих лиц налоговая база определяется как сумма превышения суммы доходов, полученных от должника и (или) при последующей уступке, над суммой расходов на приобретение указанного требования.

При реализации договоров поручения, договоров комиссии или агентских договоров, а также при реализации залогодержателем предмета не востребовавшего залога налоговая база по НДС определяется как сумма дохода, полученная в виде вознаграждений (любых иных доходов) при исполнении любого из указанных договоров.

При реализации услуг международной связи не учитываются при определении налоговой базы суммы, полученные организациями связи от реализации указанных услуг иностранным покупателям.

При передаче налогоплательщиком активов для собственных нужд, при исчислении налога налоговая база определяется как стоимость этих активов, исчисленная исходя из цен реализации идентичных (а при их отсутствии – однородных) активов, действовавших в предыдущем налоговом периоде, а при их отсутствии – исходя из рыночных цен без включения в них налога.

При ввозе активов на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под её юрисдикцией, налоговая база определяется как сумма: таможенной стоимости этих активов и подлежащей уплате таможенной пошлины. Если цифровые активы ранее вывозились с территории Российской Федерации для переработки их за рубежом, то налогооблагаемая база определяется исходя из стоимости такой переработки (а если таковую определить не представляется возможным, то исходя из разницы таможенной стоимости вывозной и ввозной). Если ввозу под-

лежит комплексный цифровой актив, в который в качестве составляющих входят другие самостоятельные активы, то налогооблагаемая база определяется суммой баз каждого из составляющих.

Налогооблагаемая база по взысканию НДФЛ

Налогооблагаемую базу по НДФЛ составляют все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды. Налоговая база определяется как денежное выражение доходов, подлежащих налогообложению, уменьшенных на сумму налоговых вычетов. Если сумма налоговых вычетов в налоговом периоде окажется больше суммы доходов, в отношении которых предусмотрена налоговая ставка, подлежащих налогообложению, за этот же налоговый период, то применительно к этому налоговому периоду налоговая база принимается равной нулю. Если налогоплательщику передаются активы или в его интересах совершаются работы с активами безвозмездно (или с частичной оплатой), то доходы физического лица определяются исходя из реальной рыночной стоимости таких активов или работ с учётом НДС. Это же правило применяется в случае встречного выполнения работ с цифровыми активами или обмена ими. В таком случае при получении налогоплательщиком дохода в виде материальной выгоды налоговая база определяется как превышение цены идентичных (однородных) цифровых активов (работ), реализуемых лицами, являющимися взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику, в обычных условиях лицам, не являющимся взаимозависимыми, над ценами реализации идентичных (однородных) цифровых активов (работ) налогоплательщику.

Материальная выгода, полученная от приобретения цифровых производных финансовых инструментов в случае их приобретения при первичном размещении эмитентом и приобретенных у контролируемой иностранной компании налогоплательщиком, признаваемым контролирующим лицом такой иностранной компании, а также российским взаимозависимым лицом такого контролирующего лица, при условии, что доходы такой контролируемой иностранной компании от реализации указанных цифровых производных финансовых инструментов и расходы в виде цены их приобретения исключаются из прибыли (убытка) этой иностранной компании. В этом случае налоговая база определяется как превышение рыночной стоимости цифровых производных финансовых инструментов над суммой фактических расходов налогоплательщика на их приобретение.

При определении налоговой базы по доходам по операциям с цифровыми производными финансовыми инструментами (прежде всего с криптовалютой) учитываются доходы, полученные по следующим операциям: 1) с цифровыми производными финансовыми инструментами, обращающимися на организованном рынке; 2) с цифровыми производными финансовыми инструментами, не обращающимися на

организованном рынке, без учёта операций с производными финансовыми инструментами.

Рыночная стоимость криптовалюты, обращающейся на организованном рынке, определяется на дату совершения сделки исходя из её рыночной цены с учётом предельной границы её колебаний. Под рыночной котировкой криптовалюты понимается: 1) её средневзвешенная цена по сделкам, совершённым в течение одного торгового дня через российского организатора торговли на рынке криптовалют, включая фондовую биржу, – для криптовалюты, допущенной к торгам такого организатора торговли на соответствующем рынке, на фондовой бирже; 2) цена закрытия по криптовалюте, рассчитываемая иностранной фондовой биржей по сделкам, совершённым в течение одного торгового дня через такую биржу, – для криптовалюты, допущенной к торгам на иностранной фондовой бирже.

Рыночная стоимость криптовалюты, не обращающейся на организованном рынке, определяется на дату совершения сделки исходя из расчетной её цены с учётом предельной границы её колебаний. Порядок определения рыночной цены криптовалюты, её расчетной цены, а также порядок определения предельной границы колебаний рыночной цены должны устанавливаться Центральным банком Российской Федерации по согласованию с Министерством финансов Российской Федерации. Фактическая цена необращающейся криптовалюты признаётся для целей налогообложения рыночной ценой и применяется для целей налогообложения, если она отличается не более чем на 20% в сторону повышения (понижения) от расчётной стоимости этой криптовалюты на дату заключения сделки. Если фактическая цена необращающейся криптовалюты отличается более чем на 20% в сторону повышения (понижения) от её расчетной стоимости, доходы (расходы) налогоплательщика определяются исходя из расчётной стоимости, увеличенной (уменьшенной) на 20%.

Доход от операций с цифровыми активами исчисляется за вычетом расходов на её приобретение:

- вариационная маржа и (или) премия по контрактам;
- оплата услуг, оказываемых профессиональными участниками рынка, а также биржевыми посредниками и клиринговыми центрами;
- биржевой сбор (комиссия);
- оплата услуг лиц, осуществляющих ведение реестра.

Операции с криптовалютой являются носителями повышенных рисков, участник такого оборота рискует вместо прибыли получить убытки – отрицательный финансовый результат. Отрицательный финансовый результат, полученный в налоговом периоде по отдельным операциям с криптовалютой, уменьшает финансовый результат (налогооблагаемую базу), полученный в налоговом периоде по совокупности соответствующих операций. Если имеет место не одна операция, а их совокупность, то финансовый результат определяется по совокупности операций.

Из налогооблагаемой базы по НДС в сфере оборота цифровых активов вычитаются:

– инвестиционный вычет при обороте цифровых производных финансовых инструментов, который определяется как произведение коэффициента К и суммы, равной 3 000 000 рублей (но не более 400 000 000 руб.).

К определяется по формуле:

$$K_{цб} = \frac{\sum_{i=3}^n V_i \times i}{\sum_{i=3}^n V_i},$$

где V_i – доходы от реализации в налоговом периоде всех цифровых производных финансовых активов со сроком нахождения в собственности налогоплательщика, исчисляемым в полных годах и составляющим i лет. При определении V_i учитываются доходы от реализации цифровых производных финансовых активов при условии, что при такой реализации разница между доходами от её реализации и стоимостью её приобретения составляет положительную величину; n – количество исчисляемых в полных годах сроков нахождения в собственности налогоплательщика цифровых производных финансовых активов, реализуемых в налоговом периоде, по итогам которого налогоплательщику предоставляется право на получение налогового вычета. При этом в случае, если сроки нахождения в собственности налогоплательщика двух и более цифровых производных финансовых активов, реализуемых в налоговом периоде, исчисляемые в полных годах, совпадают, в целях определения показателя n количество таких сроков принимается равным 1;

– для налогоплательщика, получающего авторские вознаграждения или вознаграждения за создание или иное использование произведений науки, за создание иных результатов интеллектуальной деятельности, вознаграждения патентообладателям изобретений, полезных моделей, промышленных образцов – затраты в сумме фактически произведённых и документально подтверждённых расходов. Если эти расходы не могут быть подтверждены документально, они принимаются к вычету в следующих размерах:

Показатель	Нормативы затрат (в % к сумме начисленного дохода)
Создание научных трудов и разработок	20
Изобретения, полезные модели и создание промышленных образцов (к сумме дохода, полученного за первые два года использования)	30

Налогооблагаемая база по налогу на прибыль с организаций (НПО)

Налогооблагаемая база по НПО – это денежное выражение прибыли, которая определяется по простейшей формуле: доход минус расход. Прибыль, подлежащая налогообложению, определяется нарастающим итогом с начала налогового периода.

В налогооблагаемую базу по НПО (в сфере оборота цифровых активов) не включаются:

– доходы от использования цифровых активов и прав на них, которые получены в форме залога или задатка в качестве обеспечения обязательств;

– доходы от использования имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выявленные в ходе проведённой налогоплательщиком инвентаризации имущества и имущественных прав;

– доходы от использования прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по заказу Фонда перспективных исследований и переданные безвозмездно лицам, указанным в п. 1 ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 16 октября 2012 г. № 174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований»;

– доходы от активов, которые получены в виде безвозмездной помощи (содействия) в порядке, установленном Федеральным законом от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»;

– доход от цифрового актива, полученного государственными и муниципальными учреждениями по решению органов исполнительной власти всех уровней;

– доходы от активов, безвозмездно полученных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации атомными станциями для повышения их безопасности, используемых для производственных целей;

– доходы от активов, которые получены по договорам кредита или займа (иных аналогичных средств или иных активов независимо от формы оформления заимствований), а также активов, которые получены в счёт погашения таких заимствований;

– доход от актива, полученного налогоплательщиком в рамках целевого финансирования; к средствам целевого финансирования относятся активы, полученные налогоплательщиком и использованные им по назначению, определённому организацией (физическим лицом) – источником целевого финансирования или федеральными законами в виде полученных грантов (грантами признаются денежные средства или иное имущество в случае, если их передача (получение) удовлетворяет предъявляемым условиям);

– доход от актива, безвозмездно полученного государственными и муниципальными образовательными учреждениями на ведение основных видов деятельности, а также от актива, безвозмездно полученного организациями, осуществляющими образовательную деятельность, являющимися некоммерческими организациями, на осуществление образовательной деятельности;

– доход от положительной разницы, полученной при переоценке активов по рыночной стоимости;

– доходы от активов, полученных операторами универсального обслуживания, из резерва универсального обслуживания в соответствии с законодательством Российской Федерации в области связи;

– доходы от средств, полученных казёнными учреждениями от выполнения работ с цифровыми активами;

– доходы от исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), созданные в ходе реализации государственного контракта, которые переданы исполнителю этого государственного контракта его государственным заказчиком по договору о безвозмездном отчуждении.

Для определения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль с организаций (НПО) юридическое значение имеет понятие обоснованные расходы. Применительно к обороту цифровых активов под такими расходами необходимо признавать экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме. Расходы в зависимости от их характера, а также условий осуществления и направлений деятельности налогоплательщика подразделяются на расходы, связанные с производством и реализацией, и внереализационные расходы.

Производственно-реализационные расходы – это расходы, связанные с изготовлением (производство, в т. ч. и затраты на потребляемую энергию), хранением и доставкой активов, выполнением работ с активами, приобретением и (или) реализацией активов (работ с ними, прав на них); расходы на содержание и эксплуатацию, ремонт и техническое обслуживание активов, а также на поддержание их в исправном (актуальном) состоянии; расходы на освоение цифровых активов; к такого рода расходам следует отнести и финансовые потери от переоценки цифровых активов в связи с утратой (понижением) актуальности (моральное устаревание их) – амортизационные расходы. Согласно ст. 256 НК РФ амортизации подлежат, в том числе, результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности, которые находятся у налогоплательщика на праве собственности и используются им для извлечения дохода. В то же время цифровые производные финансовые инструменты не подлежат амортизации.

К данному виду расходов относятся:

– расходы на научные исследования и (или) опытно-конструкторские разработки, относящиеся к созданию новых или усовершенствованию производимых активов, к созданию новых или усовершенствованию применяемых технологий, методов организации производства и управления.

– расходы на цифровое обеспечение управления организацией или отдельными её подразделениями, а также расходы на приобретение услуг по цифровому управлению организацией или её отдельными подразделениями;

– расходы на услуги факсимильной и спутниковой связи, электронной почты, а также информационных систем (СВИФТ, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» и иные аналогичные системы);

– расходы, связанные с приобретением права на использование программ для ЭВМ и баз данных по договорам с правообладателем (по лицензионным и сублицензионным соглашениям);

– расходы на приобретение исключительных прав на программы для ЭВМ; расходы на текущее цифровое изучение (исследование) конъюнктуры рынка, цифровой сбор информации, непосредственно связанной с производством и реализацией товаров (работ, услуг);

– расходы на подготовку и освоение новых цифровых методов производства, расходы, связанные с внедрением информационных технологий производства, а также методов организации производства и управления;

– расходы на освоение образовательных программ, направленных на овладение передовыми методами цифрового управления производством и организации деятельности юридического лица.

К внереализационным расходам относятся:

– расходы на содержание переданного по договору аренды (лизинга) актива (включая амортизацию по этому активу);

– расходы на организацию выпуска собственных цифровых производных финансовых инструментов, в частности на подготовку проспекта их эмиссии, регистрацию, расходы, связанные с их обслуживанием, в том числе расходы на услуги реестродержателя, депозитария, платёжного агента по процентным (дивидендным) платежам, расходы, связанные с ведением реестра, предоставлением информации;

– расходы, связанные с обслуживанием приобретённых налогоплательщиком цифровых производных финансовых инструментов, в том числе оплата услуг реестродержателя, депозитария, расходы, связанные с получением информации, и другие аналогичные расходы;

– расходы в виде отрицательной курсовой разницы цифровых активов;

– расходы по операциям с цифровыми производными финансовыми инструментами.

Налоговый период

Под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени применительно к отдельным налогам, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма налога, подлежащая уплате. Налоговый период может состоять из одного или нескольких отчётных периодов с учётом особенностей, установленных настоящей статьёй (ч. 1 ст. 55 НК РФ). Применительно к налогообложению оборота цифровых активов представляется целесообразным определить налоговым периодом календарный год. Исключение составляет НДС, налоговый период по которому составляет квартал (ст. 163 НК РФ). Специфика исчисления сроков налогового периода применительно к разным случаям и разным налогоплательщикам регламентируется ч. 3, 3¹, 3² ст. 55 НК РФ.

Налоговые льготы

Экономисты под налоговыми льготами понимают частичное или полное освобождение определенного круга хозяйствующих субъектов от уплаты налогов (ослабление налогового бремени); предпочтительно они устанавливаются для обеспечения социально-значимых проектов (благотворительность, меценатство, медицина, наука, образование, пенсионное обеспечение, поддержка трудоустройства инвалидов и т.д.), а также для поддержки перспективных и востребованных направлений экономической деятельности (развитие нанотехнологий, кибернетики, цифровых систем), либо для поддержки отраслей экономики, попавших в тяжёлое (затруднительное) положение по объективным причинам (дотационные сферы экономики) (например, агротехнический комплекс) или «хеджирование» ситуации форс-мажора (носят временный характер, например, восполнение потерь сельского хозяйства от засухи или наводнения) [8, с. 239].

Своеобразным проявлением льготного налогообложения является учреждение налоговых гаваней (налоговых убежищ, офшоров) – территорий с низким уровнем налогового бремени; используется для привлечения инвестиций и поддержания проблемных регионов.

Наиболее мощным точечным применением льготирования налогообложения является налоговая амнистия (освобождение от публично-правовой ответственности за фискальные правонарушения), используемая для возврата в национальный сектор «белой» экономики активов, выведенных за рубеж или в «серый» сектор экономики (в теневую, сокрытую от налогового учёта и контроля, экономику).

Данные положения теории экономики несколько отличаются от текста нормативных правовых актов, регулирующих льготирование налогообложения. Согласно ч. 1 ст. 56 НК РФ льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не упла-

чивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере. Налогоплательщик вправе отказаться от использования льготы либо приостановить её использование на один или несколько налоговых периодов, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

Применительно к налогообложению оборота цифровых активов представляется целесообразным установление налоговых льгот в отношении создания (эмиссии), приобретения, отчуждения, консолидации, владения, пользования, распоряжения, уничтожения цифровых активов в рамках публично-государственных отношений (цифровое правительство, цифровое правосудие, базы данных правоохранительных органов и т.д.). При этом для государственных и муниципальных учреждений и организаций должно быть предусмотрено полное освобождение от налогообложения по операциям в рамках оборота цифровых активов; а для физических лиц и иных организаций (юридических лиц) за операции в сфере оборота цифровых активов должна быть предусмотрена налоговая ставка – 0. Налоговые льготы не должны распространяться на оборот такой разновидности цифровых активов, как криптовалюта.

Освобождаются от налогообложения:

– операции в сфере оборота цифровых активов, осуществлённые казёнными учреждениями, а также бюджетными и автономными учреждениями в рамках государственного (муниципального) задания, источником финансового обеспечения которого является субсидия из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации;

– передача цифровых активов организацией собственному правопреемнику;

– передача цифровых активов на безвозмездной основе образовательным и научным некоммерческим организациям на осуществление уставной деятельности;

– передача цифровых активов на формирование или пополнение целевого капитала некоммерческой организации в порядке, установленном Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»;

– выполнение работ (оказание услуг) как по созданию или совершенствованию цифровых ресурсов, так и на основе их использования органами, входящими в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления, в рамках выполнения возложенных на них исключительных полномочий в определённой сфере деятельности в случае, если обязательность выполнения указанных работ (оказания услуг) установлена законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации, актами органов местного самоуправления;

– выполнение работ (оказание услуг) как по созданию или совершенствованию цифровых ресурсов, так и на основе их использования казёнными учреждениями, а также бюджетными и автономными учреждениями в рамках государственного (муни-

ципального) задания, источником финансового обеспечения которого является субсидия из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации;

– операции по реализации цифровых активов должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации несостоятельными (банкротами);

– передача на безвозмездной основе органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления цифровых активов акционерным обществом, которое создано в целях реализации соглашений о создании особых экономических зон и 100 % акций которого принадлежит Российской Федерации, и хозяйственными обществами, созданными с участием такого акционерного общества в указанных целях, являющимися управляющими компаниями особых экономических зон;

– операции по сохранению, комплектованию и использованию архивов, оказываемые архивными учреждениями и организациями;

– передача исключительных прав на изобретения программы для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем, а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора;

– выполнение работ, связанных с установкой и эксплуатацией системы «клиент – банк», включая предоставление программного обеспечения;

– работы, связанные с обслуживанием банковских карт;

– операции, осуществляемые организациями, обеспечивающими информационное и технологическое взаимодействие между участниками расчётов, включая оказание услуг по сбору, обработке и предоставлению участникам расчётов информации по операциям с банковскими картами;

– выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ за счёт средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, средств Российского фонда фундаментальных исследований, Российского фонда технологического развития и фондов поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, созданных для этих целей в соответствии с Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»;

– выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и научными организациями на основе хозяйственных договоров;

– ввоз на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под её юрисдикцией: а) цифровых активов, ввозимых в качестве безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации, в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О без-

возмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»; б) информационных программ, аналоги которых не производятся в Российской Федерации, по перечню, утверждаемому Правительством Российской Федерации; в) цифровых активов, предназначенных для официального пользования иностранных дипломатических и приравненных к ним представительств, а также для личного пользования дипломатического и административно-технического персонала этих представительств, включая членов их семей, проживающих вместе с ними; г) цифровых активов по перечню, утверждаемому Правительством Российской Федерации, перемещаемых в рамках международного сотрудничества Российской Федерации в области исследования и использования космического пространства, а также соглашений об услугах по запуску космических аппаратов.

Освобождены от налогообложения по НДС в сфере оборота цифровых активов:

- использование цифровых активов в порядке возмещения расходов на повышение профессионального уровня работников;
- доходы от оборота цифровых активов, полученные добровольцами (волонтерами) в рамках гражданско-правовых договоров, предметом которых является безвозмездное выполнение работ, оказание услуг в соответствии с Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» и иными федеральными законами, которыми установлены особенности привлечения добровольцев (волонтеров);
- суммы, получаемые налогоплательщиками в виде грантов (безвозмездной помощи), предоставленных для поддержки науки и образования в Российской Федерации международными, иностранными и (или) российскими организациями по перечням таких организаций, утверждаемым Правительством Российской Федерации;
- доходы, полученные налогоплательщиком в виде грантов, премий и призов в денежной и (или) натуральной формах по результатам участия в конкурсах, иных мероприятиях, предоставленных некоммерческими организациями за счёт грантов Президента Российской Федерации в соответствии с условиями договоров о предоставлении указанных грантов таким некоммерческим организациям;
- суммы, получаемые налогоплательщиками в виде международных, иностранных или российских премий за выдающиеся достижения в области науки и техники, образования по перечню премий, утверждаемому Правительством Российской Федерации, а также в виде премий, присуждённых высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации (руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) за вы-

дающиеся достижения в указанных областях, по перечням премий, утверждаемым высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации (руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации);

– вознаграждения, выплачиваемые за счёт средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации физическим лицам за оказание ими содействия федеральным органам исполнительной власти в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии террористических актов, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такие акты, а также за оказание содействия органам федеральной службы безопасности и федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

– доходы в денежной или натуральной форме в виде перечисляемых на банковский счёт налогоплательщика денежных средств и (или) полной или частичной оплаты за налогоплательщика активов и (или) работ российскими и иностранными организациями, полученные в результате участия налогоплательщика в программах указанных российских и иностранных организаций с использованием банковских (платёжных) и (или) дисконтных (накопительных) карт, направленных на увеличение активности клиентов в приобретении цифровых активов указанных организаций и предусматривающих начисление бонусов (баллов, иных единиц, характеризующих активность клиента в приобретении товаров (работ, услуг) указанных организаций) по основаниям, установленным в соответствующей программе, а также выплату в зависимости от количества начисленных бонусов (баллов, иных единиц, характеризующих активность клиента в приобретении товаров (работ, услуг) указанных организаций) дохода в денежной или натуральной форме.

Разновидностью налогового льготирования является установление налоговой ставки – 0. По исчислению НДС такая налоговая ставка применяется по следующим операциям с цифровыми активами: а) вывоз из территории Российской Федерации по программе «экспорт» или «реэкспорт», а также «таможенный транзит»; б) ввоз на территорию Российской Федерации по процедуре «свободной таможенной зоны»; в) перемещение цифровых активов в рамках Евразийского экономического союза, в случаях, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.; г) цифровое информационное обеспечение деятельности нефте- и газопроводов (в т. ч. нефтепродуктов) и разработки добычи углеводородных ресурсов; д) цифровое обеспечение космической деятельности и деятельности атомной энергетики; е) цифровое обеспечение деятельности иностранных дипломатических и приравненных к ним представительств или личного пользования дипломатического или административно-технического персонала этих представительств, включая проживающих вместе с ними членов их семей (это правило

применяется на условиях международного принципа взаимности – т.е. если аналогичный порядок установлен в иностранном государстве-контрагенте в отношении российских представительств); цифровое обеспечение транспортной деятельности (авиа-, ж/д, морской и речной транспорт).

По начислению НПО нулевая ставка налогообложения применима: а) в случае, если в отчётном (налоговом) периоде налогоплательщиком получен убыток – отрицательная разница между доходами, определяемыми в соответствии с НК РФ, и расходами, учитываемыми в целях налогообложения в данном отчётном (налоговом) периоде; б) для организаций – резидентов технико-внедренческой особой экономической зоны, объединённых решением Правительства Российской Федерации в кластер; в) для организаций – участников региональных инвестиционных проектов; г) для организаций – участников свободной экономической зоны в отношении прибыли, полученной от реализации инвестиционного проекта в свободной экономической зоне; а также в случаях, предусмотренных законами Республики Крым и города федерального значения Севастополя, когда определяется налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в бюджет соответствующего субъекта Российской Федерации; д) для организаций, получивших статус резидента территории опережающего социально-экономического развития в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» либо статус резидента свободного порта Владивосток в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»; е) для организаций, осуществляющих социальное обслуживание граждан; ж) для организаций – участников Особой экономической зоны в Магаданской области; з) для организаций, осуществляющих образовательную и (или) медицинскую деятельность и т.д.

Организация, получившая статус участника проекта по осуществлению исследований, разработок и коммерциализации их результатов в соответствии с Федеральным законом от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"» либо участника проекта в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по операциям в сфере оборота цифровых активов имеет право на освобождение от обязанностей налогоплательщика по налогу на добавленную стоимость, связанных с исчислением и уплатой налога, в течение десяти лет со дня получения ею статуса участника проекта в соответствии с указанными федеральными законами (ст. 145¹ НК РФ).

Физические лица – граждане иностранных государств – при вывозе цифровых активов, которые приобретены ими у налогоплательщиков – организаций розничной торговли и при реализации которых был исчислен налог, имеют право на компенсацию суммы налога, уплаченной такими физическими лицами в составе цены

актива организациям розничной торговли (в том числе при осуществлении ими деятельности через обособленное подразделение). Сумма налога, компенсируемая физическому лицу – гражданину иностранного государства, определяется как сумма налога, исчисленная организацией розничной торговли при реализации цифровых активов этому физическому лицу, уменьшенная на стоимость услуги по компенсации суммы налога.

Разновидностью налогового льготирования являются «налоговые вычеты». Вычетам подлежат суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении цифровых активов, а также имущественных прав на них на территории Российской Федерации либо уплаченные налогоплательщиком при ввозе активов на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под её юрисдикцией, в таможенных процедурах выпуска для внутреннего потребления (включая суммы налога, уплаченные или подлежащие уплате налогоплательщиком по истечении 180 календарных дней с даты выпуска активов в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления при завершении действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории Особой экономической зоны в Калининградской области), переработки для внутреннего потребления, временного ввоза и переработки вне таможенной территории либо при ввозе активов, перемещаемых через границу Российской Федерации без таможенного оформления, приобретаемых для перепродажи. Вычету подлежат и суммы налога, уплаченные налоговыми агентами; а также в иных случаях, предусмотренных ст. 171 НК РФ.

Налоговые ставки

В экономической доктрине под термином налоговая ставка понимается величина налога в расчете на единицу налогообложения; то есть доля от стоимости объекта налогообложения, которую подлежит уплатить в виде налога, или величина налога, приходящаяся на единицу денежного дохода, земельной площади, веса, количества товара или на другую единицу, в которой измеряется величина объекта налогообложения. Если налог взимается с доходов в денежной форме, то налоговая ставка устанавливается в виде процентов с облагаемого налогом дохода. Налоговые ставки могут устанавливаться и в виде денежной суммы, приходящейся на один объект или на показатель, характеризующий этот объект (например, налог на транспортное средство с кубического сантиметра объёма двигательной установки или с единицы земельной площади). Налоговая ставка, выраженная в процентах к доходу налогоплательщика, именуется налоговой квотой. Различают: а) твёрдые налоговые ставки в абсолютной сумме, не зависящие от величины дохода (реальные налоги), б) пропорциональные ставки, действующие в одинаковом проценте к доходу вне зависимости от его величины (пропорциональное налогообложение), в) прогрессивные ставки, возрастающие по мере роста облагаемого дохода (про-

грессивное обложение), г) регрессивные ставки, уменьшающиеся с ростом величины облагаемого дохода (регрессивное налогообложение), применяются в качестве поощрения развития определённых секторов экономики или видов хозяйственной деятельности – чем более субъект экономически успешен, тем меньше для него налоговое бремя (в широком смысле понимания этого термина) [см.: 8, с. 237–238]. Согласно ч. 1 ст. 53 НК РФ налоговая ставка представляет собой величину налоговых начислений на единицу измерения налоговой базы.

На определение вида налога и налоговой ставки непосредственно влияет установление пороговых значений приемлемого и допустимого налогового бремени (в узком экономическом значении этого термина). Налоговое бремя – это мера, степень, уровень экономических ограничений, создаваемых отчислением средств на уплату налогов, отвлечением их от других возможных направлений использования. Количественно налоговая нагрузка может быть изменена отношением общей суммы налоговых изъятий за определенный период времени к сумме доходов субъекта налогообложения за тот же период. Распределение налогового бремени между налогоплательщиками основывается на двух принципах: а) увязка налога с получаемыми за счёт него благами (например, дорожный налог платят за возможность пользоваться благами транспортной коммуникации), возможности применения этого принципа весьма ограничены, так как не каждый налог может быть бременем бенефициара (например, пособие по безработице обременяет не самого безработного, получающего его, а работающих граждан); б) принцип платёжеспособности – чем выше доходы субъекта, тем больше у него способность и возможность платить налоги, что предполагает установление более высоких ставок налогообложения (злоупотребление этим принципом вполне может превратиться в тормоз развития экономики) [см.: 8, с. 238].

Оптимизация – это выбор лучшего решения из числа возможных субъектом, принимающим решение, при заданных ограничениях и граничных условиях. Это определение значений экономических показателей, при которых достигается оптимум, то есть наилучшее состояние системы. При этом не всегда наилучшее состояние системы – равновесие, иногда искусственное введение системы в состояние турбулентности способно стимулировать её рост. Чаще всего оптимуму соответствует достижение наивысшего результата при данных затратах ресурсов (высокая эффективность) или достижение заданного результата при минимальных потерях (затратах) [см.: 8, с. 268].

Действующим налоговым законодательством Российской Федерации предусмотрены следующие налоговые ставки:

1. По НДС: а) 10% (например, в отношении поставок детских товаров, продуктов питания, медицинских товаров, книжной продукции и периодических печатных изданий и т.д.); б) 20% во всех других случаях (ст. 164 НК РФ).

2. По НДФЛ: а) общий – 13%, б) специальный – 35% (например, от стоимости любых выигрышей и призов, получаемых в проводимых конкурсах, играх и других мероприятиях в целях рекламы товаров, работ и услуг, в части превышения установленных размеров), в) особый – 30% – в отношении всех доходов, получаемых физическими лицами, не являющимися налоговыми резидентами Российской Федерации, г) частный – 9% – в отношении доходов в виде процентов по облигациям с ипотечным покрытием, эмитированным до 1 января 2007 г., а также по доходам учредителей доверительного управления ипотечным покрытием, полученным на основании приобретения ипотечных сертификатов участия, выданных управляющим ипотечным покрытием до 1 января 2007 г. (ст. 224 НК РФ).

3. По НПО: а) общая ставка – 20%; б) для организаций – резидентов особой экономической зоны законами субъектов Российской Федерации может устанавливаться пониженная налоговая ставка налога на прибыль; а также для организаций – участников Особой экономической зоны в Магаданской области законом Магаданской области может устанавливаться пониженная налоговая ставка налога на прибыль – 13,5%; в) специальные ставки для отдельных групп налогоплательщиков по определённым операциям – 2%, 5%, 9%, 15%; г) повышенная налоговая ставка устанавливается в размере 30% в отношении доходов по ценным бумагам (за исключением доходов в виде дивидендов), выпущенным российскими организациями, права на которые учитываются на счёте депо иностранного номинального держателя (ст. 284 НК РФ).

Дифференциация налоговых ставок весьма значительная. Представляется целесообразным определить оптимальные пороговые величины налогового бремени оборота цифровых активов таким образом, чтобы они максимально соответствовали принципам и задачам отечественной налоговой политики. В данном направлении деятельности будут востребованы базовые положения математического анализа в экономике. Основное применяемое понятие – оптимизация.

Обычно в процессе оптимизации решаются задачи: 1) на максимизацию заданной функции; 2) на минимизацию заданной функции; 3) на достижение функцией заданного значения.

Применительно к оптимизации налогообложения оборота цифровых активов значимыми характеристиками на настоящий момент являются:

- а) высокий уровень наукоёмкости;
- б) высокий уровень технологичности;
- в) высокий уровень (производная от характера и степени) риска, обусловленный новизной этого вида деятельности;
- г) низкий уровень определённости нормативного регулирования;
- д) низкий уровень публично-правового (уголовного и административного) обеспечения;
- е) низкий уровень формирования рынка оборота таких активов;

ж) низкий уровень организации налогового контроля за данным видом деятельности по всем субъектам.

Показатели «высокий», «низкий» в диапазоне от 0 до 1 условно можно обозначить коэффициентами 0,75 и 0,25 соответственно. Реальный уровень публично-правового обеспечения налогообложения оборота цифровых активов определяется производной показателем «д» – 0,25 и показателем общего уровня либеральности публично-правового обеспечения фискальных отношений (приведем далее) – 0,2; и будет равен – 0,05.

В случае с налогообложением нужно выделить два агрегированных субъекта правоотношений – налогоплательщика и налогоплательщика, имеющих строго противоположные интересы. Налогоплательщик оптимизирует функцию налогообложения на минимум (1), налогоплательщик – на максимум (2). Уместно выделить третий вариант, оптимизирующий, согласовывающий интересы сторон в «сделке» налогообложения. Вероятно, при этом «сделка» должна быть оптимальной по Парето*, когда ни одна из сторон не может улучшить своего положения, не ухудшив при этом положение другой стороны.

Продемонстрируем возможности математического анализа в организации процесса нормативного регулирования налогообложения, который планируется быть востребованным в перспективе по мере накопления эмпирического материала бухгалтерского контроля и налогового учёта. Из экономической теории следует, что объём налоговых поступлений в зависимости от ставки налогообложения подчиняется функции Лаффера – это парабола второго порядка с ниспадающими ветвями, вогнутая относительно оси абсцисс. Следовательно, первая производная от этой функции – строго убывающая линейная функция, и мы имеем «налоговый» аналог закона функции убывающей предельной полезности**. Отсюда, оптимальной ставкой налогообложения для получателя налогов будет такая, которая максимизирует функцию Лаффера и в которой первая производная от функции Лаффера равна нулю.

Пусть функция Лаффера $y = ax^2 + bx + c$, где $a < 0$, a , b , c – параметры, x – ставка налогообложения ($0 \leq x \leq 1$) в виде доли, y – количество желающих уплачивать налоги по данной ставке, выраженное в доле ($0 \leq y \leq 1$). Тогда первая производная от этой функции: $\frac{dy}{dx} = 2ax + b$.

* Закон Парето – эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето, в наиболее общем виде формулируется как «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата». Может использоваться как базовая установка в анализе факторов эффективности.

** Закон убывающей предельной полезности (*Первый закон Госсена*) – экономический закон, согласно которому, при увеличении потребления товаров или услуг общая полезность увеличивается, а предельная полезность по мере удовлетворения потребителя (насыщения потребности) сокращается с каждой дополнительной единицей блага.

Рассмотрим простой числовой пример. Пусть $y = -x^2 + 1$ – функция совокупного желания платить налоги. Первая производная от этой функции: $\frac{dy}{dx} = -2x$ – функция предельного желания платить налоги. Ниже показан рисунок, наглядно демонстрирующий названные функции (см. рис. 1).

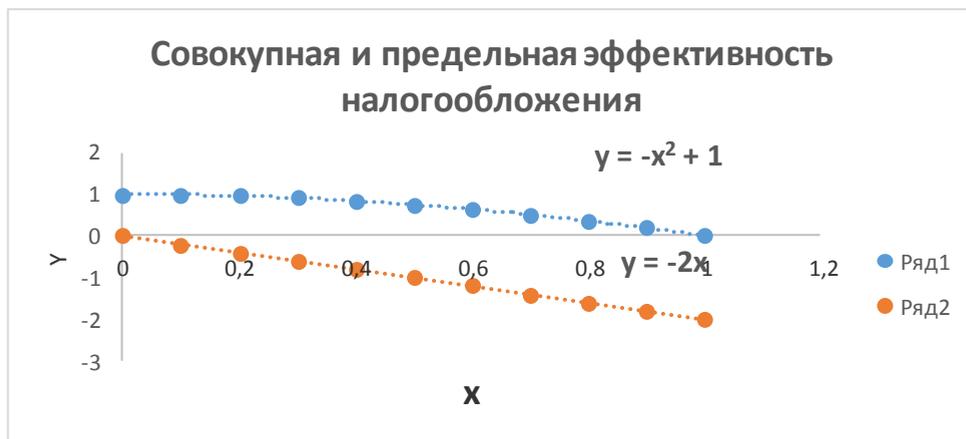

Рис. 1. Совокупная и предельная эффективность налогообложения (условный числовой пример с демонстрацией дискретных точек)

Очевидно, что налогоплательщик охотно будет платить при нулевой ставке налогообложения, поскольку в реальности ничего платить не надо, а, следовательно, не нужно жертвовать экономической свободой на рынках товаров и услуг, ибо налог – это де-факто «товар», который вас обязывают купить и который не доставляет непосредственного удовлетворения покупателю.

Таким образом средневзвешенная величина между показателями предельного желания платить налоги и совокупного желания платить налоги колеблется в пределах 0,6 – 0,7 и имеет перманентную тенденцию к понижению. Можно наблюдать, что увеличение налоговой ставки на единицу измерения порождает эффект падения Y .

При отсутствии государственного принуждения, выраженного, например, в угрозе мер административной и (или) уголовной ответственности, либо непосредственно предусмотренного законом механизма изъятия налоговой суммы, никто из налогоплательщиков не станет платить налогов. В предположении, что такая ответственность и меры изъятия налогов предусмотрены, построены функции на рис. 1. Параметры этих функций и будут определяться величиной мер принуждения, и в реальности мы имеем сложную функцию: $y = F(g(z))$, где z – меры государственного принуждения в виде угрозы наказания за неуплату налога. Функции F и g будут

определены так: $Y=X \times Z$, где Y – количество желающих заплатить/сумма налоговых поступлений; X – налоговая ставка; Z – коэффициент публично-правового принуждения.

При усилении мер государственного принуждения тангенс угла наклона функции предельной эффективности будет уменьшаться по модулю, и функция предельной эффективности будет подниматься к оси абсцисс, ибо параметр при старшем члене квадратного многочлена начинает уменьшаться по модулю.

Вероятность уплаты налога налогоплательщиками в зависимости от государственного принуждения можно описать логистической функцией:

$$\hat{p}_i = \frac{1}{1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 z)}}$$

где $\hat{p}_i$ – оценка вероятности по фиктивной переменной: 0 – налог не уплачен, 1 – налог уплачен, независимая переменная – уровень государственного принуждения (z), e – основание натуральных логарифмов = 2,18, β – эмпирические показатели. Ясно, что функция принимает значение в пределах от нуля до единицы. Изменение вероятности уплаты налога при изменении, например, государственного принуждения, скажем, при его увеличении или уменьшении, оценим по формуле:

$$\frac{dp}{dz} = \frac{e^{-(\beta_0 + \beta_1 z)}}{(1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 z)})^2} \cdot \beta_1.$$

Получим ответ о влиянии дополнительной единицы государственного принуждения на вероятность уплаты налогоплательщиками налогов. Дифференциал вероятности/ дифференциал гос. принуждения $-\frac{dp}{dz}$.

Представляет интерес показатель z – уровень публично-правового обеспечения отношений в сфере налогообложения. Административно-правовая репрессия в РФ весьма жёсткая (так, например, оборот одного из популярных видов цифровых активов – криптовалюты – не разрешён, она не принимается как средство платежа). Целый комплекс норм административного законодательства (ст. 15.3 – 15.10 КоАП РФ) формирует бремя административной репрессии, обеспечивающей фискальные отношения. Причём бремя таковой репрессии по своему уровню иногда сопоставимо с уголовной. Так, санкцией ст. 15.10 КоАП РФ предусмотрен штраф от 40 000 руб. до 50 000 руб. (хотя следует признать, что в большинстве перечисленных норм административного права предусмотрены санкции, не превышающие штраф в размере 3 000 руб.). Уголовная же репрессия (ст. 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ) – весьма умеренная (в сравнении с аналогичными уголовно-правовыми норма-

ми иных государств)*. Фискальные преступления в основном относятся к категории небольшой тяжести (и только в квалифицированных составах преступлений – средней тяжести). Кроме того, уголовный закон закрепил множество оснований для освобождения субъекта от ответственности за совершение налоговых преступлений: как общего характера (ст. 76¹ УК РФ), так и специального (примечания 3 к ст. 198 и 199 УК РФ). Также в нашем государстве периодически применяется режим фискальной амнистии. Например, так называемая «амнистия капиталов» в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В сравнении с налоговой политикой иных государств, российская – весьма либеральна. Таким образом, основываясь на компаративном анализе, коэффициент z можно условно принять равным 0,2 (при пороговых величинах от 0 до 1; где 0 – это абсолютное отсутствие публично-правового обеспечения фискальных отношений в силу деструкции государственного аппарата, например, поствоенная Ливия; а 1 – это тотально-репрессивная фискальная политика государства как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменения, например, Катар)**.

* Ст. 201 – 212 УК КНР – максимальное наказание – пожизненное лишение свободы и конфискация имущества.

УК Франции не содержит раздела о налоговых преступлениях, так как основным законодательным актом, регулирующим вопросы ответственности за налоговые преступления, является Общий кодекс о налогах 1950 г. В книге «Взимание налогов» в главе 2 «Наказание» (ст. 1725–1840) предусматривается максимальное наказание в виде штрафа до 500 000 евро и (или) лишение свободы до 10 лет (в случае рецидива).

В Германии Положение о налогах и платежах 1977 г. предусматривает уголовную ответственность за фискальные преступления, максимальное наказание за совершение которых 10 лет лишения свободы (исключение составляет разглашение налоговой тайны – до 2 лет лишения свободы).

В Японии ответственность за налоговые преступления предусмотрена в многочисленных нормативных правовых актах (сформировалось самобытное административно-уголовное фискальное право): Закон о взимании государственных налогов 1959 г. (ст. 187), Закон о подоходном налоге 1947 г. (ст. 69), Закон о налоге с юридических лиц 1947 г. (ст. 48), последние главы этих законов посвящены уголовному наказанию, самым строгим из которых является 10 лет лишения свободы.

В США всё федеральное налоговое законодательство было кодифицировано в разд. 26 Свода законов США (ст. 7201–7214). Некоторые виды фискальных преступлений относятся к категории фелоний (тяжких преступлений), за них предусмотрено максимальное наказание в виде 5 лет лишения свободы (в случае фискальных преступлений при обороте оружия или алкоголя – до 10 лет) и (или) штраф до 100 000 долларов (для юридических лиц – до 500 000 дол.), следует отметить, что большинство составов фискальных преступлений в США по своей конструкции являются усечёнными (юридическая завершенность переносится на момент приготовительных действий).

По общему праву Великобритании, а также в соответствии с законом Англии и Уэльса «О подлоге и подделке» 1981 г. максимальное наказание за фискальные преступления может составлять 14 лет лишения свободы.

** Так, из 902 направленных в 2018 г. в суды дел по налоговым преступлениям лишь 454 завершились обвинительными приговорами; в том же году на 104 лица, осуждённых за налоговые преступления к лишению свободы (причем более $\frac{3}{4}$ лишений свободы – на срок менее двух лет), пришлось 118 приговорённых к штрафу, 43 освобождены от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям (из которых 8 было оправдано), а 309 освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [см.: 4].

Положим, что нам известна полученная по эмпирическим данным зависимость налоговых поступлений от ставки налогообложения (см. рис. 2).

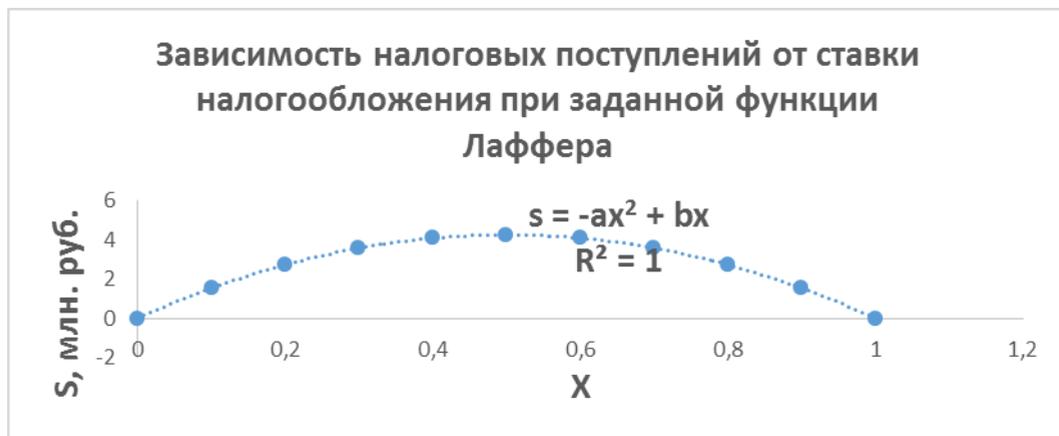

Рис. 2. Зависимость налоговых поступлений от ставки налогообложения (функция Лаффера) – условный пример

Имея функцию Лаффера, легко определить оптимальную ставку налогообложения. Для примера на рис. № 2 видно, что максимума функция налоговых сборов достигает в точке 0,5, что легко доказать и аналитически, взяв первую производную от интегральной функции налоговых сборов $\frac{dp}{dz} = -34x + 17$ и приравняв её к нулю: $-34x + 17 = 0$. Решая, получим $34x = 17 \Rightarrow x = \frac{17}{34} = \frac{1}{2}$.

Демонстрация скорости изменения налоговых поступлений: увеличение на одну единицу связки ставки налогообложения и уровня государственного принуждения даёт двойное (постоянную величину – константа) сокращение налоговых поступлений, а 50% максимальной налоговой ставки даёт наибольший прирост налоговых поступлений.

Возникает вопрос, как получить кривую Лаффера для конкретного вида налогооблагаемой деятельности и для конкретного вида субъектов налогообложения, который мы хотели бы подвергнуть оптимальному налогообложению? Для этого нужно провести выборочное исследование или изучить статистические данные по налогообложению подобных видов деятельности, в частности, и с учётом объекта налогообложения. Поскольку, очевидно, есть объекты, которые легко измерить, а есть объекты, измерение налоговой базы которых затруднительно. В настоящее время эмпирической базы нет, и ей неоткуда взяться. Рынок оборота цифровых активов абсолютно латентен; механизм его (оборота) бухгалтерского учёта и налогового контроля не только не функционирует, но ещё даже не создан. Представляется целесообразным на определённый переходный период сконструировать на основе абстрактных

расчётов данный механизм налогообложения; за время его применения накопить эмпирический материал, на основании анализа которого сформировать основную систему налогообложения оборота цифровых активов, которая будет использоваться в дальнейшем в режиме перманентного обновления с учётом динамики изменения экономической ситуации в России и в мире. В связи с чем предлагаем при расчётах в настоящей работе оперировать усреднёнными показателями.

Рассмотренная ранее функция Лаффера $Y=X/Z$ применительно к определению оптимальной ставки налогообложения выглядит следующим образом: $X = Y \times Z$. В отечественном фискально-правовом поле уровень публично-правового обеспечения налогового бремени оборота цифровых активов (как было показано ранее) в среднем равен 0,05. Y – количество желающих уплатить налоги / объём ожидаемой прибыли – т.н. ёмкость рынка оборота цифровых активов. По всем видам цифровых активов этот показатель вывести на сегодняшний день не представляется возможным. Целесообразно акцентировать внимание на таких его видах, оборот которых характеризуется повышенным уровнем риска, как токены и биткоины. Данных по российским показателям нет. Поэтому вполне допустимо выявленные общемировые тенденции (в силу экстерриториальности рынка оборота криптовалют и токенов) экстраполировать на российские фискальные отношения.

Рынок криптовалют и токенов активно развивается. По данным coinmarketcap, сегодня в мире насчитывается почти 1900 альткоинов. Данные приведены на состояние конца 2018 г. Ещё в 2017 г. их было 1100. В августе 2017 г. общая капитализация рынка криптовалют превысила \$150 млрд. На конец 2017 г. этот показатель составил \$189 млрд, а на конец 2018 г. – \$201 млрд (хотя в 2014 г. этот показатель составлял всего \$29 млрд). По информации основателя платформы для ICO и краудфандинга Kickico Анти Данилевского, в среднем в ICO участвуют 25 тыс. человек. Их траты в среднем составляют по \$35 тыс. Средний платёж в крупных ICO – \$8000 [7].

Таким образом показатель удельной ёмкости налогооблагаемого рынка оборота цифровых ресурсов

$$Y = a/v,$$

где количество потенциальных налогоплательщиков $a = 25000$,

$$\text{удельная ёмкость налогооблагаемого объекта } v = 201000000000 / (35000 \times 25000 + 8000 \times 25000),$$

$$Y = 25000 / 187 = 133.$$

Коэффициент оптимальной поправки налоговой ставки по обороту цифровых активов (в связи с низкой затратностью, сверхприбыльностью и высокой рискованностью данного сектора экономики).

$$X = Y \times Z,$$

где $Z = 0,05$,

$$X = 133 \times 0,05 = 6,65.$$

Применительно к НДС ставка будет составлять $(13,5 + 6,65) = 20,15\%$.

Применительно к НДС – 26,65%.

Применительно к налогу на прибыль с организаций НПО – также 26,65%.

Заключение

Несмотря на то, что несовершенство данных показателей очевидно, представляется, что такие налоговые ставки не обременительны для налогоплательщика, они будут стимулировать его активность в обороте цифровых активов и способствовать пополнению государственного бюджета. Главное – их применение позволит «запустить» цивилизованный, нормативно урегулированный и обеспеченный процесс оборота цифровых активов, что позволит в переходный период сформировать эмпирическую базу бухгалтерского учёта и налогового контроля в обозначенном секторе экономики. На основании чего, используя метод математического анализа, уже более взвешенно и обоснованно можно будет просчитать оптимальные налоговые ставки по разным субъектам и по различным операциям.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
2. Арямов, А. А. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики / А. А. Арямов, М. А. Колыванцева, А. С. Колыванцев. – М. : Альпина Паблишер, 2018. – 549 с.
3. Арямов, А. А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ / А. А. Арямов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер: РАП, 2010. – 200 с.
4. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>.
5. Национальная экономическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/buhgalterskiy-uchet/ponyatie-nematerialnyh-aktivov.html>.
6. Ольков, С. Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции) : в 2-х ч. Ч. 1 / С. Г. Ольков. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 592 с.
7. Попов, В. Рынок криптовалют и ICO в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/flood/27263-rynok-kriptovalyut-i-ico-v-cifrah>.
8. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 3-е изд., доп. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 480 с.
9. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economic-definition.com/Accounting_and_Taxes/Aktiv_Assets__eto.html#h3-0.

10. Энциклопедия экономиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vse-dengy.ru/pro-investitsii/aktivyi-i-passivyi-cto-eto-legko-i-prosto.html>.

References

1. Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 146-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3824. (In Russian).

2. Aryamov A.A., Kolyvantsev M.A., Kolyvantsev A.S. *Konfiskatsionnyi resurs antikorrupcionnoi politiki* [Confiscation resource of anti-corruption policy]. Moscow: Al'pina Publ., 2018. 549 p.

3. Aryamov A.A. *Obshchaya teoriya riska: yuridicheskii, ekonomicheskii i psikhologicheskii analiz* [General risk theory: legal, economic and psychological analysis]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Wolters Kluwer, 2010. 200 p.

4. Judicial statistics data. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (accessed 29 April 2019). (In Russian).

5. *National economic encyclopedia*. Available at: http://economicdefinition.com/Accounting_and_Taxes/Aktiv_Assets__eto.html (accessed 29 April 2019). (In Russian).

6. Olkov S.G. *Analiticheskaya yurisprudentsiya (metodologiya yurisprudentsii)* [Analytical jurisprudence (jurisprudence methodology)]. In 2 parts. *Part. I*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 592 p.

7. Popov V. *Rynok kriptovalyut i ICO v tsifrakh* [Cryptocurrency market and ICO in numbers]. Available at: <https://vc.ru/flood/27263-rynok-kriptovalyut-i-ico-v-cifrah> (accessed 29 April 2019).

8. Raizberg B.A., Lozovskii L.S., Starodubtseva E.B. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. 3rd ed., add. Moscow: INFRA-M Publ., 2000. 480 p.

9. *Economic Dictionary*. Available at: http://economic-definition.com/Accounting_and_Taxes/Aktiv_Assets__eto.html#h3-0 (accessed 29 April 2019). (In Russian).

10. *The encyclopedia of an economist*. Available at: <https://vse-dengy.ru/pro-investitsii/aktivyi-i-passivyi-cto-eto-legko-i-prosto.html> (accessed 29 April 2019). (In Russian).

УДК 35.08:342(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/130-142

О. Е. Шишкина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: shishkina.oe @dvfu.ru

Е. А. Иванцова²,

Дума города Владивостока, г. Владивосток, Россия

E-mail: ivantsova@dumavlad.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу пробелов и противоречий правового регулирования таких правовых категорий российского законодательства, как «государственная должность» и «муниципальная должность». Лицами, занимающими государственные должности, являются: Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ и законодательных органов субъектов РФ, члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, члены российского Правительства, судьи и другие высшие должностные лица федерального и регионального уровня государственной власти. Под лицами, занимающими муниципальные должности, понимаются депутаты представительных органов муниципальных образований, главы муниципальных образований и другие местные чиновники высшего ранга. Основной вывод, к которому приходят авторы настоящей статьи, заключается в том, что законодателем ещё не выработана до конца единая концепция правового статуса лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности, что представляется необоснованным ввиду значимой роли указанных лиц в публичном управлении. Принципиальный вопрос, на который следует ответить, по мнению авторов статьи, заключается в следующем: государственная и муниципальная должность – это место в штате с денежным вознаграждением.

¹ Ольга Евгеньевна Шишкина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Елена Александровна Иванцова, главный специалист организационного отдела Думы города Владивостока, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Шишкина О. Е., Иванцова Е. А. Государственная и муниципальная должности: пробелы и противоречия правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 130–142.

граждением или это объём полномочий, которые лицо может осуществлять как на постоянной профессиональной основе, так и на не профессиональной основе без выплаты денежного вознаграждения? Кроме того, необходимо выработать чёткие критерии отнесения тех или иных лиц, выполняющих те или иные государственные (муниципальные) функции к лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности.

Ключевые слова: государственная служба, муниципальная служба, государственная должность, муниципальная должность, государственная власть, местное самоуправление, органы государственной власти, органы местного самоуправления, пробелы и противоречия правового регулирования, денежное содержание.

Olga E. Shishkina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
shishkina.oe @dvfu.ru

Elena A. Ivantsova²,

The Duma of Vladivostok city, Vladivostok, Russia
ivantsova@dumavlad.ru

PUBLIC AND MUNICIPAL OFFICE POSITIONS: GAPS AND CONTRADICTIONS OF LEGAL REGULATION

Abstract. This article is devoted to the analysis of gaps and contradictions in the legal regulation of such legal categories of Russian legislation as «public office position» and «municipal office position». The people holding «public office positions» are the President of the Russian Federation, deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and legislative bodies of the subjects of the Russian Federation, members of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, members of the Russian Government, judges and other senior officials of the federal and regional levels. The people holding «municipal office positions» are members of the representative bodies of municipalities, heads of municipalities and other local officials of the highest rank. The main conclusion made by the authors of this article is that the Rus-

---

¹ Olga E. Shishkina, PhD, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Elena A. Ivantsova, Chief Specialist, Organizational Department, The Duma of Vladivostok city, Vladivostok, Russia.

For citing: Shishkina Olga E., Ivantsova Elena A. Public and municipal office positions: gaps and contradictions of legal regulation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 130–142.

sian legislator has not yet fully developed a unified concept of the legal status of people taking «public and municipal office positions». This fact seems unjustified due to the significant role of these persons in public administration. The fundamental question to be answered, according to the authors of the article, is the following. Is a «public and municipal office position» a place in the staff with a salary or is it a list of authority that a person can exercise either on a permanent professional basis or on a non-professional basis without a salary? In addition, it is necessary to develop clear criteria for the assignment of certain people performing certain public (municipal) functions to people holding state (municipal) positions.

Keywords: public service, municipal service, public office position, municipal office position, state authority, local self-government, state agencies, municipal agencies, gaps and contradictions of the legal regulation, salary.

В отечественном законодательстве и юридической науке термин «должность» понимается обычно в административно-трудовом значении, в котором включение в штат организации и денежное вознаграждение являются неотъемлемыми признаками должности. Так, Ю. Н. Старилов назвал классическим следующее определение государственной должности, которое В. М. Манохин дал в своей работе «Советская государственная служба» (1966 г.): «государственно-служебная должность – это часть организационной структуры государственного органа (организации), обособленная и закреплённая в официальных документах (штатах, схемах должностных окладов и др.) с соответствующей частью компетенции госоргана (организации), предоставляемой лицу – государственному служащему в целях её практического осуществления» [17, С. 261–262].

Конституция Российской Федерации в статье 32 заложила основы для развития института государственной службы. Первый федеральный закон в сфере служебных отношений – Федеральный закон «Об основах государственной службы в Российской Федерации» [1] закрепил понятие государственной должности, под которой понималась должность в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в иных государственных органах, образуемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, с установленными кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа, **денежным содержанием** и ответственностью за исполнение этих обязанностей (выделено авторами статьи). Как мы видим, денежное содержание являлось неотъемлемым признаком должности. В то же время указанный закон заложил основу для разграничения статуса государственных служащих и лиц, замещающих государственные

должности. Так п. 1 ст. 1 указанного закона предусматривал государственные должности категории «А»: должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами (государственные должности РФ), конституциями, уставами субъектов РФ Федерации (государственные должности субъектов РФ) для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. К данной категории относились: Президент РФ, Председатель Правительства РФ, председатели палат Федерального Собрания Российской Федерации, руководители органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, депутаты, министры, судьи и др. Было определено, что специальные федеральные законы и законы субъектов РФ будут устанавливать размер и виды денежного содержания лиц, замещающих государственные должности категории «А». При этом, согласно ст. 2 указанного закона, исполнение обязанностей лицами, замещающими государственные должности категории «А», не включалось в понятие государственной службы, в отличие от исполнения обязанностей лицами, замещающими государственные должности категории «Б» и «В».

Выделение должностей категории «А» было, таким образом, необходимо, в первую очередь, для обоснования особого правового регулирования статуса лиц, их замещающих. Очевидно, что лица, входившие в данную категорию, являются субъектами конституционно-правовых, а не служебных или трудовых отношений, они осуществляют полномочия так называемой «верховой государственной власти», некоторые из них обладают гарантиями, которыми обычный чиновник обладать не может. Конституцией РФ, федеральными конституционными и федеральными законами устанавливается особый порядок приобретения и прекращения полномочий данных лиц. Кроме того, юридическое значение закрепления должностей категории «А» заключалось ещё и в целях недопущения совмещения государственных и иных должностей. Например, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О народных заседателях судов общей юрисдикции в Российской Федерации» народными заседателями не могли быть лица, замещающие государственные должности категории «А», а также лица, замещающие выборные должности в органах местного самоуправления [10].

Признание местного самоуправления в качестве самостоятельного уровня публичной власти в РФ (ст. 12 Конституции РФ) заложило основы для выделения муниципальных должностей и муниципальной службы. Первый федеральный закон в сфере служебных отношений на муниципальном уровне публичной власти – Федеральный закон «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» [2] под муниципальной должностью понимал должность, предусмотренную уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, с установленными полномочиями на решение вопросов местного значения и ответственностью за осуществление этих полномочий, а также

должность в органах местного самоуправления, образуемых в соответствии с уставом муниципального образования, с установленными кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного органа местного самоуправления и ответственностью за исполнение этих обязанностей. При этом муниципальные должности подразделялись на выборные муниципальные должности, замещаемые в результате муниципальных выборов (депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица местного самоуправления), а также замещаемые на основании решений представительного или иного выборного органа местного самоуправления в отношении лиц, избранных в состав указанных органов в результате муниципальных выборов и иные муниципальные должности, замещаемые путём заключения трудового договора. То есть также была заложена основа для разграничения лиц, замещающих муниципальные должности и муниципальных служащих. В статье 2 указанного закона было закреплено, что муниципальная служба – это профессиональная деятельность, которая осуществляется на постоянной основе на муниципальной должности, не являющейся выборной. При этом статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления настоящим Федеральным законом не регулировался.

При всей схожести изложенных выше определений *государственная* и *муниципальная* должности мы видим, что в понятии «муниципальная должность» признак «денежного вознаграждения» отсутствовал. Однако на региональном и муниципальном уровне отсутствовало убеждение в том, что муниципальная должность может быть занята на непостоянной основе, без получения денежного вознаграждения. Так, например, в Законе Приморского края «О реестре муниципальных должностей в Приморском крае» [12] к муниципальным должностям относилась только должность депутата представительного органа местного самоуправления, замещаемая им на постоянной основе.

Следует отметить, что вопрос об отнесении к лицам, замещающим государственные или муниципальные должности депутатов, осуществляющих депутатскую деятельность на непостоянной основе, актуализировался именно на уровне муниципальных образований, а также субъектов РФ, поскольку, в отличие от депутатов Государственной Думы, депутаты законодательных органов субъектов РФ могут осуществлять свои полномочия как на постоянной, так и на непостоянной основе, а депутаты представительных органов муниципальных образований – преимущественно на непостоянной основе. Так, например, согласно статье 40 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] выборные должностные лица местного самоуправления могут осуществлять свои полномочия на постоянной основе в соответствии с настоящим Федеральным законом и уставом муниципального образования, а депутаты представи-

тельного органа муниципального образования осуществляют свои полномочия, как правило, на непостоянной основе. На постоянной основе могут работать не более 10 процентов депутатов от установленной численности представительного органа муниципального образования, а если численность представительного органа муниципального образования составляет менее 10 человек, – 1 депутат.

Федеральный закон «О системе государственной службы в Российской Федерации» [13] отказался от деления государственных должностей на категории с буквенными обозначениями, чётко разграничил государственные должности (Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) и должности государственной службы, закрепив, что деятельность лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, настоящим Федеральным законом не регулируется. При этом под государственными должностями РФ следует понимать, исходя из формулировки ст. 1 указанного закона, должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, а под государственными должностями субъектов РФ – должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации. Наименования государственных должностей РФ и типовых должностей субъектов РФ определены соответствующими Указами Президента РФ [15, 16].

Дальнейшее использование категорий «государственная должность» и «муниципальная должность» было связано с развитием законодательства о противодействии коррупции. Так, Федеральным законом от 21.11.2011 № 329-ФЗ [9] в Федеральный закон «О противодействии коррупции в Российской Федерации» [11] была введена статья 12.1, которая представляет собой первую попытку обобщенно урегулировать антикоррупционные ограничения и обязанности, налагаемые на лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности. Так, например, согласно части 4 указанной статьи лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, замещаемые на постоянной основе, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов и несовершеннолетних детей в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Далее, Федеральным законом от 30.11.2011 № 361-ФЗ [7] в статью 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления»

был внесён термин «лицо, замещающее муниципальную должность», к которому были отнесены депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица местного самоуправления, члены избирательной комиссии муниципального образования с правом решающего голоса. В отличие от государственных должностей и в отличие от ранее действовавшего законодательства, понятие муниципальной должности не раскрывается в действующем законодательстве. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» перечисляются субъекты, которых следует относить к лицам, замещающим муниципальные должности.

Как мы видим из цитируемых выше положений нормативных актов, федеральный законодатель начал выделять лиц, замещающих муниципальные должности на постоянной основе, и лиц, замещающих данные должности на непостоянной основе.

В свете накопления практики применения законодательства о противодействии коррупции стало очевидно то, что антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности не могут касаться только тех, кто получает денежное вознаграждение за выполнение депутатских обязанностей, тем более, что на уровне местного самоуправления, как было ранее обозначено, таких оказалось меньшинство.

Федеральным законом от 03.11.2015 № 303-ФЗ [8] такие антикоррупционные обязанности как, например, представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, обязанность сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта были возложены на всех лиц, замещающих государственные и муниципальные должности независимо от основы её замещения.

Таким образом, законодателем, в том числе в целях противодействия коррупции, была предпринята попытка выработать единый подход к пониманию государственных и муниципальных должностей, однако эта попытка не вполне свободна от пробелов и противоречий.

Прежде всего следует отметить отсутствие чётко выработанных критериев в причислении тех или иных субъектов к лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности, что вряд ли может быть признано обоснованным.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов РФ и муниципальных образований» [6] должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счётного органа могут быть отнесены соответственно к государственным должностям субъекта Российской Федерации или муниципальным должностям в соответствии с законом субъекта Российской Федерации или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в

соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Вряд ли такой подход является обоснованным, если считать, что определяющим в отграничении государственных (муниципальных) должностей от должностей государственной (муниципальной) службы являются характер полномочий (непосредственное осуществление, а не обеспечение власти») и учреждение должности непосредственно в законе, а не в подзаконном или локальном акте.

Далее, если в отношении депутатов законодатель занял позицию о том, что они замещают (государственные) муниципальные должности независимо от того, работают они на постоянной основе или нет, то в отношении членов избирательных комиссий с правом решающего голоса субъектов Российской Федерации, территориальных избирательных комиссий и действующих на постоянной основе и являющихся юридическими лицами муниципальных избирательных комиссий действует иной подход, согласно которому только члены с правом решающего голоса, работающие в указанных комиссиях на постоянной основе, являются лицами, замещающими государственные (муниципальные) должности¹ [3; 5].

Обращает на себя внимание и отсутствие единого подхода в отношении наименований государственных должностей законодательной ветви государственной власти, муниципальных должностей в представительном органе муниципального образования. Так, Реестром государственных должностей РФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (далее по тексту – Государственной Думе) установлены следующие должности: председатель Государственной Думы, первый заместитель, заместитель председателя Государственной Думы, руководитель фракции в Государственной Думе, председатель, заместитель председателя комитета (комиссии) Государственной Думы, член комитета (комиссии) Государственной Думы. В перечне типовых государственных должностей субъектов РФ такие должности, как руководитель фракции и член комитета (комиссии) отсутствуют, однако предусмотрена должность депутата. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к муниципальным должностям в представительном органе отнесены депутаты. Таким образом, возникает вопрос, государственная (муниципальная) должность – это должность депутата или соответствующая позиция депутата в законодательном (представительном) органе? Представляется, что ответ на этот вопрос имеет важное значение, поскольку функция депутата в представительном (законодательном) органе (председатель органа, председатель или член комиссии) – не единственная функция, которую он должен реализовывать в своей депутатской деятельности. Отсутствие единообразия можно объяснить тем, что все депутаты

---

¹ См. ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Государственной Думы работают на постоянной профессиональной основе, и в зависимости от их позиции в Государственной Думе дифференцируется их денежное содержание. Между тем, это лишний раз подчеркивает неопределённость самого понимания государственной (муниципальной) должности в законодательных (представительных) органах.

Следует отметить и некоторую неопределенность в понимании того, нормативно-правовым актом какого уровня учреждается государственная должность субъекта РФ. Дело том, что в условиях российской модели разграничения предметов ведения между РФ и её субъектами практически все государственные должности субъектов РФ первоначально установлены в федеральных законах¹ [4], а уже потом – в Конституциях (Уставах) субъектов РФ. Остаётся также спорным отнесение Реестром государственных должностей Российской Федерации государственной должности руководителя высшего государственного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации к государственным должностям РФ.

Все вышеуказанные противоречия и пробелы свидетельствуют о том, что законодателем ещё не выработана до конца единая концепция правового статуса лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности. На сегодняшний день эти категории остаются, как видно из проведённого анализа, собирательными и используются в действующем законодательстве преимущественно для трёх целей.

Во-первых, для разграничения статуса государственных (муниципальных) служащих и лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности, выведения последних из сферы регулирования служебного законодательства.

Во-вторых, в целях недопущения совмещения государственных (муниципальных) и иных должностей². Однако следует указать, что нормы, регулирующие недопущение совмещения должностей, содержатся и во многих других федеральных законах³, что затрудняет их комплексное восприятие правоприменителем.

В-третьих, для установления общих антикоррупционных запретов, обязанностей и ограничений, в том числе оснований досрочного прекращения полномочий в связи с несоблюдением антикоррупционного законодательства. Здесь также следует отметить, что антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности устанавливаются и специальным законодательством, регулирующим статус соответствующим

¹ См., например, Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и др.

² Так, например, согласно ч. 1 ст. 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции в Российской Федерации» лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, не вправе замещать иные государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, если иное не установлено федеральными конституционными законами или федеральными законами, а также муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

³ См., например, ч. 6 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и др.

щих субъектов¹. В итоге имеет место частичное дублирование указанных запретов, ограничений, обязанностей.

Незначительно категория «муниципальная должность» также используется для установления общих гарантий деятельности, которые в основном дифференцируются в зависимости от конкретной должности. Так, например, согласно статье 2 закона Приморского края «О сроках полномочий и гарантиях осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Приморском крае» лицу, замещающему муниципальную должность, для поездок в связи с осуществлением должностных полномочий предоставляется служебный автотранспорт в соответствии с муниципальным правовым актом [14].

Кроме того, отсутствуют чёткие критерии отнесения тех или иных лиц, выполняющих те или иные государственные (муниципальные) функции к лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности. Нет чёткого понимания и в том, что такое государственная (муниципальная) должность. Является ли это местом в органе с единством прав, обязанностей, ответственности, гарантий, включая денежное содержание, и тогда это ставит вопрос о переходе на профессиональный режим работы соответствующих лиц на уровне субъектов РФ и местного самоуправления. Либо должность – это объём полномочий и ответственности, не зависящий от основы их осуществления (профессиональной или нет), и тогда это ставит вопрос о включении членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих в комиссиях не на постоянной основе, в число лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности. Ответы на все эти вопросы ещё находятся в плоскости научной дискуссии.

Список литературы

1. Об основах государственной службы в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 5 июля 1995 г. № 119-ФЗ (утратил силу). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103884/>.
2. Об основах муниципальной службы в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 8 февраля 1998 г. № 8-ФЗ (утратил силу). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/176100/>.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.

---

¹ См., например, ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и др.

4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

6. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований [Электронный ресурс] : федерал. закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 30 ноября 2011 г. № 361-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122460/

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 3 ноября 2015 г. № 303-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304084/.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции [Электронный ресурс] : федерал. закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121892/.

10. О народных заседателях судов общей юрисдикции в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ (утратил силу). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25452/.

11. О противодействии коррупции в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

12. О реестре муниципальных должностей в Приморском крае [Электронный ресурс] : закон Приморского края от 30 апреля 2003 г. № 50-КЗ (утратил силу). – Режим доступа: <http://www.zspk.gov.ru/laws/zakony/27747/>.

13. О системе государственной службы в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федерал. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/.

14. О сроках полномочий и гарантиях осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Приморском крае [Электронный ресурс] : закон Приморского края от 14 июля 2008 г. № 288-КЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/494223491>.

15. Перечень типовых должностей субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/196733/>.

16. Реестр государственных должностей Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57545/f8a48b89456dc7c31402578822f824a98fb2fbb3/.

17. Старилов, Ю. Н. Административное право : монография : в 2-х ч. Ч. 2, кн. первая : Субъекты. Органы управления. Государственная служба. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. – 624 с.

References

1. *On the Basics of Public Service in the Russian Federation: Federal Law of May 7, 1995 No. 119-FZ (not valid)*. Available at: <http://base.garant.ru/10103884/> (accessed 17 May 2019). (In Russian).

2. *On the Basics of Municipal Service in the Russian Federation: Federal Law of 8 February, 1998 No. 8-FZ (not valid)*. Available at: <http://base.garant.ru/176100/> (accessed 17 May 2019). (In Russian).

3. *On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation: Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (accessed 11 May 2019). (In Russian).

4. *On General Principles of Organization of Legislative (Representative) Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation Federal Law of 6 October, 1999 No. 184-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (accessed 4 May 2019). (In Russian).

5. *On General Principles of Organization of Local Self-government in Russian Federation: Federal Law of 6 October, 2003 No. 131-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed 2 May 2019). (In Russian).

6. *On General Principles of Organization and Activity of Control and Accounting Bodies of the Subjects of the Russian Federation and municipalities: Federal Law of 7 February, 2011 No. 6-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/ (accessed 10 May 2019). (In Russian).

7. *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 30 November, 2011 No. 361-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122460/ (accessed 11 May 2019)/ (In Russian).

8. *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 3 November, 2015 No. 303-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304084/ (accessed 17 May 2019). (In Russian).

9. *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Administration in the Field of Combating Corruption: Federal Law of 21 November, 2011 No. 329-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121892/ (accessed 10 May 2019). (In Russian).

10. *About People's Assessors of the Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Federal Law of 2 January, 2000 No. 37-FZ (not valid).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25452/ (accessed 17 May 2019). (In Russian).

11. *On Combating Corruption in the Russian Federation: Federal Law of 25 December, 2008 No. 273-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 20 December 2018). (In Russian).

12. *On the Register of Municipal posts in the Primorsky Territory: the Law of the Primorsky Territory of 30 April, 2003 No. 50-KZ (not valid).* Available at: <http://www.zspk.gov.ru/laws/zakony/27747/> (accessed 6 May 2019). (In Russian).

13. *On the System of Public Service in the Russian Federation: Federal Law of 27 May, 2003 No. 58-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (accessed 11 May 2019). (In Russian).

14. *On the Terms of Authority and Guarantees of the Exercise of Authority of a Deputy, a Member of an Elected Body of Local Self-Government, an Elected Official of Local Self-Government in Primorsky Krai: the Law of the Primorsky Territory of 14 July, 2008 No. 288-KZ (not valid).* Available at: <http://docs.cntd.ru/document/494223491> (accessed 10 May 2019). (In Russian).

15. *List of Typical Posts of the Subjects of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation 4 December, 2009 No. 1381.* Available at: <http://base.garant.ru/196733/> (accessed 4 May 2019). (In Russian).

16. *Register of State Posts of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation 11 January 1995 No. 32.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57545/f8a48b89456dc7c31402578822f824a98fb2fbb3/ (accessed 6 May 2019). (In Russian).

17. Starilov Yu.N. *Administrativnoe parvo. Chast' 2, kniga pervaya: Sub"ekty. Organ upravleniya. Gosudarstvennaya sluzhba* [Administrative Law: Monograph in 2 Parts. Part 2, Book one. Subjects. Controls. Public service]. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2001. 624 p.

УДК 343:340.130.53

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/143-156

А. И. Рарог¹

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

**ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ**

Аннотация. Статья представляет собой анализ различного рода ошибок законодателя в сфере уголовного права: пробелов, противоречий и технических ошибок. Автор отмечает, что ошибки законодателя имеют место и в общей и в особенной частях Уголовного кодекса России. Ошибочные законотворческие решения встречаются и в основных составах преступлений, и в формулировании квалифицирующих признаков. Одним из таких решений представляется изобретение норм, в которых значение самостоятельного преступления придаётся соучастию в других преступлениях, которые законом уже предусмотрены. Другим видом законодательных ошибок является непродуманное включение квалифицирующих признаков. К числу законотворческих ошибок относится также нарушение системности в формулировках примечаний к статьям Уголовного кодекса. Наиболее распространены законотворческие ошибки в санкциях норм Особенной части УК РФ, некоторые из таких ошибок носят уголовно-политический характер. Самой распространенной системной ошибкой в санкциях является недопустимое установление наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания. Наряду с уголовно-политическими и системными ошибками в санкциях встречаются и технические ошибки, т.е. откровенные «ляпы». Конституция Российской Федерации не предоставляет ни одному органу власти права давать официальное толкование закона, а разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной

---

¹ Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, МГЮА, Москва, Россия.

Для цитирования: Рарог А. И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 143–156.

практики лишила свойства руководящих. Поэтому сомнения относительно смысла той или иной нормы, которые возникают довольно часто, не могут быть разрешены ни на одном официальном уровне, что приводит к разногласию в теории права и к отсутствию единообразия в практическом применении закона.

Ключевые слова: ошибка в праве, ошибка законодателя, ошибка правоприменения, пробел в праве, уголовное право, уголовно-правовая политика, квалифицированные составы преступлений, санкции уголовно-правовых норм, уголовный кодекс, Верховный Суд, правовая позиция.

Alexey I. Rarog¹

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

LEGISLATOR'S MISTAKES AND THEIR IMPACT ON RUSSIAN CRIMINAL POLICY

Abstract. The article provides an analysis of various kinds of legislative mistakes in the field of criminal law: legal gaps, contradictions and technical errors. The author notes that the mistakes of the legislator occur both in General and Special parts of the Criminal Code of Russia. Erroneous legislative decisions are also found in the basic elements of crimes and in the formulation of aggravating circumstances. One of such mistakes is the invention of the norms where a complicity in crime is qualified as an independent crime even though it is already provided by law. Another type of a legislative mistake is the ill-considered inclusion of qualifying features (aggravating circumstances). Legislative mistakes also include a violation of consistency in the wording of notes to the articles of the Criminal Code. The most common legislative mistakes are found in the sanctions of legal norms of the Special Part of the Criminal Code. Some of these errors are politically motivated. The most common systemic error in penal provisions is imposition of punishment in the form of forced labor or establishment of unacceptable levels of this punishment. Along with numerous errors in the sanctions, there are also technical errors, i.e. actual "bloopers". However, the Constitution of the Russian Federation does not empower any official body with the right to give a mandatory interpretation of the law. Interpretations of the Supreme Court on judicial practice are not mandatory. Therefore, doubts about the meaning of a particular norm, which arise quite often, cannot be resolved at any official

---

¹ Alexey I. Rarog, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, MSAL, Moscow, Russia.
For citing: Rarog Alexander I. Legislator's mistakes and their impact on Russian criminal policy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 143–156.

level, which leads to discrepancies in the theory of law and to the lack of uniformity in the practical application of the law.

Keywords: lawmaker's mistake, law enforcement mistake, gap in law, criminal law, criminal law policy, qualified offenses, penalties for criminal law, Criminal Code, Supreme Court, legal position.

Ошибка в праве – понятие многогранное. Оно включает и субъективную ошибку (неверные представления субъекта преступления о юридических или фактических свойствах совершаемого деяния), и судебную ошибку (неправильное установление или неправильная оценка фактических обстоятельств дела), и ошибку правоприменения (стихийно или по указанию вышестоящих судебных органов сложившаяся практика неправильного применения уголовно-правовой нормы), и ошибку законодателя (пробелы, противоречия и технические ошибки). Последняя из названных видов ошибки в праве является самой опасной и поэтому недопустимой. Тем не менее, законотворческих ошибок можно найти немало и в Общей, и в Особенной частях УК РФ. Некоторые из них были заложены в УК РФ изначально.

Например, в п. «б» ч. 1 ст. 58 остались без внимания мужчины, осуждённые к лишению свободы за тяжкое преступление, а в п. «в» той же нормы – мужчины, осуждённые к лишению свободы за особо тяжкое преступление, если ранее они отбывали лишение свободы, но это не породило рецидива преступлений. Пробел сохраняется до сих пор.

Другой пример. В ч. 3 ст. 81 УК предусмотрено обязательное освобождение от отбывания наказания военнослужащими, отбывающими арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе. Однако при таком заболевании становится невозможным исполнение и наказания в виде ограничения по военной службе. Тем не менее эта ситуация оказалась вне внимания законодателя. Этот пробел восполнен уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 174 УИК РФ), но в Уголовном кодексе РФ он сохраняется и сегодня.

Другие ошибки выявились в результате несоответствия первоначального и актуального текста уголовного закона.

Так, первоначально обязательные работы в случае злостного уклонения от их отбывания суд мог заменить ограничением свободы или арестом (закон от 08.12.2003 № 1262-ФЗ добавил к ним – и лишением свободы), а исправительные работы – ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Этому соответствовало положение о том, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом его срок может быть и менее одного месяца (ч. 2 ст. 54 УК). Но, согласно закону от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, и обязательные работы, и ис-

правительные работы в случае злостного уклонения от их отбывания могут быть заменены только принудительными работами или лишением свободы. Тем не менее, в ст. 54 УК сохраняется положение о том, что срок ареста в случае его назначения взамен обязательных работ или исправительных работ может быть и менее одного месяца. И эта ошибка продолжается уже 8 лет.

Статья 80 УК предоставляет суду право заменить неотбытую часть наказания более мягким видом. Первоначально это относилось только к лицам, отбывающим лишение свободы, и только за преступления небольшой и средней тяжести. Второе условие было исключено законом от 09.01.2001 № 25-ФЗ с уточнением, что замена наказания более мягким возможна *после фактического отбытия осужденным к лишению свободы* определенной части наказания. Закон от 08.12.2003 № 162 распространил действие ст. 80 УК на осуждённых к ограничению свободы и содержанию в дисциплинарной воинской части (законами от 27.12.2009 № 377-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ упоминание о лицах, отбывающих ограничение свободы, было заменено указанием на лиц, отбывающих принудительные работы). Но во второй части этой нормы отбытие определенной части назначенного наказания как необходимое условие замены наказания более мягким по-прежнему связывалось только с лишением свободы, оставляя открытым вопрос, какую же часть наказания обязан отбыть осуждённый к принудительным работам или к содержанию в дисциплинарной воинской части. Хотя этот пробел не раз отмечался в юридической литературе [см., например: 4, с. 177; 10, с. 67], он просуществовал 15 лет и был ликвидирован только законом от 27.12.2018 № 540-ФЗ.

Различного рода законодательные ошибки встречаются и в нормах Особенной части УК РФ.

Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ установил уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК). С учётом того, что злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, влечёт замену его неотбытой части принудительными работами или лишением свободы из расчёта два дня ограничения свободы за один день принудительных работ или лишения свободы (ч. 5 ст. 53 УК), в примечании к ст. 314 УК разъясняется, что уголовная ответственность наступает за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного только в качестве дополнительного наказания. Таким образом, последствия уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в одном из двух возможных качеств, принципиально различаются. Уклонение от отбывания основного наказания влечёт его замену более строгим наказанием (принудительными работами либо лишением свободы), а уклонение от отбывания дополнительного наказания объявляется самостоятельным преступлением со всеми вытекающими из этого последствиями. Здесь налицо явное нарушение

логики в оценке уклонения от отбывания ограничения свободы как основного, так и дополнительного наказания. Алогичность законодательного решения становится ещё очевиднее, если сравнить установленные законом сроки применения более строгого наказания.

Допустим, лицо осуждено к одному году ограничения свободы. В случае злостного уклонения от его отбывания ограничение свободы может быть заменено принудительными работами или лишением свободы максимум на 6 месяцев. А если то же наказание было назначено в качестве дополнительного, то при злостном уклонении от его отбывания максимальное наказание по ст. 314 УК может составить 1 год лишения свободы. Получается, что законодатель оценивает уклонение от отбывания основного наказания как менее опасное правонарушение, чем уклонение от отбывания дополнительного наказания. Позиция выглядит странной и, видимо, нуждается в корректировке, тем более что злостное уклонение от отбывания штрафа или иных видов наказания, назначенных в качестве дополнительных, законодателем вообще не рассматривается в качестве преступления.

Ошибочные законотворческие решения встречаются и в основных составах преступлений, и в формулировании квалифицирующих признаков.

Одним из таких решений представляется изобретение норм, в которых значение самостоятельного преступления придается соучастию в других преступлениях, которые законом уже предусмотрены. Яркой иллюстрацией этому служит ст. 205¹ УК, введённая законом от 24.07.2002 г. № 103-ФЗ и после этого неоднократно реконструированная. Установление уголовной ответственности за пособничество в совершении террористического акта само по себе несколько не расширило сферу уголовной ответственности, поскольку и до этого она обеспечивалась институтом соучастия, поэтому ч. 3 ст. 205¹ УК «не имеет под собой криминологической основы, поскольку противодействие соответствующему деянию было не менее и, пожалуй, более эффективным и без соответствующего дополнения Особенной части УК РФ за счёт применения института соучастия в преступлении...» [2, с. 288; см. также: 6, с. 106; 9]. Она не согласуется с общим учением о соучастии и порождает немало правоприменительных проблем.

Во-первых, в её названии используется термин «содействие», применяемый обычно для характеристики пособничества», хотя фактически она предусматривает все виды соучастия помимо исполнительства.

Во-вторых, невозможно теоретически обосновать повышенную опасность пособничества совершению террористического акта (наказание от 10 до 20 лет лишения свободы) по сравнению с исполнением этого преступления (от 8 до 15 лет). И в дореволюционном российском [1, с. 511], и в советском [3, с. 169; 14, с. 95; 17, с. 23] уголовном праве пособничество рассматривалось как наименее опасная разновидность соучастия. Более снисходительное отношение к пособнику в сравнении с

организатором и подстрекателем закреплено в российском УК (ч. 4 ст. 31) и явно выражено Верховным Судом РФ в определении по делу Дюльдина [см.: 7].

Правда, в отечественном законодательном багаже имеется опыт выделения пособничества отдельным видам преступлений в самостоятельные нормы Особенной части Уголовного кодекса. Так, содействие контрреволюционной организации приравнивалось к участию в ней (ст. 61 УК РСФСР 1922 г.), а пособничество бандам и их укрывательство каралось наравне с организацией банд и участием в них (ч. 2 ст. 76 УК 1922 г., ч. 2 ст. 59⁴ УК 1926 г.). Устанавливая пособникам такое же наказание, как и исполнителям, закон, тем не менее, предусматривал возможность понижения наказания пособникам до двух лет лишения свободы. Кстати, уголовное законодательство ряда стран предусматривает обязательное (например, ч. 1 ст. 27 УК КНР, ч. 2 ст. 32 Республики Корея, ст. 63 УК Японии) или факультативное (например, абз. 2 § 27 Уголовного уложения ФРГ, § 2 ст. 19 УК Польши, § 23 УК (Дании) смягчение наказания пособнику.

В-третьих, действующая редакция ст. 205¹ УК порождает неизбежную конкуренцию между её частью 3 и частью 1, которая предусматривает (в частности) пособничество совершению террористического акта в формах подготовки или вооружения исполнителя либо финансирования этого акта, что ставит перед судьями весьма трудную задачу разграничить виды пособничества и обосновать различие в степени их общественной опасности.

Включение в УК РФ ст. 205 стало лишь первым ударом по принципу более снисходительного отношения к пособнику, чем к иным соучастникам преступления. Второй удар по этому принципу нанесло дополнение УК РФ статьей 291¹.

Состав посредничества во взяточничестве был включён в Уголовный кодекс РСФСР (ст. 174¹) в 1962 г., но в УК РФ ему не нашлось места, поэтому посредничество во взяточничестве стало квалифицироваться как соучастие либо в получении, либо в даче взятки. Но после 15 лет такой практики было решено возвратиться к почти забытому составу посредничества во взяточничестве. Это, конечно, право законодателя. Но легальное решение должно быть корректным, а этого в составе посредничества во взяточничестве мы не наблюдаем, поскольку включение ст. 291¹ в УК РФ было осуществлено законом от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ с нарушением требования системности уголовного закона.

Во-первых, криминализовав посредничество во взяточничестве, законодатель не сделал того же применительно к такому коррупционному преступлению, как коммерческий подкуп (этот пробел был восполнен только через 5 лет законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Во-вторых, при значительном размере взятки посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) почему-то наказывалось строже (до 5 лет лишения свободы), чем собственно дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ – до 3 лет). Этот дисбаланс

был ликвидирован только через 5 лет упомянутым законом № 324, повысившим верхний предел дачи взятки в значительном размере до 5 лет и понизившим предел наказания за посредничество до 4 лет.

В-третьих, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывалось лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (п. «б» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ), тогда как дача взятки – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ). Эта ошибочная оценка трёх смежных составов была исправлена только законом № 324, приравнявшим наказание за дачу взятки к наказанию за её получение и снизившим наказание за посредничество (от 5 до 10 лет лишения свободы).

В-четвертых, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков) наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, тогда как реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 4 года (в первоначальной редакции – до 5 лет). Такая «дифференциация» наказания указывает на то, что законодатель совершенно запутался в оценке степени опасности посредничества во взяточничестве, как и в оценке его обещания или предложения, по сравнению с опасностью дачи или получения взятки [см.: 5; 12].

Большие сомнения вызывает редакция статьи 205³ УК.

Во-первых, непонятно, на каком основании действия, которые по своей сути являются приготовлением к совершению преступлений террористического характера, признаются самостоятельным окончанным преступлением.

Во-вторых, совершенно необъяснимо, почему приготовление к этим преступлениям законодатель считает гораздо более опасным (наказание – вплоть до пожизненного лишения свободы), чем сами подготавливаемые преступления.

В-третьих, вряд ли можно обосновать установление уголовной ответственности за прохождение обучения потенциальными террористами при отсутствии уголовной ответственности за организацию такого обучения. Ведь не мог же законодатель иметь в виду такую ответственность за «подготовку лица» к совершению террористического преступления в ч. 1 ст. 205¹ УК с несопоставимо мягкой в сравнении со ст. 205³ УК санкцией!

Одним из видов законодательных ошибок является непродуманное включение квалифицирующих признаков. Примерами могут служить:

– придание квалифицирующего значения применению огнестрельного оружия при совершении теракта (исключен только в 2008 г.);

– придание умышленному причинению смерти человека статуса особо квалифицирующего признака захвата заложника (ч. 4 ст. 206), террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК), реализованное законом от 28 декабря 2008 г. № 321-ФЗ.

Во-первых, последняя новелла не соответствует конституционной оценке жизни человека, которая является высшей ценностью (ст. 2, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) и не может лишь попутно охраняться нормами, устанавливающими ответственность за менее опасные преступления, чем убийство.

Во-вторых, оно влечёт за собой сомнительную правоприменительную практику. В постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует». При такой постановке вопроса без уголовно-правовой оценки остаются многие квалифицирующие признаки, предусмотренные частью 2 ст. 105 УК РФ [см. об этом также: 6, с. 105; 9].

В-третьих, квалификация убийства (в том числе многих лиц) при террористическом акте лишь по ст. 205 УК исключает применение смертной казни, предусмотренной (хотя в современных условиях – только формально) частью 2 ст. 105 УК*. Да и лишение свободы может быть назначено только в пределах санкции части 3 ст. 205 УК, т.е. до 20 лет, тогда как по совокупности части 2 ст. 105 и, например, части 2 ст. 205 УК оно может составить до 30 лет.

Вызывает также сомнение обоснованность включения в число квалифицирующих признаков неосторожного причинения смерти человека (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК).

Во-первых, весьма странной представляется позиция законодателя, воспринимающего указанное последствие как нетипичное, а поэтому выходящее за рамки основного состава террористического акта.

Во-вторых, с трудом представляется ситуация, в которой лицо, совершая с прямым умыслом террористический акт, к его последствиям в виде гибели людей относился бы неосторожно [см.: 8].

В-третьих, не поддается логическому объяснению то обстоятельство, что с неосторожным причинением последствий (пусть даже особо тяжких) законодатель связывал резкое усиление наказания (по первоначальной версии – ч. 3 ст. 205 УК – до пожизненного лишения свободы). Правда, Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. рассматриваемый признак из особо квалифицирующего стал просто квалифицирующим, и теперь преступление с такими последствиями наказывается лишением свободы не пожизненно, а на срок от 10 до 20 лет. Однако и в такой трактовке включение в число квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности сомнений вовсе не рассеяло.

* На это учёные уже обращали внимание [см., например: 15, с. 440; 11, с. 18; 16, с. 17].

К числу законотворческих ошибок относится нарушение системности в формулировках примечаний к статьям Уголовного кодекса.

Так, довольно странным является отсутствие в ст. 127 УК поощрительного примечания, тогда как в других статьях УК о преступлениях, связанных с посягательством на личную свободу (126, 127¹, 206) такие примечания имеются.

Весьма сомнительным является ограничение сферы применения освобождения от уголовной ответственности при добровольном освобождении потерпевшего, как это указано в статье УК о торговле людьми, тогда как при похищении человека и захвате заложника такие ограничения не установлены.

Ещё более удивительным было установление законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ тождественных примечаний к статьям 282¹ и 282² УК.

Эти нормы появились в УК РФ в 2002 г. В примечании к ст. 282² УК освобождение от уголовной ответственности связывалось с вступлением в законную силу судебного решения о ликвидации экстремистской организации или о запрете её деятельности. Это было вполне обосновано, ибо до судебного решения организация не считалась экстремистской. Но ст. 282¹ УК предусматривала принципиально другую ситуацию: экстремистское сообщество по закону являлось преступным с самого момента создания, и для установления его преступного характера не требовалось никакого судебного решения. Поэтому примечание к этой норме предусматривало освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно прекратившего участие в экстремистском сообществе, если в его действиях не содержится состава иного преступления. Однако закон от 24.07.2007 г. изложил содержание примечания 1 к ст. 282¹ УК точно так же, как и в примечании к ст. 282² УК, что сделало его принципиально неисполнимым. И только через 7 лет эта ошибка была исправлена законом от 28.09.2014 г. № 179-ФЗ, который вернулся к первоначальной редакции примечания к ст. 282¹ УК.

Наиболее распространены законотворческие ошибки в санкциях норм Особенной части УК РФ.

Некоторые из таких ошибок носят уголовно-политический характер, например, снятие законом от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ минимума лишения свободы в санкциях многих норм о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких. После этого формально законным стало назначение, скажем, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, наказания в виде лишения свободы как на 2 месяца, так и на 15 лет. Такое законодательное решение не только противоречит идеям деления преступлений на категории и дифференциации уголовной ответственности, но и содержит явный коррупциогенный потенциал. Несмотря на жёсткую негативную реакцию научного и правоприменительного сообщества, законодатель до сих пор не отступает от своей сомнительной в этом вопросе позиции.

Другие ошибки законодателя в санкциях носят системный характер.

Так, формулируя санкции норм Особенной части УК, законодатель обязан не только устанавливать перечень видов наказания, но и определять их сроки или размеры в точном соответствии с положениями Общей части УК, регламентирующими систему наказаний. Вопреки этому требованию законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ в санкцию ч. 1 ст. 241 УК было включено наказание в виде ограничения свободы на срок *до пяти* лет. Это противоречило ст. 53 УК, в соответствии с которой наказание в виде ограничения свободы за умышленное преступление не могло превышать *трёх* лет. Поэтому Федеральным законом от 21.07.2004 г. отмеченная законодательная ошибка была исправлена, и верхний предел ограничения свободы в ч. 1 ст. 241 УК был снижен до трёх лет.

Примером системной ошибки может служить и санкция ч. 3 ст. 281 УК, в которой вопреки положениям ст. 57 УК установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

К этому же виду ошибки можно отнести и несбалансированные санкции частей 1 и 2 статьи 173¹ УК: основной состав преступления влечёт наказание в виде принудительных работ (наряду со штрафом и лишением свободы), а квалифицированный – обязательные работы (также наряду со штрафом и лишением свободы).

Самой распространенной системной ошибкой в санкциях является недопустимое установление наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания.

Принудительные работы – это альтернативный вид наказания (ч. 1 ст. 53¹ УК). В соответствии с законом (ч. 2 ст. 53¹ УК) он не может назначаться как самостоятельный вид наказания, а применяется вместо назначенного наказания в виде лишения свободы, если суд придёт к убеждению, что исправление осуждённого возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы*. В этом случае продолжительность принудительных работ равняется (и это принципиально важно!) назначенному сроку лишения свободы. Значит, она ни при каких обстоятельствах не может превышать назначенного судом срока лишения свободы. Между тем, установленный в статье 53¹ УК порядок применения принудительных работ самим же законодателем часто нарушается.

Игнорируя юридическую природу принудительных работ как альтернативного вида наказания, законодатель включает их в те санкции, которые вообще не предусматривают лишения свободы (например, части первые всех статей УК о специальных видах мошенничества, ч. 1 и ч. 2 ст. 200¹ УК), либо устанавливают возмож-

---

* К рассматриваемому вопросу не имеет отношения возможность применения принудительных работ в порядке замены обязательных (ч. 3 ст. 49 УК) либо исправительных (ч. 4 ст. 50 УК) работ в случае злостного уклонения от их отбывания, а также замены лишения свободы принудительными работами на основании ст. 80 УК.

ность применения принудительных работ на срок, превышающий максимально возможный срок лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145¹, ст. 172 УК).

Наряду с уголовно-политическими и системными ошибками в санкциях встречаются и технические ошибки, т.е. откровенные «ляпы».

Так, пресловутым законом от 08.12.2003 г., изменившим (в том числе) и многие санкции, в ч. 1 ст. 165 УК (основной состав) было установлено наказание вплоть до 6 лет, в ч. 2 той же статьи (квалифицированный состав) – до 3 лет, а в ч. 3 – до 5 лет лишения свободы. Эта несуразица была ликвидирована законом от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ.

Закон от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ, внося изменения в целый ряд санкций, установил, что деяние, предусмотренное частью 2 ст. 201 УК, может быть наказано «штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до пяти лет *или без такового*». Даже студенту-юристу хорошо известно, что формулировка «или без такового» относима исключительно к дополнительным видам наказания. После этого в санкцию ч. 2 ст. 201 УК изменения вносились дважды: законами от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ и от 07.12. 2011 г. № 420-ФЗ, однако отмеченный очевидный законодательный брак до сих пор не исправлен.

В связи с проблемой законодательных ошибок с ностальгией вспоминается советское законодательство второй половины прошлого столетия. Оно было более стабильно, а правовые нормы были более обоснованы теоретически и совершенны с точки зрения юридической техники. Единообразное их применение гарантировалось правом Президиума Верховного Совета СССР (и соответственно – Президиумами Верховных Советов Союзных Республик) давать официальное толкование закона, а также правом Верховного Суда СССР (и соответственно – Верховных Судов Союзных Республик) давать разъяснения, которые по закону являлись руководящими. В постсоветский период сложилась иная ситуация: Конституция Российской Федерации не предоставила ни одному органу власти права давать официальное толкование закона, а разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики лишила свойства руководящих. Поэтому сомнения относительно смысла той или иной нормы, которые возникают довольно часто, не могут быть разрешены ни на одном официальном уровне, что приводит к разногласиям в теории права и к отсутствию единообразия в практическом применении закона.

Список литературы

1. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1 : Часть Общая / А. Ф. Бернер. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. – 941 с.
2. Борисов, С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права. – М., 2016. – С. 285–288.
3. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовном праву / Ф. Г. Бурчак. – Киев : Наукова думка, 1969. – 216 с.
4. Грачева, Ю. В. Оценка пределов судейского усмотрения в нормах о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. – М., 2013. – С. 176–178.
5. Грошев, А. В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. – Краснодар, 2011. – С. 104–106.
6. Кадников, Н. Г. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности / Н. Г. Кадников, М. М. Дайшутов // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 104–107.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. № 48-О12-65 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=500484.
8. Меркурьев, В. В. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок / В. В. Меркурьев, Н. Г. Кадников // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2002. – № 3. – С. 182–187.
9. Некрасова, А. А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 69–71.
10. Рарог, А. И. «Работа над ошибками» – обязанность законодателя // Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 65–73.
11. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : в 3-х т. Т. 3 / под ред. Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 664 с.
12. Савенко, И. А. Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. – Краснодар, 2011. – С. 116.
13. Серебряков, А. В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Серебряков. – Краснодар, 2012. – 28 с.

14. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 986 с.
16. Уголовное право России. Особенная часть. Т. 2 / под ред. О. С. Капинус. – М. : Юрайт, 2015. – 539 с.
17. Шаргородский, М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве / М. Д. Шаргородский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 56 с.

References

1. Berner A. F. *Uchebnik ugovnogo prava. Tom 1: Chast' Obshchaya* [Textbook of criminal law. Vol. 1. Part of the General]. St-Petersburg: Tipogr. N. Tiblena and company, 1865. 941 p.
2. Borisov S. V. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта [On the question of the criminological basis of the composition of the crime in the form of complicity in the commission of a terrorist act]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava: materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava* [Criminological basis of criminal law. Materials of the X Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, 2016, pp. 285–288.
3. Burchak F. G. *Uchenie o souchastii po sovetskomu ugovnomu pravu* [The doctrine of complicity in the Soviet criminal law]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1969. 216 p.
4. Gracheva Yu. V. Otsenka predelov sudeiskogo usmotreniya v normakh o zamene neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya [Assessment of the limits of judicial discretion in the rules on the replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment]. *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century. Proceedings of the X International Scientific Practical Conference]. Moscow, 2013, pp. 176–178.
5. Groshev A. V. Antikorruptsiionnye novelty ugovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (kriticheskii analiz) [Anti-corruption novels of the criminal legislation of the Russian Federation (critical analysis)]. *Sovremennye problemy ugovnoi politiki* [Modern problems of criminal policy]. Vol. 2. Krasnodar, 2011, pp. 104–106.
6. Kadnikov N. G., Daishutov M. M. O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti [On the problems of responsibility for crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i parvo*, 2016, no. 2 (56), pp. 104–107.
7. Cassation definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 9, 2012 No. 48-O12-65. Available at: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=500484 (accessed 17 June 2019). (In Russian).

8. Merkur'ev V. V., Kadnikov N. G. K voprosu o kvalifikatsii nekotorykh prestuplenii, posyagayushchikh na obshchestvennyuyu bezopasnost' i obshchestvennyi poryadok [On the issue of the qualification of some crimes that encroach on public safety and public order]. *Vestnik Mosk. universiteta MVD Rossii*, 2002, no. 3, pp. 182–187.

9. Nekrasova A. A. Problemy sistematzatsii ugovolno-pravovogo regulirovaniya spetsial'nykh vidov prikosnovennosti i souchastiya v prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera [Problems of systematization of criminal law regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i parvo*, 2016, no. 4 (58), pp. 69–71.

10. Rarog A. I. «Rabota nad oshibkami» – obyazannost' zakonodatelya [«Work on mistakes» is the duty of the legislator]. *Gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 4, pp. 65–73.

11. Lopashenko N. A., ed. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Russian criminal law. General and Special parts]. Vol. 3. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014. 664 p.

12. Savenko I. A. Izmeneniya v zakonodatel'stve po prestupleniyam korruptsionnoi napravlenosti [Changes in legislation on crimes of a corruption nature]. *Sovremennye problemy ugovolnoi politiki* [Current problems of criminal policy]. Vol. 2. Krasnodar, 2011, p. 116.

13. Serebryakov A. V. *Sodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti: problemy kvalifikatsii i sootnoshenie so smezhnymi sostavami prestuplenii* [Assistance to terrorist activities: problems of qualification and correlation with related offenses]. Dis. Cand. Legal Sci. Krasnodar, 2012. 28 p.

14. Tel'nov P. F. *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Responsibility for complicity in crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 208 p.

15. Zvecharovskii I. D., ed. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. Special part]. Moscow: INFRA-M Publ., 2010. 986 p.

16. Kapinus O. S., ed. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. The special part]. Vol 2. Moscow: Yurait Publ., 2015. 539 p.

17. Shargorodsky M. D. *Vina i nakazanie v sovetskom ugovolnom prave* [Guilt and punishment in the Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu USSR, 1945. 56 p.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

Научный журнал

2019

№ 1

Председатель редакционного совета
С. Д. Князев

Главный редактор
А. И. Коробеев

Заместители главного редактора
В.В. Гаврилов, Е. П. Жариков, Н.В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь
В. В. Короченцев

Редакционный совет
П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Сеун, Пак Ноенг, И. И. Рогов,
Д. Снайдер, Фу Куенчен, Хуан Даосю, И. В. Панова

Редакционная коллегия
К.В. Арановский, Л.Ю. Вотинцева, Н.Н. Коротких,
В.А. Номоконов, С.Д. Песцов

Редактор *Т.Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*
Редактор References *Т.В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С.А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 30.03.2019.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 12,74. Уч.-изд. л. 13,60.

Тираж 500 экз. Заказ 240.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10